

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ

Настоящее пособие печатается
для прокурорско-следственных ра-
ботников и продаже в открытой
книготорговой сети не подлежит

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК **63**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва • 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. И. ГУКОВСКАЯ, Л. М. КАРНЕЕВА,
Э. Д. КУРАПОВА (ответственный редактор сборника),
Г. И. МУДЬЮГИН, С. С. СТЕПНЧЕВ,
Н. А. СЕЛИВАНОВ, В. Г. ТАНАСЕВИЧ

Заместитель начальника Управления
милиции МООН Азербайджанской ССР
полковник милиции

А. П. ФОКИН

Старший следователь прокуратуры
г. Баку юрист 1-го класса

М. М. МАМЕДОВ

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАБОТНИКОВ
ПРОКУРАТУРЫ И МИЛИЦИИ ОБЕСПЕЧИЛО
РАСКРЫТИЕ ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В 1961 году в Баку было совершено несколько нападений на кассы учреждений и предприятий. Так, 9 марта, около 2 час. ночи, трое неизвестных, проникнув в контору строительного управления №1 треста «Промзавод-монтаж», расположенного в Шаумяновском районе Баку, напали на охранника Микаилова, связали его и потребовали показать, где находится касса. Затем они отобрали у Микаилова ключи, заперли его в стенном шкафу, отключили телефон и, отогнув железную решетку-дверь, вошли в помещение кассы. Выбив с помощью пробойника замок сейфа, преступники похитили из кассы 260 руб.¹.

В ночь на 23 апреля неизвестные лица выставили оконное стекло и проникли в помещение бухгалтерии управления спецстроймеханизации Министерства строительства Азербайджанской ССР, расположенного в Наримановском районе города. Преступники открыли дверь в помещение кассы и пытались с помощью подобранный ключа открыть сейф. Но бородка ключа отломилась, и замок не открылся. Находившийся на посту охранник преступников не заметил.

С осени ограбления касс участились.

В ночь на 16 сентября неизвестные преступники, взломав внутренний замок двери, проникли в помещение кас-

¹ Здесь и далее все суммы даются в новом масштабе цен, если об этом не оговорено особо.

сы Кишлинского машиностроительного завода, расширили отверстие замочной скважины сейфа, открыли его и похитили 654 руб. На месте происшествия работники милиции изъяли заостренный конец ломика, пилу-ножовку и отвертку, которая, по заключению эксперта, использовалась для взлома замка.

В ночь на 12 октября преступники снова проникли в помещение управления спецстроймеханизации Министрства строительства и попытались открыть сейф. Вначале они действовали с помощью пробойника. Потерпев неудачу, преступники пытались сорвать верхнюю крышку сейфа. Но сделать это им не удалось.

В ночь на 21 октября неизвестные лица проникли в слесарный цех Бакинского опытного завода климатических установок, напали на охранника Новрузова, связали ему руки и ноги, завязали глаза, забили рот кляпом и перенесли в бухгалтерию. Затем, отогнув решетчатую дверь и сломав замок деревянной двери, они прошли в кассу, с помощью лома и кувалды отжали дверцу сейфа и похитили оттуда 3647 руб.

В ночь на 3 декабря четверо преступников появились на территории двора автобазы «Каспромстрой». Они связали охранника и, забив ему рот кляпом, заперли его в сторожевой будке. Второго охранника, находившегося в помещении конторы, они также связали, перенесли на второй этаж здания и закрыли в одной из комнат. Грабители взломали замок двери комнаты, в которой стоял сейф, и пытались вскрыть его, видимо, с помощью пробойника, но безуспешно. Тогда они вынесли сейф в коридор, взломали верхнюю крышку и забрали 3925 руб.

В ночь на 26 декабря четверо преступников пытались украсть деньги, хранившиеся в сейфе Бакинского домостроительного комбината Главбакстроя. Связав сторожа и дежурного лаборанта, они проникли в помещение кассы. Однако появление сменных рабочих помешало преступникам осуществить свои намерения, и они вынуждены были скрыться.

До конца 1961 года перечисленные преступления оставались нераскрытыми, а разбойные нападения продолжались.

В ночь на 9 января 1962 г. группа неизвестных на территории транспортной конторы «Азморнефтьстроя» напала на охранника Айрапетову. Они связали ее, завя-

зали глаза и затащили в один из коридоров. Взломав дверь в помещение кассы, они свалили на пол сейф, срубили его крышку, вырубili отверстие в крышке внутреннего отделения и похитили 8673 руб.

Последняя попытка совершения аналогичного преступления была зарегистрирована в ночь на 26 января 1962 г. Преступники проникли на мебельную фабрику №1, расположенную в Октябрьском районе, связали охранника, вошли в помещение бухгалтерии и взломали дверцу кассы. В это время освободившийся от веревок охранник бросился бежать, призывая на помощь. Поэтому преступники вынуждены были скрыться, оставив на месте орудия преступления — два пробойника, кувалду, зубила, отвертки, пластины, а также куски веревки и мешковины.

По всем случаям разбойных нападений возбудили уголовные дела. В работу по установлению преступников включилось большое количество сотрудников уголовного розыска Управления милиции Бакгорисполкома, Наримановского и Шаумяновского районных отделов милиции. Однако проводившаяся работа результатов не дала.

По поручению прокурора Баку старшего советника юстиции Кулиева возбужденные в связи с фактами ограблений касс дела были объединены в одно. Его принял к своему производству старший следователь прокуратуры города, один из авторов статьи¹.

Для участия в расследовании и проведения оперативных мероприятий по распоряжению начальника Управления милиции МООП Азербайджанской ССР была создана оперативная группа. В нее вошли заместитель начальника управления милиции г. Баку полковник милиции Баринов, начальник уголовного розыска майор милиции Вабаев, начальники уголовного розыска районных отделов милиции Оганов и Григорян, оперативные работники уголовного розыска Управления милиции Бакгорисполкома Джавадов, Арзуманов, дознаватель Шахмурадов и эксперт НТО Мириманов.

Мы составили детальный план расследования по делу. Тщательно изучив все указанные уголовные дела об ог-

¹ За умело проведенное расследование описываемого дела старший следователь прокуратуры г. Баку т. Мамедов М. М. поощрен приказом Генерального Прокурора Союза ССР.

раблениях и кражах из касс, мы пришли к выводу, что все ограбления совершены одной группой лиц, действовавшей аналогичными способами. Трасологическое исследование показало, что при совершении некоторых из перечисленных ограблений использовались одни и те же орудия взлома. Можно было предполагать, что ограбления совершали опытные преступники, возможно, уже судимые за подобные преступления.

В связи с этим из архивов народных судов и милиции истребовали все дела об ограблениях касс в 1950 - 1960 гг. Выяснилось, что 15 человек, ранее осужденные за ограбление касс, уже отбыли сроки наказания и проживали в городах Баку и Сумгаите.

При осмотре мест происшествия по некоторым из расследуемых нами преступлений на стенках сейфов и на иных поверхностях были обнаружены отпечатки пальцев. Их сравнили с отпечатками пальцев на дактилоскопических картах указанных 15 человек, но случаев совпадения не оказалось.

С изъятими с мест происшествия следами пальцев сравнивали дактилоскопические карты и других лиц, в прошлом привлекавшихся к уголовной ответственности, а также тех, кто задерживался в период расследования за совершение тех или иных преступлений. Однако и это не дало результатов.

На основе показаний потерпевших-охранников и свидетелей-очевидцев удалось составить довольно подробные «словесные портреты» нескольких участников ограблений. Специальные оперативные группы вместе со свидетелями проводили поисковые мероприятия.

Вся наша последующая деятельность по раскрытию преступлений строго планировалась, при этом каждому из участников оперативной группы был выделен определенный участок работы. По мере необходимости к работе подключались и другие сотрудники, не входившие в состав оперативной группы.

Работа продолжалась. Мы проверяли одновременно целый ряд версий. Так, предполагалось, что к грабежам могут быть причастны лица, работающие на тех предприятиях, где совершались ограбления касс. Сотрудники милиции, занимавшиеся проверкой этой версии, получили списки работников интересующих нас организаций (в списки были включены и недавно уволенные) и выя-

вили лиц, ранее судившихся за дерзкие преступления. Затем с помощью дактилоскопической картотеки НТО и пальцевых отпечатков, изъятых на месте происшествия, проверялось, нет ли среди них участников ограблений.

Специальная оперативная проверка проводилась и в отношении отдельных подозреваемых. Так, имелись некоторые основания считать, что к расследуемым преступлениям причастен житель поселка имени Жданова Валерий Громов — один из участников разоблаченной в 1956 году преступной группы, возглавляемой братьями Васиными. Из поступивших оперативных материалов усматривалось, что Громов ведет себя подозрительно. Живет явно не по средствам. Однако проведенная проверка показала, что Громов к ограблениям касс не причастен.

Знакомились мы и со старыми уголовными делами. Среди них опять-таки обратило на себя внимание дело братьев Васиных, Павла Кузнецова и их соучастников. Эта преступная группа действовала на территории Баку в 1956 году и тоже совершала нападения на кассы. Преступники связывали охранников, вскрывали сейфы заранее приготовленными инструментами, забирали деньги и скрывались. Мы еще и еще раз перечитывали дело Васиных, Кузнецова и других. На первый взгляд, ничего полезного для нас там не было. Но в числе упоминавшихся в деле лиц мы обратили внимание на Кузнецова Владимира — брата осужденного Кузнецова Павла. Владимир тогда к ответственности не привлекался, а проходил по делу свидетелем.

Решили проверить образ жизни и связи Кузнецова Владимира.

В то время, когда мы вели эту работу, поступили новые важные оперативные материалы, в которых тоже фигурировало имя Владимира Кузнецова.

30 января 1962 г. было получено сообщение о том, что житель поселка имени Жданова Владимир Косткин, работающий на котельно-механическом заводе и хорошо знающий токарное и слесарное дело, изготавливает для частных лиц инструменты: пробойники, зубила и др. В сообщении говорилось также, что Косткин имеет значительные суммы денег и близко знаком с Владимиром Кузнецовым. Последний тоже тратит много денег

и пьянствует. Он часто покупает, а затем продает костюмы, объясняя это тем, что они ему якобы не нравятся или не подходят по росту. Кузнецов и Косткин часто почти по неделе не бывают дома. Дружит с ними и некий Владимир Петров.

Однако этих сведений было далеко не достаточно для каких-либо конкретных предположений. Нужно было продолжать проверку.

Решили обратиться за помощью к общественности — активистам поселка имени Жданова, где жили Кузнецов и Косткин, а до недавнего прошлого и Петров. Поселок имени Жданова небольшой, и его жители хорошо знали друг друга. Побеседовали с председателем поселкового Совета, председателями квартальных комитетов и управляющими домами, соседями, проживающими рядом с домами Кузнецова и Косткина. Их, разумеется, предупреждали, что разглашать содержание наших бесед не следует.

Нам удалось выяснить следующее. Владимир Кузнецов, 1927 года рождения, не работает, так как является пенсионером по болезни (у него туберкулез легких). Однако образ жизни Кузнецова явно не соответствует размеру пенсии: он пьянствует, часто устраивает у себя на квартире вечеринки.

В день нашего приезда в поселок Кузнецова дома не было — он куда-то уехал. Мы установили, что он выехал в Томск, к своему брату Павлу Кузнецову, который там отбывал наказание.

Сотрудник милиции поехал на завод, где работал Косткин. Из бесед с его товарищами по работе и руководителями цеха выяснилось, что Косткин считается хорошим слесарем, добросовестно относится к поручаемым ему заданиям. Рабочие рассказали также, что на работу к Косткину часто приходили Кузнецов и некий Грессеров. Вместе с ними Косткин отлучался с завода, а когда возвращался, было заметно, что он выпивши. Последнее время Косткина все чаще видели пьяным. Это подтвердили и жители поселка имени Жданова.

Допрошенный в качестве свидетеля сосед Косткина по станку слесарь Арутюнов показал, что Косткин иногда во время и после работы изготавливает по эскизам какие-то инструменты. Арутюнов предполагал, что это были не задания мастера, а скорее «левая» работа.

Среди этой «продукции» Косткина Арутюнов видел пробойники, отмычки, зубила.

Косткина Раиса, сестра Владимира, на допросе подтвердила, что ее брат очень часто встречается с Кузнецовым, пьянствует с ним. Владимир делает какие-то инструменты для Кузнецова. Раиса ругала брата за дружбу с Кузнецовым, но Владимир на это не реагировал.

Возникло предположение, что Кузнецов и Косткин причастны к ограблению касс.

Мы решили допросить Косткина, который в это время отбывал наказание за мелкое хулиганство. Вначале он отрицал какую-либо связь с Кузнецовым, но, избитый приведенными выше показаниями свидетелей, вскоре признался, что действительно по просьбе Кузнецова иногда, в нерабочее время, изготавливал для него пробойники, отмычки, зубила и другие инструменты для взлома замков и сейфов. Кузнецов давал ему эскизы, чертежи и материалы. За изготовленные инструменты Кузнецов платил Косткину деньги, часто угощал его спиртными напитками, давал одежду. По нашему предложению Косткин начертил эскизы инструментов, которые он изготавливал для Кузнецова.

Получив эти показания, мы решили арестовать Косткина и срочно задержать Владимира Кузнецова. В Томск, где он находился, выехали работники уголовного розыска. Без особых осложнений они разыскали Кузнецова и доставили его в Баку.

Между тем другие члены нашей оперативной группы установили, что Владимир Кузнецов поддерживал дружеские отношения с Грессеровым, Жариковым, Петровым, Чуприным — жителями поселка имени Жданова.

Кузнецова Владимира мы допрашивали вдвоем. Сначала выяснили, с какой целью он ездил в Томск, о чем говорил с братом. Постепенно мы подводили Кузнецова к вопросу об его участии в ограблении касс. Когда его спросили, зачем он просил Косткина изготавливать разные инструменты и как их использовал впоследствии, Кузнецов попытался уйти от прямого ответа на этот вопрос. Но поняв в ходе допроса, что нам многое известно, он вынужден был дать правдивые показания и рассказал, что совместно с Жировым, Грес-

серовым, Жариковым, Петровым, Спириным, Чуприным, Аветисовым и другими занимался ограблением касс в Баку и в некоторых других городах.

Косткин делал для них инструменты по чертежам Кузнецова. Участники группы заранее договоривались об очередном «деле». Кузнецов и еще два три участника преступной группы (в зависимости от объекта, места и времени ограбления) предварительно изучали место расположения кассы. В назначенную ночь они проникали на территорию избранного объекта, находили на охранника и связывали его. С помощью приготовленных инструментов они всламывали ящики, замки, металлические ящики с деньгами, сейфы. Похищенные деньги, быстро скрывались, затем делили их между собой и тратили на вышивки и тулупки.

Кузнецов подробно рассказывал о разбойных нападениях, совершенных им и другими участниками преступной группы. В их числе он назвал упоминавшиеся выше ограбление кассы СМУ 1, откуда было похищено 260 руб.; нападение 9 января 1962 г. на кассу транспортной конторы «Азморнефтьстроя», где они «извлекли» 8675 руб. Рассказал он и о совершенном 9 декабря 1961 г. ограблении кассы АТК треста «Каспморнефтьстроя», откуда им удалось похитить 7200 руб.; о других преступлениях. Всего эта группа преступников совершила в Баку 10 ограблений касс; из них 4 попытки окончились безуспешно. В своих показаниях Кузнецов назвал и преступления, совершенные их группой в других городах: Грозном, Пензе. Так, в Грозном при нападении на кассу СМУ Грозненского совнархоза они похитили 7200 руб. Связанный ими рабочий СМУ Марсубян умер от удушья. В Пензе преступники ограбили кассу завода № 1 «Стройдетали», забрав 14 000 руб.

Мы истребовали все эти дела и объединили их с делом об ограблении касс на территории Баку.

Работники милиции задержали в Баку названных Кузнецовым Петрова, Чуприна, Аветисова, Спирина. Оперативным путем установили местонахождение других участников преступной группы. Жиров находился в Днепропетровске. Работник уголовного розыска Баку, прибыв туда, при помощи работников местного уголовного розыска установил, где проживает Жиров, и задержал его.

Жариков находился в Ленинграде. Оказалось, что там он вошел в преступный сговор с ранее неоднократно судимым Санжаком, а также с Царевым и Басковым. При попытке ограбить кассу завода строительных изделий «Ленакадемстрой» они были арестованы Ленинградским уголовным розыском.

Постепенно все участники преступной группы были разысканы, задержаны и арестованы. После нескольких допросов и очных ставок каждый из них дал правдивые показания и детально рассказал о своем участии в совершении разбойных нападений. В ходе допросов удалось точно установить, кто участвовал в тех или иных ограблениях, конкретную роль каждого участника.

При проверке показаний каждого из участников преступной группы на месте происшествия они в присутствии понятых показывали и рассказывали, как и при каких обстоятельствах совершались нападения. Показания участников ограблений полностью совпадали с показаниями свидетелей по делу (потерпевших-охранников), а также с протоколами осмотров мест происшествия.

В некоторых случаях при выездах на места ограблений с преступниками они находили брошенные ими орудия взлома. Так, около автотранспортной конторы «Каспморнефтьстроя» обвиняемый Петров нашел металлический стержень, которым был взломан сейф, а обвиняемый Спирин — пробойник, брошенный им на крышу дома рабочих железнодорожной станции Кишлы, расположенной недалеко от места происшествия. Обвиняемый Коржев показал нам оставленные после совершения одного из преступлений в пожарном бассейне местечка Кишлы Баку кувалду, зубило и ломик-фомку. Все эти инструменты изготовил Косткин.

Проведенные трасологические экспертизы подтвердили, что замки, двери касс и сейфы были отперты инструментами, изъятыми на местах происшествия, а также найденными самими обвиняемыми в ходе расследования. Дактилоскопическая экспертиза установила, что следы пальцев, обнаруженные на местах ограблений, оставлены Жариковым и Жировым.

Всего к уголовной ответственности было привлечено 17 человек. Причиненный ущерб составил 37 707 руб.

Дело слушала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Азербайджанской ССР. Все участники разбойного нападения были признаны виновными в предъявленном им обвинении и приговорены: Кузнецов, Жиров, Жариков и Петров — к высшей мере наказания, а остальные участники — к длительным срокам лишения свободы.

Один из участников ограблений, Грессеров, был задержан и арестован позже других. В настоящее время дело по обвинению Грессерова рассмотрено Верховным Судом Азербайджанской ССР. Он приговорен к лишению свободы.

В ходе работы оперативных сотрудников милиции, путем осуществления всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию разбойных нападений на кассы, помимо группы Кузнецова были выявлены и изобличены еще три группы опасных преступников. Члены одной из них были вооружены. Все они разоблачены и понесли наказание.

Большое внимание в ходе расследования уделялось предупредительным мероприятиям. В целях исключения возможности совершения подобных преступлений была усилена охрана всех крупных учреждений и предприятий Баку. Работников охраны, которые по физическому состоянию не могли должным образом осуществлять охрану, заменили другими. В целях повышения бдительности рабочих и ответственности руководителей цехов, где имеются токарные, фрезерные и другие станки, провели беседы, в ходе которых разъяснялось, какую опасность представляет изготовление воровских инструментов.

Так, в тесном взаимодействии работников прокуратуры и милиции при активной помощи общественности была раскрыта и обезврежена опасная группа преступников.

За активную деятельность по раскрытию этих опасных преступлений группа работников милиции поощрена Управлением милиции МООН Азербайджанской ССР.

Следователь прокуратуры
Ленинского района
г. Казани
юрист 2-го класса
Н. А. НЕКЛЮДОВ

Документы внутреннего учета помогли изобличить расхитителя

25 февраля 1962 г. общественные контролеры произвели проверку соблюдения правил торговли работниками магазина № 13 Казанского городского кооперативного торгового предприятия. У продавца Хабибуллина, торговавшего мясом в палатке от этого магазина, расположенной на колхозном рынке, обнаружили тушу говядины с клеймом второй категории. В предъявленной Хабибуллиным по требованию контролеров так называемой внутренней накладной, по которой он получал мясо у заведующего магазином № 13 Тойманцева, значилась говядина только первой категории. Контролеры составили акт, опечатали магазин и палатку и сообщили об обнаруженном в ОБХСС. Сразу же по требованию работников ОБХСС в магазине произвели инвентаризацию, в результате которой выявилась недостача на сумму 1516 р. 75 к. Ленинский районный отдел милиции Казани возбудил уголовное дело. 18 апреля я принял его к своему производству.

В изученных мною материалах дела имелся акт ревизии и протоколы допросов нескольких лиц. В частности, продавец Хабибуллин на допросе показал, что мясо для продажи ему отпускал Тойманцев, он же выписывал накладную. Ревизоры подтверждали наличие в магазине недостачи 1516 р. 75 к. Они установили также, что 18 февраля заведующий магазином Тойманцев недосдавал инкассатору Госбанка 2708 руб. То обстоятельство, что размер недостачи был меньше суммы недосданной выручки, ревизоры пока объяснить не могли.

Я ознакомился с характером деятельности магазина № 13 и существующей в нем системой учета и отчетности. Материально ответственными лицами в магазине

являлись заведующий магазином Тойманцев и заведующая отделом Ермышева, с которыми торг заключил договор о совместной материальной ответственности. В главном помещении магазина, на улице Индустриальной, и в разбросанных по району ларьках и автолавках работали 16 продавцов. Товары, поступавшие в магазин, Тойманцев и Ермышева передавали продавцам по внутренним накладным, не учитываемым бухгалтерией. Эти накладные не являлись документами строгой отчетности. Кассовых аппаратов ни в самом магазине, ни в ларьках и автолавках не было. Деньги за проданные товары получали сами продавцы. Выручку от продавцов должна была принимать и сдавать инкассатору Госбанка счетовод-кассир Воркунова. Получение ею денег от продавцов оформлялось неофициальными документами расписками — «купюнками». Они также бухгалтерией не учитывались.

Накладные и «купюрки» выписывались в двух экземплярах, первый из которых хранился у Тойманцева, второй — у продавцов.

В обязанности Воркуновой входило также ведение и таких документов внутреннего учета, как книги лицевых счетов на каждого продавца и амбарной книги по складу магазина. Все эти документы Воркунова вела под контролем Тойманцева. Выяснилось, что иногда деньги от продавцов принимали непосредственно Тойманцев и Ермышева. Таким образом, Воркунова не являлась в полном смысле кассиром, так как кассовой книги по положенной форме не вела, кассовых отчетов не составляла. Она выполняла и другие работы по магазину, находясь в полном подчинении у Тойманцева. Самостоятельной бухгалтерии в магазине не было, ибо он находился на централизованном учете торга.

Тойманцев на первых допросах категорически отрицал правильность выводов ревизии, особенно по поводу недостачи им в банк 2708 руб. Однако убедительного объяснения этому факту он не дал. По-видимому, Тойманцев надеялся, что ревизоры и следователь не смогут найти экземпляры «купюрок» с его росписью в получении этой суммы от продавцов.

Действительно, одной из основных задач первого этапа расследования являлось обнаружение и изъятие всех упоминавшихся документов неофициального внут-

реннего учета: накладных и расписок — «купюрок». Без этих документов было бы трудно (а может быть, и невозможно) выявить конкретные преступные операции и изобличить расхитителей. Это понимал и Тойманцев. Как позже было установлено, сразу же после внезапной инвентаризации, он принял меры к уничтожению документов внутреннего учета. С этой целью он обошел всех продавцов и уговаривал их рвать и сжигать все накладные и особенно «опасные» для него «купюрки». И хотя большую часть первых экземпляров накладных и «купюрок» Тойманцев, по-видимому, успел уничтожить, у продавцов удалось разыскать вторые экземпляры этих документов. Основная заслуга в этом принадлежит оперативным работникам ОБХСС Ленинского районного отдела милиции, которые в контакте с ревизорами сумели своевременно изъять большую часть документов внутреннего учета. Это во многом обеспечило полноту проведенной ревизии, судебно-бухгалтерской экспертизы и весь успех расследования по делу.

Своевременно была изъята также книга лицевых счетов, в которой учитывались товары, получаемые каждым продавцом, отражалось ежедневное движение сдаваемой продавцами выручки. Удалось изъять и амбарную книгу, где фиксировалось движение товаров по складу магазина. Следует отметить, что в собирании необходимых документов немалую помощь следствию оказала кассир Воркунова. После обнаружения недостачи у Тойманцева она поняла, что невольно была причастна к его преступным махинациям, и тотчас выдала следствию все имевшиеся у нее документы.

После принятия дела к своему производству я поручил ревизору выяснить, из каких сумм складывалась не сданная Тойманцевым выручка в сумме 2708 руб. Для этого следовало произвести сличение записей в книге лицевых счетов о сдаче продавцами выручки с имевшимися «купюнками». Как выяснилось при сопоставлении вторых экземпляров «купюрок» и записей в лицевых счетах продавца Валева, Воркунова записала в его лицевом счете, что 18 февраля от него принято 1425 руб. Первый экземпляр «купюрки» на эту сумму найден не был. В лицевом счете продавщицы Асылгараевой также имелась запись, сделанная рукой Воркуновой, о получении от нее 18 февраля выручки в сумме 1283 руб. По

поводу этой операции не удалось найти ни первого, ни второго экземпляра «купюрок».

Воркунова на допросе объяснила, что она сделала обе эти записи в лицевых счетах на основании вторых экземпляров «купюрок», предъявленных ей Валеевым и Асылгараевой. Сама она эти деньги не получала, так как 18 февраля у нее был выходной день. Со слов продавцов она знала, что деньги принимал сам Тойманцев. Валеев подтвердил, что 18 февраля сдал Тойманцеву выручку в сумме 1425 руб. Как всегда, выписали «купюрку», в которой Тойманцев расписался в получении денег. Асылгараева на допросе объяснила, что она не сохранила документов внутреннего учета и поэтому не помнит, кому и при каких обстоятельствах сдавала деньги 18 февраля. Держалась она на допросе неуверенно, и чувствовалось, что, желая выгородить Тойманцева, говорит неправду. Очевидно, и нужную следствию «купюрку» Асылгараева уничтожила по его просьбе. Тогда Асылгараевой предъявили запись в книге лицевых счетов о сдаче ею 18 февраля Тойманцеву 1283 руб. Причем эта запись подтверждалась и подписью в лицевом счете самой Асылгараевой. Тогда она «вспомнила», что деньги 18 февраля она действительно передавала Тойманцеву. Свои показания Асылгараева подтвердила и на очной ставке с Тойманцевым.

Изобличенный документами и показаниями Асылгараевой и Валеева, Тойманцев вынужден был признать, что получил от них 18 февраля указанные 2708 руб. и в банк их не сдал. Но это признание еще не означало, что Тойманцев сдался. Он приготовил новую отговорку и заявил, что якобы заплатил эти деньги неизвестному мужчине, грузину, по имени «Жора», за 1350 кг свежих яблок, которые Тойманцев купил без оформления документов из расчета по 2 руб. за 1 кг, и продал в магазине. Деньги за яблоки вместе с другими деньгами «в общей массе» он якобы сдал в Госбанк.

Ни фамилии, ни адреса, ни места работы «Жоры» Тойманцев не знал, но заявил, что «Жору» знал заведующий складом Казгоркоопторга Гакун, так как именно со склада Гакуна «Жора» и отпускал ему яблоки. Однако Гакун на допросе категорически отрицал показания Тойманцева, объяснив, что никакого «Жоры» он не знает и яблочек со склада Тойманцеву никто не отпускал. На очной

ставке с Гакуном Тойманцев продолжал настаивать на своих показаниях.

Хотя они и не внушали доверия, их необходимо было проверить тем более, что эпизод с 2708 руб. являлся решающим по делу. Здесь наиболее четко были видны действия Тойманцева по присвоению денег. Проверка велась в двух направлениях.

Прежде всего я решил отыскать тех лиц, которые в феврале привозили с Кавказа в Казань яблоки. Для этого нужно было осмотреть транспортные документы на поступление грузов с яблоками в Казань. Ввиду того, что перевозка свежих яблок с Кавказа в Казань автотранспортом в зимних условиях исключалась, я изучил документы в аэропорту и на железнодорожных вокзалах.

По поводу даты покупки яблок Тойманцев говорил, что 17 февраля он привез яблоки в магазин, а 19 февраля рассчитался с «Жорой» взятыми из выручки деньгами.

Поэтому в Казанском аэропорту я тщательно осмотрел книги регистрации прибытия и выдачи грузов за период с 1 по 26 февраля и выяснил, что в феврале свежие яблоки вообще не поступали в Казань.

Тогда я приступил к проверке грузов, поступивших по железной дороге. В Казанском филиале финансовой службы управления Горьковской железной дороги лежали пачки дорожных ведомостей на вагоны, прибывшие с грузами на железнодорожные станции Казани. Допросами работников станций было установлено, что свежие яблоки принимались только на станции Казань.

К сожалению, для отыскания прибывших партий яблок не удалось воспользоваться книгой регистрации грузов. С января 1962 года отчетность на станции Казань была упрощена: исключили графу, в которой указывалось наименование груза. Поэтому пришлось последовательно осматривать каждую дорожную ведомость на все вагоны, прибывшие на станцию Казань в феврале, и искать среди них «свежие яблоки». Это была кропотливая работа.

В результате осмотра документов удалось установить, что в феврале в Казгоркоопторг с Кавказа прибыло всего три железнодорожных вагона со свежими яблоками: 1, 3 и 5 февраля.

Сопровождающими груз числились Сааков, Шишмади, Шенгелия из Сухумской районной кооперативно-

сбытовой секции Абхазской АССР, а также Беридзе и Болквадзе из Кедской районной кооперативно-сбытовой секции Аджарской АССР. Представителем Сухумской райкоопсбытсекции по сдаче этих яблок в Казанский горкоопторг являлся Барая.

Я сопоставил документы железной дороги на свежие яблоки, адресованные Казгоркоопторгу, с документами на оприходование этих же яблок по складу торга. Оказалось, что все привезенные яблоки сданы на склады с очень небольшими расхождениями по сравнению с весом, указанным в документах железной дороги и сопроводительных накладных. Следовательно, эти яблоки не могли быть проданы Тойманцеву за наличный расчет. Но не исключалось, что лица, сопровождавшие вагоны, привезли лично им принадлежавшие яблоки, о чем в сопроводительных документах могло быть и не указано.

В связи с этим были допрошены Сааков, Шенгелия, Барая и другие лица, доставлявшие яблоки. Все они показали, что Тойманцеву яблоки не продавали. По предъявленной в числе других фотокарточке Тойманцева его никто из перечисленных лиц не опознал.

Вторым методом проверки показаний Тойманцева о приобретении им яблок для магазина за наличный расчет была судебно-бухгалтерская экспертиза. Я поручил эксперту путем восстановления количественного учета по движению свежих яблок на складе магазина за февраль проверить фактический приход и расход яблок. Необходимость в проведении судебно-бухгалтерской экспертизы возникла еще и потому, что Тойманцев оспаривал выводы ревизии, выявившей у него недостачу.

В результате анализа инвентаризационных ведомостей и приходо-расходных документов на яблоки бухгалтер-эксперт установил, что в период с 1 по 26 февраля 1962 г. в магазин по документам поступило 5392,6 кг яблок по цене 2 руб. за 1 кг. Такое же количество яблок было отпущено продавцам со склада магазина по внутренним накладным. В остатке при инвентаризациях на 1 и 26 февраля 1962 г. этих яблок не имелось. Никаких данных о передаче продавцам для продажи по внутренним накладным 1350 кг яблок или о сдаче продавцами Тойманцеву выручки от продажи этих яблок выявлено не было. Кроме того, если бы приобретенные Тойманцевым яблоки действительно реализовывались в магазине

и выручка от их продажи поступила в банк, никакой недостачи по магазину не оказалось бы. Между тем бухгалтерская экспертиза подтвердила выводы ревизии, установив недостачу на 26 февраля в сумме 1516 р. 75 к. При передаче магазина 3 марта 1962 г. дополнительно выявилась недостача в сумме 635 р. 75 к. Всего она составила 2152 р. 50 к.

На основании собранных доказательств, уличающих Тойманцева в присвоении выручки, он был арестован. При личном обыске у Тойманцева была изъята почтовая квитанция от 27 апреля 1962 г. об отправке письма на имя Начхедия Киви в Сухуми. По этому поводу Тойманцев показал, что Начхедия — его знакомый, он с ним переписывается, и в письме от 27 апреля просил его найти в Сухуми «Жору».

Прокурору Сухуми по телеграфу было передано отдельное требование о допросе Начхедия и изъятии у него письма. Начхедия на допросе рассказал, что 1 мая 1962 г. Тойманцев прилетел в Сухуми на самолете. Он кого-то искал, но для чего — Начхедия не знал. К сожалению, письмо у Начхедия не изъяли, а допрос провели весьма поверхностно. Тем не менее из поведения и действий Тойманцева было видно, что он поспешно искал лжесвидетеля.

Таким образом, не оставалось сомнений, что Тойманцев присвоил из выручки 2708 руб., надеясь к моменту следующей инвентаризации скрыть недостачу. Установленный общественными контролерами факт продажи мяса по завышенной цене продавцом Хабибуллиным и являлся, как было установлено в ходе расследования, одним из звеньев в действиях Тойманцева по сокрытию недостачи. Этот факт не был единственным. Параллельно с расследованием описанных выше эпизодов проводилась работа и по выявлению других случаев завышения цен на продукты. Помогли в этом опять-таки документы внутреннего учета — накладные на отпуск товаров продавцам.

По моему предложению ревизор сопоставил внутренние накладные на отпуск мяса со склада магазина продавцам с приходными документами. В результате были установлены многочисленные факты завышения цен на мясо во внутренних накладных, выписанных Тойманцевым и Ермышевой. Говядину второй категории

ценой в 2 р. 39 к. за 1 кг они отпускали продавцам по внутренним накладным как говядину первой категории по цене 2 р. 58 к. за 1 кг. Свиному мясную ценой в 2 р. 55 к. за 1 кг отпускали продавцам как свинину жирную по цене 2 р. 65 к. за 1 кг. По заключению судебно-бухгалтерской экспертизы вследствие завышения цен на мясо получался суммовый излишек на 945 р. 89 к.

С целью сокрытия недостачи Тойманцев прибегал и к другим махинациям. Так, при инвентаризации на 1 февраля 1962 г. он вместе с Ермышевой скрыл имевшуюся по магазину недостачу на сумму 498 р. 61 к., указав в инвентаризационной ведомости по отделу продавца Горавой несуществующий остаток товаров на эту сумму. Это было установлено путем анализа приходных документов и внутренних накладных, отражавших движение товаров в магазине, а также путем допроса свидетелей из числа работников магазина.

Общая сумма хищения составила 3764 р. 27 к. Народным судом Ленинского района Казани Тойманцев осужден по ч. 3 ст. 92, ч. 2 ст. 156 и ч. 1 ст. 170 УК РСФСР к длительному сроку лишения свободы, а Ермышева по ч. 2 ст. 156 и ч. 1 ст. 170 УК РСФСР — к трем годам лишения свободы.

Верховный Суд Татарской АССР оставил приговор народного суда в отношении Тойманцева в силе, а Ермышевой определил меру наказания только по ч. 1 ст. 170 УК РСФСР в виде одного года исправительных работ.

Следователи прокуратуры
Каховского района
Херсонской области
юрист 1-го класса

И. В. РУДНИЦКИЙ

юрист 3-го класса

А. Н. ТИМЧУК

Правильные выводы из результатов осмотра места происшествия

15 июня 1962 г. дежурному Каховского районного отдела милиции сообщили по телефону из центральной усадьбы совхоза «Красный Перекоп», что недалеко от совхоза на асфальтированном шоссе автомашина сбита неизвестной женщиной. Сообщение передали в прокуратуру Каховского района.

Следователь Тимчук сразу же выехал на место происшествия. Оно охранялось участковым уполномоченным и несколькими дружинниками из жителей совхоза. Последние рассказали, что в 5 час. утра 15 июня в центральную усадьбу совхоза приехал на легковой автомашине гр-н Туренков. Он сообщил работникам больницы совхоза и участковому уполномоченному, что недалеко от совхоза, у шоссе, лежит окровавленная женщина.

На место происшествия направились участковый уполномоченный, работники больницы и дружинники. Сбитая женщина лежала в кювете. Рядом с ней валялась плетеная корзинка и несколько газет. Она была без сознания, но подавала признаки жизни. Ее немедленно отправили в больницу. Узнать женщину не смогли, так как ее лицо было изуродовано и залито кровью, смешанной с пылью.

На дороге, метрах в 15-ти от потерпевшей, стояла грузовая автомашина. Тут же находился ее водитель — Якименко. Он объяснил, что, проезжая по шоссе, увидел лежащую женщину и остановил машину. Сразу после этого подъехал работник милиции и остальные лица.

Участковый уполномоченный, осмотрев машину и убедившись, что на ней нет следов, имеющих отношение к преступлению, составил об этом протокол и разрешил Якименко уехать.

Дружинники рассказали следователю, что пока участковый уполномоченный ездил в совхоз, чтобы сообщить о случившемся в районный отдел милиции и в прокуратуру, к месту происшествия приехал на велосипеде тракторист шестого отделения совхоза Гончаров. Расспросив дружинников о происшедшем и увидев лежавшую в кювете корзину, Гончаров сказал, что эту корзину вчера вечером его жена взяла у соседей и ушла с ней на рассвете из дома с тем, чтобы на попутной автомашине уехать в Каховку.

По словам дружинников, Гончаров схватил корзину, газеты и уехал на велосипеде в больницу, чтобы выяснить, не его ли жена была сбита автомашиной.

Следователь начал осмотр места происшествия, расположенного в 500 м от южной окраины центральной усадьбы совхоза. К асфальтированному шоссе в этом месте подходила наезженная грунтовая дорога, ведущая к шестому отделению совхоза. До него было 2 км.

Осмотрев участок обочины и кювета, где лежала пострадавшая, следователь обнаружил на земле в нескольких местах бурые пятна небольших размеров. Отсюда изъяли образцы грунта.

Следов торможения автотранспорта на прилегающем участке шоссе обнаружить не удалось. Грунт на обочинах дороги нарушен не был.

Обстановка на месте происшествия, сведения, сообщенные опрошенными лицами, давали основание предполагать, что проезжавшая с большой скоростью автомашина сбита женщину и отбросила ее в кювет. Судя по отсутствию следов торможения, водитель, очевидно, даже не пытался остановить автомашину.

К концу осмотра на место происшествия приехал на велосипеде Гончаров. Он сказал, что пострадавшей является его жена — Гончарова Екатерина Александровна. Она «искалечена автомашиной и положение ее очень серьезное».

На руле велосипеда Гончарова висела плетеная корзина с газетами. Следователь изъясил корзину. На ее ручке и верхнем ободке были обнаружены бурые пятна,

похожие на кровь. Следователь спросил Гончарова, зачем он забрал с места происшествия корзину. Тот, замямившись, ответил, что корзина принадлежит соседям и он боялся, что она может пропасть.

Когда следователь задал Гончарову еще несколько вопросов о целях поездки жены в Каховку, он возмущенно закричал: «Как она попала сюда — не имеет значения! Нужно не тянуть время, а немедленно искать виновника — шофера!»

Для того чтобы дать работникам милиции более конкретное задание по розыску автомашины, сбившей Гончарову, следователь решил прежде всего поехать в больницу. Нужно было выяснить характер и места расположения телесных повреждений. Возможно, на теле потерпевшей и ее одежде имелись какие-либо следы (краска, отпечаток протектора и т. п.), которые могли помочь в розыске автомашины.

У врачей больницы следователь выяснил, что у Гончаровой имеются обширные повреждения прямоугольной формы в левых — височной и скуловой области головы. Каких-либо ссадин, царапин и следов волочения на ее теле не оказалось. Характер повреждений не исключал, что Гончарова могла быть сбита выступающей частью грузовой автомашины.

Следователь осмотрел одежду пострадавшей. Оказалось, что она цела и каких-либо следов автомашины на ней нет. Обращало на себя внимание отсутствие чулка с левой ноги. На месте происшествия его не нашли. Одежда, особенно ее верхняя часть, была вся пропитана кровью. Невольно подумалось, что при таком обильном кровотечении на месте происшествия тоже должны были бы быть обширные следы крови. Однако их не оказалось.

Отсутствие на теле пострадавшей ссадин и царапин, а также каких-либо повреждений на одежде, характерных для автотранспортного происшествия, заставило усомниться в правильности первоначально выдвинутой версии. Возникла мысль, что в данном случае имела место инсценировка автодорожного происшествия. При чем целью преступления не могло быть ограбление, так как деньги и часы, имевшиеся у потерпевшей, находились при ней.

Но отбрасывать версию о том, что Гончарову сбита автомашина, было еще рано. Поскольку на месте проис-

преступления не оказалось следов торможения автомашины, обильных следов крови, не исключалось, что Гончарову сонили где-то в другом месте, а затем тело перевезли.

Когда следователь собирался уходить из больницы, появился Гончаров. Увидев следователя, он снова начал кричать: «Что вы тянете! Ищите преступника. За это время я бы сам этого шофера нашел и задушил своими руками!» Настойчивые упоминания Гончаровым шофера, его неискреннее возбуждение показали подозрительными.

Следователь решил вернуться на место происшествия и осмотреть прилегающую к нему местность. Он привлек к осмотру дружинников, каждому из которых он отвел определенные участки территории. Участникам осмотра разъяснили, что может быть найден чужак с левой ноги потерпевшей. Вскоре к месту осмотра снова приехал Гончаров. Узнав о разыскиваемом чужаке, он забеспокоился и стал торопиться домой. Нам он объяснил, что ему нужно отправить детей в ясли.

Учитывая подозрительное поведение Гончарова, следователь послал вместе с ним участкового уполномоченного под тем предлогом, что нужно было раздобыть стеклянную посуду для изъятия с места происшествия образцов грунта, пропитанного пятнами бурого цвета.

Хотя чужака мы и не нашли, осмотр территории, прилегающей к месту происшествия, дал ценные результаты. На дороге, ведущей от шестого отделения совхоза к асфальтированному шоссе, в 280 м от места обнаружения Гончаровой, были найдены следы красно-бурой жидкости в форме капель. Они имели несколько вытянутую в сторону шоссе форму. Следы тянулись на протяжении 900 м с интервалами от 2 до 3,5 м и обрывались в 800 м от северной окраины шестого отделения совхоза.

Расположение и форма следов указывали, что они оставлены при движении из отделения совхоза к авто-трассе. Образцы грунта в местах нахождения следов были изъяты.

Вскоре вернулись Гончаров и участковый уполномоченный. Последний сообщил следователю, что детей Гончарова в доме не было, так как их еще утром отнес-ли в ясли.

Обнаружение на дороге, ведущей в шестое отделение совхоза, где жили Гончаровы, следов, похожих на кровь,

отсутствие на месте происшествия одного чулка с ноги потерпевшей, странное поведение Гончарова давали основание подозревать его в причастности к совершен-ному преступлению.

В квартире и дворовых постройках Гончарова произ-вели обыск. В шкафу среди чистой одежды обнаружили одеяло с мокрыми пятнами красного цвета. Лежащие на кровати матрац, подушка и плащ тоже были покрыты влажными пятнами красного цвета, похожими на замы-тую кровь. На вопрос о происхождении этих пятен Гон-чаров ответил, что, по-видимому, они связаны с времен-ным нездоровьем его жены.

Продолжая обыск, в подвале, расположенном в кухне под полом, нашли слесарный молоток. Его ударная часть прямоугольной формы была покрыта красно-бурыми пятнами. Такие же пятна имелись и на деревянной руч-ке молотка.

В сарае, под грудой старых вещей, был обнаружен старый мешок с мокрыми пятнами красного цвета, напо-минающими кровь. Внутри мешка оказались чулок с ле-вой ноги, простыня, мужская куртка, женская кофточ-ка — все обильно пропитанное жидкостью красного цве-та. В куртке находилась скомканная тряпка, с которой еще капала жидкость, похожая на кровь. К тряпке при-липли мелкие косточки.

Здесь же в сарае стоял велосипед. На ободках его колес и инструментальной сумке имелись бурые пятна.

Все вещи и предметы с пятнами, похожими на кровь, были изъяты, а Гончаров задержан по подозрению в убийстве своей жены.

Следователь осмотрел одежду Гончарова. На брюках имелись влажные пятна бурого цвета, на лацканах и на плечах пиджака мелкие точечные брызги. Подробно зафиксировав результаты осмотра в протоколе, сле-дователь изъясил одежду Гончарова, а также обрезал кончики ногтей с рук Гончарова и изъясил из-под ногтей грязь.

На теле Гончарова повреждений не оказалось, но на левой стопе было обнаружено небольшое пятно бурой жидкости. Его изъясил на марлю.

Все вещественные доказательства с пятнами, похо-жими на кровь, направили на судебно-медицинскую экспертизу.

В тот же день пострадавшая Гончарова самолетом санитарной авиации была доставлена в областную больницу. Несмотря на все усилия врачей, она, не приходя в сознание, вскоре скончалась.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Гончаровой наступила от сильных повреждений в левой височной и скуловой областях головы. Как отметил судебно-медицинский эксперт, эти повреждения были нанесены с большой силой, возможно, слесарным молотком, который изъяли при обыске в доме Гончарова.

Допрос Гончарова проходил с участием прокурора района. Гончаров пытался отрицать свою причастность к убийству жены и утверждал, что ее сбила автомашина. Но, убедившись в несостоятельности этих объяснений, он вынужден был признаться в убийстве жены и показал следующее.

В ночь с 14 на 15 июня, придя домой, он увидел лежащую в кровати жену и сидящего рядом с ней неизвестного мужчину, который при его появлении сразу убежал. Охваченный чувством ревности, Гончаров нанес жене несколько ударов молотком по голове, от чего она потеряла сознание. Испугавшись, что жена умрет, Гончаров посадил ее на велосипед и на рассвете повез в больницу центральной усадьбой совхоза. В пути он подумал, что его могут заметить встречные, поэтому оставил тело жены на автотрассе, где ее вскоре и нашли.

Эти объяснения Гончарова были маловероятными. И все же их следовало проверить, так как установление мотивов убийства являлось решающим для правильной квалификации действий Гончарова.

Для выяснения взаимоотношений в семье Гончаровых допросили многих свидетелей. Выяснилось, что Гончаров, находясь с 1957 года в зарегистрированном браке с Гончаровой, имевшей от него двух малолетних детей, систематически избивал ее, угрожал убийством, неоднократно уходил от семьи к другим женщинам. В апреле 1961 года он оставил Гончарову с детьми в Горловке, а сам уехал с сожительницей Моложон в Каховский район. С января 1962 года они жили в совхозе «Красный Перекоп».

В июне 1961 года Гончаров перестал платить алименты на содержание детей, в результате чего образовалась большая задолженность. Позже из-за того, что из зар-

платы Гончарова стали удерживать алименты в размере 50%, между ним и Моложон начались частые ссоры. Моложон заявила, что уйдет от него.

В феврале 1962 года Гончаров написал письмо жене с предложением приехать к нему. Он сообщил ей, что с Моложон якобы порвал. О своем приезде он просил жену заблаговременно его известить. Но Гончарова с детьми приехала без предупреждения и убедилась, что Гончаров по-прежнему жил вместе с Моложон. В день ее приезда Моложон ушла от Гончарова.

Семья Гончаровых, казалось, восстановилась. Но вскоре выяснилось, что Гончаров продолжал тайно встречаться и сожительствовать с Моложон. Они писали друг другу записки, в которых назначали место и время встречи.

Следователь произвел обыск в квартире Моложон и повторный обыск в доме Гончарова с целью обнаружения их переписки.

В квартире Гончарова в патефоне нашли записку. Автор ее советовал Гончарову для осуществления задуманного (что именно было задумано, в записке не называлось) переехать в другое отделение совхоза, так как это отвело бы подозрения от автора записки.

Почерковедческая экспертиза установила, что записка написана Моложон.

Во время того же обыска в квартире Гончарова среди старых писем нашли часть ученической тетради. На первом ее листе имелись вдавленные следы карандаша. Следователь внимательно осмотрел эту страницу. Ему удалось прочесть отдельные слова и выражения, по которым можно было полагать, что письмо адресовано Моложон.

Криминалистическая экспертиза восстановила по вдавленным следам текст письма и установила его автора. Письмо писал Гончаров. Он сообщал, что нужно немного подождать, так как на этой неделе все должно решиться.

Используя результаты этих экспертиз, следователь вторично допросил Моложон. Убедившись, что у следователя имеются доказательства, свидетельствующие о ее причастности к убийству Гончаровой, Моложон рассказала о тайных встречах и сожительстве с Гончаровым и о том, что знала о его намерении убить жену. Чтобы

отвести от себя подозрение, она писала в записке Гончарову, что для осуществления убийства ему лучше перебраться в другое отделение совхоза. Моложон рассказала, где они с Гончаровым прятали записки, и вызвалась показать это место, что и сделала в присутствии понятых¹.

На очной ставке с Гончаровым Моложон подтвердила свои показания.

Все допрошенные свидетели характеризовали Гончарову как скромную женщину, заботливую мать и жену. Соседи Гончаровых видели, как поздно вечером 14 июня, накануне убийства, супруги Гончаровы вместе возвращались домой. Никакого постороннего мужчины в этот вечер никто не видел.

Собранные доказательства опровергали показания Гончарова о совершении убийства из ревности.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что на вещественных доказательствах, изъятых при обыске в доме Гончаровых, на его одежде, в кусочках грязи, изъятых из-под ногтей, в пятне, снятом на марлю с его левой ноги, а также в образцах грунта, изъятых с места обнаружения тела Гончаровой и с дороги, идущей от шестого отделения совхоза к автодорожке, обнаружена кровь человека, совпадающая по группе с кровью Гончаровой. По заключению товароведческой экспертизы чувак с левой ноги, найденный в сарае Гончарова вместе с окровавленными вещами, мог составлять одну пару с чуваком, надетым на правую ногу Гончаровой.

Под давлением собранных улик Гончаров вынужден был признаться, что убил жену с целью избавиться от нее. Задумал это он давно. Когда 14 июня его жена собралась поехать в Каховку за цыплятами, он решил воспользоваться этим случаем. Ночью он несколько раз ударил спящую жену молотком по голове. Потом одел ее, замотал голову простыней и какими-то другими попавшимися под руку вещами, натянул сверху мешок и на

велосипеде отвез тело жены на шоссе. Из дому он взял с собой плетеную корзинку, с которой жена собиралась ехать в Каховку. У дороги Гончаров снял с головы жены намотанные вещи, сложил их в мешок и забрал с собой. Около жены бросил корзинку, разбросал газеты. Так, по его мнению, все должно было выглядеть, если бы жену действительно сбила машина. Вернувшись ночью домой, он стал уничтожать следы преступления. Найдя дома слетевший с левой ноги жены чувак, он вместе с другими окровавленными вещами спрятал его в сарае. Молоток бросил в подвал. Наспех замыл пятна крови, намереваясь позже сделать это более тщательно. Рано утром 15 июня Гончаров поехал к месту, где оставил жену. Там уже собрались люди. В разговорах Гончаров старался поддерживать сложившееся мнение, что жену сбила автомашинка.

Таким образом, было установлено, что Гончаров убил свою жену с целью избавиться от обязательств по отношению к семье. Чтобы скрыть следы совершенного преступления, он отвез тело жены на шоссе и инсценировал автодорожное происшествие.

Успешному раскрытию преступления способствовал правильный анализ следователем результатов осмотра места происшествия.

К уголовной ответственности, кроме Гончарова, была привлечена и Моложон.

Выездная сессия Херсонского областного суда приговорила Гончарова к высшей мере наказания — расстрелу, а Моложон — к 8 годам лишения свободы.

Приговор приведен в исполнение.

¹ Следователь провел это следственное действие только с Моложон и оформил его протоколом следственного эксперимента. С целью проверки показаний Моложон о способе передачи записок Гончарову следовало в соответствии со ст. 194 УПК УССР провести воспроизведение обстановки и обстоятельств события. Причем целесообразно было провести это действие как с Моложон, так и с Гончаровым. Если бы каждый из них порознь указал одно и то же место, где они оставляли друг другу записки, это объективно подтвердило бы правильность показаний, данных Моложон (прим. редакции).

ДЕНЬГИ В КРЕДИТ

В сентябре 1961 года в отделение милиции Октябрьского райисполкома Калининграда пришел гражданин Астапенков. История, о которой он рассказал, была довольно необычной.

В апреле Астапенков собирался пойти в отпуск. В разговоре со своим знакомым Закржевским он сказал, что хотел бы у кого-нибудь взять в долг денег. Закржевский ответил Астапенкову, что он может ему помочь, так как знает человека, который по обязательству для приобретения вещей в кредит может достать деньги. Астапенков взял у себя на работе поручение-обязательство. Вскоре Закржевский познакомил его с матросом рыболовного траулера Виктором Бугровым.

В назначенный день Астапенков встретился с Бугровым, и они поехали в филиал универмага, расположенный в центре города. Возле магазина Бугров взял у Астапенкова обязательство и попросил его подождать, а сам вошел в магазин. Вскоре он вышел и сказал, что через полчаса все будет в порядке.

Через некоторое время Бугров снова вошел в магазин, а Астапенков, как и в первый раз, остался на улице. Прошло еще немного времени. Бугров вышел из магазина и передал Астапенкову пакет; в нем находилось 120 руб. Бугров объяснил Астапенкову, что тот должен будет вернуть в магазин 140 руб.; т.е., помимо полученных займы 120 руб., заплатить 20 руб. за услугу. Полученную сумму с Астапенкова вычтут в течение шести месяцев из его заработной платы. На это Астапенков был согласен. Но когда в бухгалтерию по месту работы Астапенкова поступили документы из универмага, он узнал, что должен уплатить не 140, а 180 руб. Почему в обязательстве оказалась такая сумма, Астапенков не знал. Чтобы выяснить недоразумение, он встретился

с Бугровым и вместе с ним поехал в магазин. Бугров подвел Астапенкова к продавщице отдела фото-музыкальных товаров, которая, как объяснил Бугров, и одолжила ему деньги. Она назвалась Ритой. На их вопросы Рита ответила, что деньги давала многим лицам, но кому и сколько, не помнит, а поэтому никаких денег возвращать не будет.

У себя на работе Астапенков рассказал о случившемся Закржевскому. Тот вспомнил, что когда он и их сослуживец Соколов в свое время воспользовались услугами Бугрова и Риты, произошла такая же история. В бухгалтерию на них поступили обязательства на суммы, гораздо большие тех, о которых они предварительно договаривались с Бугровым.

Закржевский вместе с Соколовым и Бугровым пошли в магазин к той же Рите, и она вернула им часть денег. Узнав об этом, Астапенков решил пойти в милицию и рассказать обо всех этих махинациях.

Возбудили уголовное дело. Дознание проводил старший лейтенант милиции Латышев. Кроме Астапенкова, Соколова и Закржевского он установил еще трех человек, получивших в этом магазине «деньги в кредит». Все они дали показания, аналогичные показаниям Астапенкова. Вскоре дело передали в прокуратуру Октябрьского района, в мое производство.

Ознакомившись с собранными материалами, я наметила следующие мероприятия, проведение которых было направлено на выявление основных вопросов по делу.

1. Установить личность Риты, проверить ее образ жизни, выявить возможные преступные связи.

2. Провести внезапную инвентаризацию и ревизию в секции культтоваров универмага, в состав которой входил отдел фото-музыкальных товаров.

3. Ознакомиться с порядком продажи товаров в кредит в филиале универмага, с документами, которыми оформляется эта операция. В случае необходимости опечатать и изъять документы, связанные с кредитными операциями.

4. Выявить круг лиц, бравших в кредит вместо вещей деньги.

Из работников секции фото-музыкальных товаров единственной продавщицей по имени Рита оказалась Морозова Маргарита Александровна.

Во время инвентаризации и ревизии никаких нарушений и злоупотреблений с кредитными операциями по документам обнаружено не было.

При ознакомлении с порядком продажи товаров в кредит и учетом этих операций выяснилось, что инструкция от 4 сентября 1959 г. № 1475 «О порядке продажи в городах рабочим и служащим товаров в кредит», утвержденная постановлением Совета Министров РСФСР, работниками универмага, казалось бы, соблюдается.

Согласно инструкции, товары продавались в кредит лицам, получившим у себя на работе поручение-обязательство. При покупке вещи оплачивалось не менее 20—25% ее стоимости. Остальная часть денег вносилась в рассрочку, как правило, в течение шести месяцев. С покупателей взыскивались проценты за предоставление кредита в размере до 2% стоимости товара в зависимости от срока кредита. Все поручения-обязательства были должным образом оформлены. Из работников универмага их подписывали заведующие секциями и бухгалтер.

Сложной и кропотливой оказалась работа по выявлению лиц, бравших в кредит вместо вещей деньги. Ведь по бухгалтерским документам эти незаконные операции оформлялись так же, как и покупка вещей в кредит. Поэтому ревизоры их выявить не могли. Оставался один путь — проверка самих поручений-обязательств, оформленных по отделу фото-музыкальных товаров. А их было в период 1960—1961 гг. от 20 до 30 в месяц.

Проверять все обязательства подряд было нецелесообразно. Следовало по каким-то признакам отобрать те обязательства, среди которых скорее всего могли оказаться интересные нас случаи: выдача в кредит вместо товаров денег.

Из показаний свидетелей было известно, что основными клиентами Морозовой являлись моряки из организаций Балтгосрыбтреста, Управления экспедиционного лова, Запрыхлодфлота, Управления морского транспортного флота и что фиктивные обязательства оформлялись на товары с большой стоимостью — от 180 до 250 руб. Эти два признака и были использованы для отбора обязательств, подлежащих более тщательной проверке.

Из всех обязательств по отделу фото-музыкальных товаров выбрали те, в которых шла речь о покупке вещи стоимостью свыше 100 руб. Кроме того, отобрали все обязательства, выписанные на лиц, работавших в организациях рыболовного флота. В списке лиц, представивших все эти обязательства, оказалось 300 фамилий.

Чтобы во время допроса иметь перед собой все необходимые сведения, в этом списке против каждой фамилии были указаны номер обязательства, дата его выдачи, наименование взятой в кредит вещи, ее стоимость, сумма кредита, адрес клиента в момент оформления обязательства.

Начались допросы всех лиц, включенных в этот список. Поскольку обязательства оформлялись правильно и у меня не было никаких данных, уличающих тех или иных лиц в участии в незаконной операции — получении в кредит денег, эти допросы представляли известную трудность. Была избрана следующая тактика допросов. Свидетелю предлагалось рассказать, покупал ли он что-либо в кредит, если покупал, то какую вещь, где, когда, за какую цену. Если свидетель утверждал, что приобрел вещь, указанную в обязательстве, его просили предъявить эту вещь. Некоторые свидетели заявляли, что продали купленную вещь, подарили ее и т. п. В таких случаях предлагалось подробно рассказать об обстоятельствах и условиях продажи и назвать свидетелей этого факта. Последние тотчас вызывались в прокуратуру для допроса. Таким путем выявили еще 16 человек, которые в период с января по апрель 1961 года получили от Морозовой по поручениям-обязательствам для покупки товара в кредит деньги.

Из допросов этих лиц, а также из допроса Бугрова и некоторых работников магазина я выяснила способ совершения преступления. С момента введения в магазинах продажи товаров в кредит отдельные работники универмага стали использовать новый порядок торговли в своих корыстных целях. Они оформляли кредитные обязательства на имя продавцов мелкие недостатки, получение денег взаймы из кассы, включали в обязательства вместо фактически взятых вещей, которые не разрешалось продавать в кредит, другие товары (например, вместо телевизоров — приемники) и т. п.

Об этой практике узнали от работников универмага и посторонние лица. Некоторые из них стали обращаться к продавцам с просьбой выдать им по кредитным обязательствам вместо товара деньги. Морозова пошла на это, не забывая и о своих «интересах». Она выдавала лицам, представившим обязательства, деньги в размере суммы кредита за вычетом 20 руб., которые она оставляла себе. Деньги она изымала из выручки, поскольку отдел работал без кассового аппарата и деньги находились у Морозовой. Выдача денег вместо продажи товара не создавала ни недостачи по кассе, ни излишка товара, поскольку товары тут же продавались за наличный расчет, а вместо выданных денег Морозова отчитывалась поручением-обязательством.

Слухи о том, что в отделе фото-музыкальных товаров универмага можно получить «деньги в кредит», быстро распространились среди моряков. Число клиентов Морозовой быстро увеличивалось. Наиболее активным посредником Морозовой был Бугров, который помог получить наличные деньги по кредитным обязательствам десяти своим знакомым. Он брал у них поручения-обязательства и паспорт и передавал эти документы Морозовой. Она оформляла документы и выдавала деньги. Тот, на чье имя оформлялось обязательство, часто подписывал его не читая. В некоторых случаях подписи «покупателей» подделывал сам Бугров. Поэтому многие клиенты узнавали о том, какая именно вещь вписана в обязательство только тогда, когда оно приходило к ним на работу, а в отдельных случаях лишь на допросе в прокуратуре. Выяснилось, например, что лицо, «купившее» в кредит фотоаппарат, не умело фотографировать, кинокамеру, оказывается, «приобрел» тот, кто не только не умел с ней обращаться, но и никогда ее не видел. За посредничество клиенты угощали Бугрова спиртными напитками. Во время оформления обязательства клиенты знали, что им предстоит уплатить в рассрочку на 20 руб. больше полученной суммы и что эти деньги шли в пользу продавца. Однако при погашении кредита они узнавали, что сумма, которую они должны выплачивать, превышает условленную на 20—60 руб. Как это получалось? Оказалось, что поскольку клиенты не настаивали на том, чтобы их знакомили с обязательствами, Морозова, пользуясь такой неосмотрительностью, вписывала в них более дорогие то-

вары, якобы приобретенные в рассрочку. Тем самым она получала возможность брать в свою пользу еще большую сумму.

Так, Сычев 15 марта 1961 г. получил от Морозовой 124 руб. Согласно предварительной договоренности он должен был выплатить в рассрочку 144 руб. Но в обязательство на его имя Морозова вписала кинокамеру стоимостью в 250 руб. Размер кредита составлял 187 р. 50 к. Таким образом, сумма, подлежащая выплате, была завышена на 43 р. 50 к.

Имея показания многих клиентов Морозовой, полностью выяснив способ совершения преступления, я приступила к ее допросу. Вскоре она дала правдивые показания. Морозова подробно рассказала о том, как оформляла обязательства, назвала своих соучастников.

В ходе допроса ей предъявлялись поручения-обязательства, по которым она выдавала деньги. Морозова рассказывала, при каких обстоятельствах совершалась каждая из этих сделок.

Злоупотребляя своим служебным положением, Морозова изъела из обращения 2040 р. 30 к., получила и присвоила 522 р. 30 к.

Народный суд Октябрьского района осудил Морозову к пяти годам лишения свободы.

Вместе с Морозовой в осуществлении преступных махинаций принимала участие продавщица Брикульская, работавшая до июня 1961 года в отделе фото-музыкальных товаров. Основным поставщиком клиентов был Бугров. Оба они также были привлечены к уголовной ответственности и осуждены: Брикульская — к пяти годам, Бугров — к двум годам лишения свободы.

В процессе расследования уголовного дела по обвинению Морозовой мы получили данные о том, что аналогичные преступления совершались и в отделе радиотоваров той же секции универмага. Возбудили уголовное дело. Выяснилось, что таким же способом, как Морозова, действовала и Лозутова — продавщица отдела радиотоваров.

Лозутова в соучастии с заведующей секцией культтоваров Удмаджуридзе при помощи посредников Грибкова, Гостева и Крахмалюк оформила 29 поручений-обязательств, по которым было изъято из оборота универмага 4992 руб., выдано клиентам денег вместо вещей 3739 руб.,

получено и присвоено около 1000 руб. Все участники этого преступления были осуждены.

По окончании расследования данных дел в Областное управление торговли было внесено представление о выявленных злоупотреблениях при продаже вещей в кредит. Представление обсуждалось на совещании торговых работников. Письмо, в котором излагались меры по улучшению торговли в кредит, было разослано во все торговые предприятия области.

*Следователь прокуратуры
Ровеньковского района
Луганской области
юрист 1-го класса*

В. И. ЗИМАРИН

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ И ПРИПИСОК К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ В КОЛХОЗАХ

При расследовании уголовных дел о хищениях государственного или общественного имущества, совершенных путем присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением, большое значение, как правило, имеет ревизия хозяйственной деятельности соответствующих организаций или предприятий. Ревизоры нередко устанавливают те или иные факты, указывающие на способ хищений, пути их сокрытия и т. д.

В немалой степени результаты ревизии зависят от того, какое участие принимает в работе ревизоров сам следователь, насколько он знаком с системой учета и отчетности предприятия, где совершались преступления, какие задания следователь дает ревизорам.

В этом я убедился на примере нескольких расследованных мною уголовных дел. Об одном из них рассказывается в данной статье.

В районный отдел милиции г. Ровеньки поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что директор межколхозной инкубаторно-птицеводческой станции (сокращенно — МИПС), находящейся в городе, — Колесников и кладовщица Нестеренко продают колхозникам выводимых на станции цыплят за наличный расчет, а полученные деньги присваивают.

Проведенная проверка подтвердила, что действительно многие лица покупали у Нестеренко цыплят от 20 до 100 шт. по цене 20 коп. за штуку. Никаких документов при этом не выписывалось.

Милиция возбудила уголовное дело. В первую очередь был проведен осмотр рабочего места кладовщицы Нестеренко. В ящике ее стола, среди листов тетради,

оказались деньги — 981 р. 28 к. Найденные тут же различные записи, а затем и все документы МИПС были опечатаны. При обыске в квартире у Нестеренко нашли еще 165 р. 50 к.

Нестеренко в собственноручном объяснении и на последующем допросе признала, что она действительно продавала цыплят и полученные деньги присваивала. Всего якобы она продала около 4500 шт. цыплят (т.е. на сумму 900 руб.). Обнаруженные деньги, по ее словам, получены именно за них. Об участии в преступлении директора МИПС Колесникова Нестеренко не упоминала. Другие же работники станции на допросах показывали, что им неоднократно приходилось видеть, как Нестеренко и Колесников распивали в конторе вечерами спиртные напитки, производили какие-то подсчеты и т. п.

Выяснилось, что Нестеренко числилась одновременно на трех подконтрольных одна другой должностях: кладовщика-сортировщицы, кассира и заведующей инкубаторным цехом. Таким образом, в ее руках находились одновременно и денежные средства, и материальные ценности: сдаваемые колхозами на станцию яйца и выведенный на ней молодняк.

Нестеренко на допросе признала, что, пользуясь таким положением, она умышленно занижала в документах процент вывода цыплят из сданных колхозами яиц, чем создавала излишки молодняка. Продавая затем цыплят за наличный расчет гражданам, она полученные деньги присваивала.

Назначили документальную ревизию финансово-хозяйственной деятельности МИПС. Ревизоры указали в акте на ряд фактов, свидетельствующих о совершавшихся на МИПС преступлениях. Так, выяснилось, что Колесников незаконно выплачивал премии себе, Нестеренко и некоторым другим работникам станции. На некоторых расходных документах не оказалось подписей получателей.

В числе других в акте ревизии указывался и такой факт. В бухгалтерских документах МИПС оказалась выписанная Колесниковым расходная накладная № 29 на отпуск колхозу «Красный колос» 2856 шт. утят на сумму 4750 руб. Утят по доверенности якобы получил главный бухгалтер колхоза «Красный колос» Шацкий. Имелась и копия банковского поручения о перечислении

колхозом на счет МИПС 4750 руб. Но перечисление было произведено 19 августа, а накладная датирована 20 августа. Вызывало недоумение и то обстоятельство, что цыплят получал не кто-либо из птицеводов, а главный бухгалтер колхоза. При проверке этой операции в колхозе «Красный колос» ревизор не нашел документов об оприходовании 2856 шт. утят; имелся только приходный кассовый ордер № 510 от 24 августа, по которому значились полученными от кладовщицы МИПС Нестеренко те же 4750 руб.

Производя дальнейшую проверку, работники милиции установили, что Колесников и Нестеренко продали утят на рынке по цене 2 руб. за штуку. Продавать утят по поручению Колесниковой и Нестеренко ездили на рынок двое рабочих МИПС. Им выдали квитанции, в которых указывалось количество утят и их рыночная стоимость. Квитанции и вырученные после продажи деньги рабочие сдали Колесникову и Нестеренко. Последние эти квитанции уничтожили, и по договоренности с должностными лицами колхоза «Красный колос» (в частности, с бухгалтером Шацким) выписали накладные, где указали, что утята проданы колхозу по государственной цене — 80 коп. за 1 кг. Соответствующую сумму соучастники Колесникова и Нестеренко перечислили со счета колхоза в МИПС. Чтобы в колхозе не образовалось недостачи, Колесников и Нестеренко из вырученных при продаже утят денег внесли такую же сумму в кассу колхоза. Разницу между рыночной стоимостью и государственной ценой они присвоили. Таких «операций» было выявлено несколько.

Органы милиции назначили ревизии в каждом из 9 колхозов и 3 совхозов района. Ревизоры выявили и новые злоупотребления — факты приписок к государственной отчетности весьма значительного количества якобы выращенной в колхозах птицы из цыплят, полученных в МИПС. Эти обстоятельства требовали дальнейшего расследования, которое я начал с тщательного изучения актов трех проведенных в МИПС, колхозах и совхозах района ревизий и имеющихся в деле документов. С целью проверки операций по закупке колхозами цыплят для их выращивания решили назначить еще одну ревизию. В ней я принимал непосредственное участие.

В одном из актов предыдущих ревизий отмечалось, что совхоз имени Жданова купил в колхозе имени Кирова 17 тыс. голов цыплят. Возникал вопрос, где взял колхоз имени Кирова этих цыплят и почему он их продал, а не выращивал у себя. Приехав в колхоз имени Кирова, я и задал этот вопрос бухгалтеру колхоза Пономареву.

Пономарев ответил, что по предложению директора МИПС Колесникова, который в сельхозинспекции райисполкома принимал от бухгалтеров колхозов отчеты о состоянии животноводства, этих цыплят купили в колхозе имени Ленина. Хотя цыплята не выращивались в колхозе, по указанию того же Колесникова их включили в отчет как выращенных в колхозе. Затем в тот же день цыплят, «прибавивших» в весе за одни сутки на 500 г, продали колхозу имени Кирова.

По утверждению Пономарева, приписок птичьего мяса в их колхозе больше не было. Вначале их не нашел и ревизор. Не нашел потому, что до сих пор мы не придавали никакого значения операциям по покупке и продаже цыплят между колхозами и совхозами района. Вероятно, по этой же причине не удавалось обнаружить приписки и при проведении предыдущих ревизий. Когда же в ходе проведения новой ревизии мы занялись взаимопроверкой документов колхозов по этим операциям, выявились новые злоупотребления.

Предварительно я выяснил, что приход птицы в колхозах отражался по счету № 9. После реализации стоимость проданной партии списывалась с этого счета и переносилась на счет № 46.

Мы составили таблицу, в которую после проверки в каждом колхозе выписывали из счета № 9 наименование хозяйства, где птица была куплена (инкубаторная станция или какой-либо колхоз), время покупки и количество купленной птицы. Из счета № 46 выписывали наименование колхозов, которым продана птица, количество и время продажи птицы. В таблицу вошло значительное число операций по девяти колхозам и трем совхозам. Ниже приводится выписка из этой таблицы.

Итак, получилась очень наглядная картина: одна и та же партия цыплят «перепродавалась» одним колхозом другому, третьему и т. д. Каждый колхоз, оприходовав цыплят, оформлял их в «отчете о состоянии живот-

Колхоз им. Кирова				Колхоз им. Кирова			
счет № 9 (приход)		счет № 46 (расход)		счет № 9 (приход)		счет № 46 (расход)	
Дата покупки птицы	Наименование хозяйства, где куплена птица	Количество купленной птицы	Дата продажи птицы	Наименование хозяйства, куда продана птица	Количество проданной птицы	Дата покупки птицы	Наименование хозяйства, где куплена птица
18.6 1960 г.	Ровеньковская МИПС (инкуб. станция)	14 000	18.6 1960 г.	К-з Кирова	14 000	18.6 1960 г.	К-з Кирова
20.6 1960 г.	К-з Кирова	10 000	20.6 1960 г.	К-з Ленина	10 000	20.6 1960 г.	К-з Ленина
Колхоз им. Кирова				Колхоз им. Ленина			
счет № 46 (расход)		счет № 9 (приход)		счет № 46 (расход)		счет № 9 (приход)	
Дата продажи птицы	Наименование хозяйства, куда продана птица	Количество проданной птицы	Дата покупки птицы	Наименование хозяйства, где куплена птица	Количество купленной птицы	Дата продажи птицы	Наименование хозяйства, куда продана птица
18.6 1960 г.	К-з Ленина	14 000	18.6 1960 г.	К-з Кирова	14 000	18.6 1960 г.	К-з Красный колос
20.6 1960 г.	К-з Кирова	10 000	20.6 1960 г.	К-з Украина*	10 000	20.6 1960 г.	совхоз Ровеньковский

новодства» (форма № 24 государственной отчетности) как выращенных в данном колхозе. Причем в каждом колхозе прирост одного цыпленка за сутки равнялся 500—700 г. В следующем колхозе он снова превращался в однодневного и снова мгновенно «поправлялся». На самом же деле только один колхоз получил и вырастил цыплят и, следовательно, имел право включать их в отчетность.

Такую «продажу» одних и тех же цыплят из колхоза в колхоз бухгалтер колхозов называли «транзитом», а цыплят «транзитными».

«Транзитные переброски» птицы использовались Колесниковым и руководителями некоторых колхозов и совхозов для того, чтобы доказать, что птица действительно в колхозе выращивалась и что в государственную отчетность она включена вполне обоснованно. Ревизоры, проводившие предыдущие проверки, не разгадали этой уловки очковтирателей. Хотя бухгалтер колхоза имени Кирова Пономарев пытался убедить нас, что, кроме 17 тыс. цыплят, в этом колхозе больше подобных приписок не делалось, сделанная нами выборка движения птицы из 9-го и 46-го счетов показала иное. Путем оформления «транзитных» операций руководители колхоза имени Кирова по указанию заведующего МИПС Колесникова приписали в государственной отчетности в общей сложности 91 890 шт. цыплят весом 504 ц.

В колхозе имени Ленина бухгалтер Захарченко попытался ввести нас в заблуждение. На допросе он показал, что приход и расход птицы в 1960 году отражался только в одном 9-ом счете. В 46-ом счете, по его словам, никаких данных о птице нет. Захарченко предъявил нам подшивку по счету № 9. Я стал проверять один том, ревизор с Захарченко — второй. «Транзитной» продажи птицы действительно не оказалось. Но я обратил внимание на поведение Захарченко. Перелистывая документы, он брал каждый из них за верхний угол и не отрывал от него руки, пока не перелистывал следующий лист. Я взял у Захарченко этот том и снова просмотрел его. Оказалось, что на обратной стороне накладных на получение цыплят в их верхнем углу карандашом были записаны названия колхозов, в которые перепродавались цыплята. Я потребовал от Захарченко материалы по 46-му счету. Там мы с ревизором нашли накладные на

«транзитный» отпуск цыплят. В этом колхозе было приписано 43 966 шт. цыплят.

Осмотр документов в бухгалтериях колхозов позволил выявить во всех этих махинациях роль Колесникова. В документах колхоза имелись подписанные им письма из МИПС, в которых он сообщал колхозам о дне получения ими цыплят на инкубаторной станции. При сопоставлении этих писем оказалось, что в один день получать цыплят вызывались сразу 3—4 колхоза. Так, на 26 июня 1960 г. на инкубаторную станцию для получения 12 000 цыплят были вызваны представители колхозов «Красный колос», имени Дзержинского, «Червоный Гай» и «Украина». Допрошенные в качестве свидетелей зоотехники колхозов показали, что Колесников отпустил 12 000 цыплят только одному из колхозов. Больше у него в этот день цыплят не было. Зоотехникам остальных колхозов он предложил оформить получение 12 000 цыплят «транзитом» друг от друга.

Как уже упоминалось, Колесников по поручению райисполкома ежемесячно принимал от колхозов отчеты о приросте птицы в колхозах. Сводный отчет он сдавал в ЦСУ.

Колесников стремился любой ценой показать, что район выполняет взятый на себя план по выращиванию одного миллиона голов птицы. С этой целью он и ввел «транзитные» операции по продаже птицы. От бухгалтеров тех колхозов, где цыплята не выращивались, он не принимал отчеты до тех пор, пока в них не включались «транзитные» цыплята весом 600—800 г каждый.

Бухгалтеры колхозов на допросах показали, что в сельхозинспекции перед Колесниковым всегда лежал список, где указывалось, какое количество цыплят прошло «транзитом» в каждом колхозе. Сверяясь с этим списком, Колесников строго следил за тем, чтобы в отчетах колхозов не только отражалось поступление и продажа цыплят, но и обязательно был показан и прирост их веса.

На допросе Колесников упорно отрицал все эти факты. Ему якобы не было известно о том, что колхозы передавали друг другу одних и тех же цыплят и включали их в государственную отчетность.

Однако тщательный обыск на рабочем месте Колесникова позволил найти важное доказательство его

причастности к преступлению. В столе Колесникова нашли составленные им графики «транзитной» передачи цыплят из одного колхоза в другой. В графиках он рассчитал, сколько и в каком порядке каждый колхоз должен передать другому колхозу цыплят «транзитом». В итоге по этим расчетам в районе был бы «выращен» один миллион цыплят. Так, по графику Колесникова полученные в МИПС 12 июня 1960 г. колхозом имени Ленина 5000 суточных цыплят должны были переданы колхозу «Красный колос», оттуда — в колхоз «Украина», затем — в колхоз имени Дзержинского. Из изъятых в колхозах имени Ленина, имени Дзержинского и «Красный колос» накладных от 12 июня 1960 г. явствовало, что передача цыплят, запланированная на этот день в графике Колесниковым, действительно имела место.

Для уточнения объема приписок провели судебно-бухгалтерскую экспертизу.

В результате расследования выяснилось, что всего колхозами и совхозами Ровеньковского района по инициативе и при активном участии Колесникова было приписано в государственной отчетности 436 тыс. цыплят, т. е. почти половина запланированного по району количества птицы. Сумма похищенного Колесниковым и Нестеренко на МИПС составила 9599 руб.

Собранные доказательства полностью изобличали Колесникова и Нестеренко в совершенных преступлениях. Суд приговорил их к лишению свободы.

Следователь прокуратуры
Добропольского района
Донецкой области
юрист 2-го класса

В. С. ЛЕВЧЕНКО

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА ОБ УБИЙСТВЕ ЧИСТЯКОВОЙ

В конце декабря 1961 года мне сообщили из Белицкого поселкового отделения милиции, что 14 декабря 1961 г. исчезла жительница села Красноярского Галина Чистякова. Я попросил выслать для ознакомления собранные об этом материалы, из которых вытекало следующее.

Чистякова приехала в Добропольский район в начале 1959 года из Костромской области. Сначала она работала в совхозе, а последнее время — на шахте «Водяная-1». Познакомившись с рабочим соседней шахты Константином Блюмом, только что вернувшимся из армии, она стала с ним сожительствовать. Они сняли комнату в селе Красноярском у гр-ки Мороз. В том же доме проживала семья Булавиных. Войти в обе эти квартиры можно было через веранду. Сама Мороз жила в другом, только что выстроенном доме.

В апреле 1960 года у Чистяковой родилась дочь Лариса, а в июне того же года Блюм ушел от Чистяковой и стал жить с гр-кой Павлишиной. Жили они у матери Блюма в совхозе «Горняк», расположенном в двух километрах от села Красноярского.

В полученных из милиции материалах имелось объяснение Булавиной, в котором она указывала, что когда днем 13 декабря, т. е. за день до исчезновения, Чистякова пошла на работу, она, Булавина, попросила ее купить папирос для мужа. С работы Чистякова вернулась как всегда в 12 час. ночи. Они встретились на веранде. Спросить ее про папиросы Булавина забыла. Поэтому утром 14 декабря, когда ее муж стал собираться на работу, она постучала в комнату Чистяковой. Та, уже одетая, вынесла ей папиросы. В 8 час. утра Булавина снова вы-

шла на веранду. Дверь в комнату Чистяковой была снаружи закрыта на цепочку. Больше Чистякова не появлялась. Уезжать она никуда как будто бы не собиралась. Когда Чистякова не явилась и на следующий день, Булавина сказала об ее исчезновении Мороз. Та проверила, была ли Чистякова на работе, не попала ли в больницу, не приходила ли за дочерью, которая находилась в яслях. Ее нигде не было. Не появилась она и через два дня. 18 декабря Мороз сообщила об исчезновении Чистяковой в Белицкое поселковое отделение милиции.

Из объяснений Булавиной и Мороз стало известно, что Чистякова обратилась в суд с заявлением о взыскании с Блюма алиментов на содержание ребенка. 15 декабря Чистяковой пришла судебная повестка с вызовом на 22 декабря. Чистякова им рассказала, что Блюм ежедневно встречает ее вечером по пути на работу или с работы и угрожает убийством, если она не заберет заявление из суда.

При осмотре и обыске квартиры Чистяковой все ее вещи, за исключением одежды, в которой она могла уйти, оказались на месте. Деньги и документы также были целы. В чемодане и в ящике шифоньера нашли две записки. В одной из них без даты и подписи было написано: «Галочка, дорогая, милая, здравствуй. Как твоё здоровье? Я пришел к тебе. Живу сейчас один. Если можешь, то выйди, а если нет, — напиши. На меня не обижайся, я почти дурной. Меня мучает совесть. Мы должны быть вместе, у Лары должен быть родной отец. Вот я сейчас ожидаю тебя у входа и боюсь того, что ты выйдешь и скажешь «уходи». Жду».

На второй записке, примерно того же содержания, стояла дата «19 августа 1961 г.» и подпись «Костя».

В своем объяснении Блюм написал, что после ухода от Чистяковой он больше у нее не был, с 13 на 14 декабря работал в ночную смену, никаких записок Чистяковой не писал.

Ознакомившись с этим материалом, я возбудил уголовное дело.

Были допрошены Булавина, Мороз и некоторые другие лица, проживающие по соседству с Чистяковой. Помимо сообщенного в своих объяснениях, они рассказали, что после того, как Блюм ушел от Чистяковой, он продолжал иногда навещать ее, оставался у нее ночевать,

при этом нередко ее избивал. Примерно с августа 1961 года он перестал навещать Чистякову. Свою дочь Галина очень любила. По показаниям Мороз и Булавиной, ребенок у Чистяковой постоянно болел; поэтому она часто не выходила на работу и нуждалась в деньгах. За несколько дней до исчезновения Чистякова говорила, что скоро будет получать с Блюма алименты и тогда, наконец, перестанет нуждаться. С родственниками она как будто не переписывалась.

Булавина заявила также, что, как ей показалось, утром 14 декабря у Чистяковой кто-то был. Обычно она приглашала Булавинову зайти в комнату, а в этот раз подала папиросы через порог и сразу же закрыла дверь изнутри на крючок. Затем, когда Булавина услышала скрип двери Чистяковой, она посмотрела в окно, но мимо окон никто не проходил. По ее мнению, Чистякова могла уйти через огород, где проходила тропинка в сторону шахты «Водяная-1» и дальше в совхоз «Горняк-2». Булавина сказала, что Чистякова, уходя из дому надолго, обычно закрывала дверь на замок. На этот раз на дверь была только накинута цепочка.

Никаких данных о том, что Чистяковой необходимо было срочно и тайно выехать, оставив в яслях ребенка, не имелось. Как выяснилось, адвокат, который писал заявление о взыскании алиментов с Блюма, заверил Чистякову, что суд, по-видимому, вынесет решение в ее пользу. Поэтому вряд ли можно было предположить, что бы она уехала, не дождавшись рассмотрения дела судом. Тем не менее предположение об отъезде Чистяковой в неизвестном направлении требовалось проверить. С этой целью объявили ее розыск. Об исчезновении Чистяковой были уведомлены все УООП республик с просьбой проверить, не проживает ли она на обслуживаемой ими территории. Было дано также задание проверить все случаи обнаружения неопознанных трупов. Установили всех родственников Чистяковой. Но никто из них о судьбе Чистяковой ничего не знал. Параллельно проверялась и вторая версия — убийство Чистяковой Блюмом. Целый ряд обстоятельств позволял подозревать его в этом преступлении.

Прежде всего было неестественным поведение Блюма. Так, когда его впервые вызвали в Белицкое отделение милиции для дачи объяснения в связи с исчезнове-

нием Чистяковой, он всячески подчеркивал свое возмущение тем, что его задерживают, заявляя, что собирался пойти в кино. На допросах он усиленно старался показать, что все происшедшее ему безразлично. Далее Блюм отрицал даже точно установленные по делу факты. Так, он утверждал, что записки, обнаруженные у Чистяковой, написаны не им. Блюм отрицал даже, что ходил к Чистяковой после того, как с нею разошелся, хотя это подтверждали многие свидетели.

Все это давало достаточные основания для ареста Блюма, что и было сделано.

Допросили свидетелей, которые в ночь на 14 декабря работали вместе с Блюмом. Они показали, что в ту ночь работали до 5 часов утра. Блюм никуда не отлучался. Справкой, полученной из табельной шахты, также подтверждалось, что Блюм вышел из шахты в 5 час. утра. Выяснили, каким маршрутом Блюм обычно возвращался с работы домой. Он ездил на автобусе, а иногда шел напрямик пешком мимо села Красноярского. В этом случае он мог зайти к Чистяковой. Однако, как добирался домой Блюм 14 декабря, никто из свидетелей не знал.

О времени прихода Блюма в то утро домой допросили проживавших вместе с ним его мать, сожительницу Павлишину и жену находящегося в армии брата Блюма. Они показали, что Блюм 14 декабря пришел с работы как обычно, т. е. часов в 7 утра, и ничего особенного в его поведении они не заметили.

Однако к показаниям этих свидетелей следовало относиться критически. Чувствовалось, что они стараются выгородить Блюма. Об этом свидетельствовало, в частности, следующее. В Белицком отделении милиции находилось заявление жены брата Блюма о том, что однажды Блюм закрыл комнату и стал ее избивать, предварительно включив радиоприемник, чтобы заглушить ее крики. Но когда на допросе я спросил ее об этом, она заявила, что Блюм только замахнулся на нее, а заявление она написала в милицию «просто от испуга». Все эти три свидетеля всячески старались в своих показаниях очернить Чистякову.

Работникам милиции было дано задание выяснить у лиц, с которыми общался Блюм, не говорил ли он им что-либо в связи с исчезновением Чистяковой. Однако Блюм был человеком крайне необщительным и ни с кем

не говорил о своих семейных делах. Из всех допрошенных лиц, знавших Блюма, лишь его сосед Федорович сказал, что однажды еще до исчезновения Чистяковой Блюм высказывал опасения, что ему, наверное, придется платить Чистяковой алименты. Сам Блюм это обстоятельство отрицал и утверждал, что ему вообще не было известно о том, что Чистякова подает на него в суд.

Однако лица, проживавшие по соседству с Чистяковой, а также совместно с нею работавшие, на допросах говорили, что Чистякова последнее время неоднократно жаловалась, что Блюм, встречая ее вечерами, грозил ей убийством, если ему придется платить алименты. Поскольку об этих угрозах говорили очень многие свидетели, не было оснований считать, что все они давали неправильные показания или что Чистякова всем им рассказывала неправду. Таким образом, данные об угрозах Блюма выглядели весьма убедительно.

Проведенная в Харьковском научно-исследовательском институте почерковедческая экспертиза дала заключение, что обнаруженные при осмотре квартиры Чистяковой записки написаны Блюмом. Ознакомившись с этим заключением, Блюм продолжал утверждать, что записок не писал. Однако через три дня он попросил вызвать его на допрос и показал, что действительно писал их, но еще в августе 1961 года, когда поссорился с Павлишиной и хотел сойтись с Чистяковой.

Была сделана попытка с помощью криминалистической экспертизы установить время написания записки без даты. Но сделать это не представилось возможным.

Находясь под стражей, Блюм писал жалобы прокурорам области и Украинской ССР, в которых указывал: «Мне предъявили обвинение в убийстве моей первой жены. Такого зверского поступка я не мог совершить. Я даже в голову не могу взять, как это я могу убить мать моего ребенка... Я требую, чтобы меня освободили из-под стражи, так как я совершенно ни в чем не виновен. Я имею право как честный человек на нормальную жизнь...».

В этих жалобах Блюм чернил Чистякову, называя ее аферисткой, бесчестной женщиной и т. п.

На допросах Блюм по-прежнему держался совершенно невозмутимо. Для окончательного изобличения Блю-

ма имеющихся в деле доказательств было недостаточно. Очень важно было отыскать труп Чистяковой.

Где была убита Чистякова? Вряд ли он мог это сделать в комнате Чистяковой, так как в расположенной за стеной квартиры Булавиной все происходящее у Чистяковой хорошо слышно. Булавина же утверждала, что шума в комнате у Чистяковой утром 14 декабря она не слышала. При осмотре комнаты Чистяковой никаких следов преступления обнаружено не было.

При производстве обыска в квартире у Блюма также ничего подозрительного не нашли.

Скорее всего убийство было совершено где-то вне помещения, куда Блюм мог заманить Чистякову под каким-либо предлогом. Учитывая показания Булавиной о том, что утром 14 декабря Чистякова могла выйти из дома через огород по тропинке, ведущей в сторону совхоза «Горняк-2», я предположил, что преступление могло быть совершено на территории, расположенной в этом направлении.

Там находилось несколько небольших прудов, шахтный террикон, мусорные свалки и пустыри. Принять меры для тщательных поисков трупа в зимних условиях не представлялось возможным. Поиски начались с наступлением ранней весны. В них принимали участие работники милиции, учащиеся строительного училища, дружинники и рабочие совхоза. Однако найти труп не удалось. Поиски продолжались.

Между тем я предъявил Блюму обвинение в убийстве Чистяковой. Виновым себя он не признал.

В начале лета, около шахты «Водяная-1», на вспаханном поле, там, где мы искали труп, были обнаружены торчащие из земли куски человеческой кожи. Мы пригласили понятых и произвели раскопки. На глубине 0,5 м показался сильно разложившийся труп женщины. Булавина и Мороз по одежде и цвету волос опознали в нем Чистякову. На шею трупа была надет петля из сложенного втрое провода, ноги и руки также были связаны проводом и привязаны к шее. Трусы с одной ноги были сняты. Недалеко от места захоронения трупа лежала лопата с обломанным черенком.

Вновь была допрошена сожительница Блюма — Павлишина, которая, узнав об обнаружении трупа Чистяковой, рассказала, что вечером 13 декабря 1961 г. Блюм

взял из дому лопату и предложил Павлишиной идти вместе с ним. В поле, недалеко от шахты «Водяная-1», он стал копать яму. Она ему помогала. Во время работы у лопаты обломился черенок. Блюм говорил ей, что копает яму для того, чтобы спрятать динамит. Утром 14 декабря Блюм пришел с работы в грязи, и она застирала ему плащ и брюки. За несколько дней до этого она видела у него в кармане куски провода. Когда Павлишина хотела их вытащить из кармана, Блюм закричал на нее и не разрешил это сделать. Об убийстве Чистяковой Павлишина, по ее словам, не знала, но когда та исчезла, она догадалась, что Чистякову убил Блюм. Раньше на допросах она об этом не говорила, так как Блюм ей угрожал. Павлишиной предложили показать место, где Блюм копал яму. Оно совпало с местом обнаружения трупа Чистяковой.

Лопату, найденную недалеко от трупа, Павлишина опознать не смогла, сказав, что не помнит ее примет.

С учетом вновь выявившихся обстоятельств Блюм вновь был допрошен в качестве обвиняемого. Но он по-прежнему все отрицал. В ходе допроса я предъявил ему провод, который был на шее, руках и ногах трупа Чистяковой. Затем я объявил Блюму, что на месте обнаружения трупа нашли лопату с обломанным черенком, а Павлишина на допросе показала, что, когда они копали яму, в руках у Блюма сломалась лопата. Блюм продолжал отрицать совершение убийства. Лишь после того, как ему были предъявлены протокол выхода на место обнаружения трупа Чистяковой и показания по этому поводу Павлишиной, Блюм вынужден был признаться в убийстве Чистяковой.

Преступление он совершил якобы из ревности. Он знал, что Чистякова встречалась со многими мужчинами и поэтому решил ее убить. Накануне, 13 декабря, в присутствии Павлишиной Блюм выкопал яму, чтобы потом спрятать в ней труп. Утром 14 декабря, возвращаясь с работы, он зашел к Чистяковой и попросил проводить его. Он привел ее к месту, где была выкопана яма, и предложил совершить половой акт. Когда она стала раздеваться, он ее задушил. По словам Блюма, Павлишиной об убийстве Чистяковой ничего известно не было.

Хотя Блюм утверждал, что совершил убийство на почве ревности, он не смог назвать ни одного человека, во

встречах с которым подозревал Чистякову. Не мог он также объяснить, почему чувство ревности появилось у него только в декабре 1961 года, тогда как несколько месяцев до этого он с Чистяковой вообще не встречался, ушел от нее сам полтора года назад и уже год сожительствовал с другой женщиной. Из показаний ранее допрошенных свидетелей было известно, что Чистякова не встречалась с другими мужчинами. Все это опровергало объяснения Блюма относительно мотивов убийства.

По заключению судебно-медицинского эксперта, смерть Чистяковой наступила от удушения, странгуляционная борозда от провода была прижизненной. Блюм по-прежнему утверждал, что задушил Чистякову руками, а провод оказался у него в кармане случайно. Руки и ноги он связал и привязал их к шее для того, чтобы они потом не выпрямились и не высунулись из земли.

Блюм указал место убийства и захоронения трупа Чистяковой. Оно совпало с местом обнаружения ее трупа и с местом, указанным Павлишиной. Блюм также описал, в чем была одета Чистякова, в какой позе он закопал ее тело. Эти его показания соответствовали материалам дела.

Донецкий областной суд приговорил Блюма К. А. к высшей мере наказания — расстрелу.

Ходатайство Блюма о помиловании Президиум Верховного Совета Украинской ССР отклонил. Приговор приведен в исполнение.

Старший следователь прокуратуры
Читинской области
младший советник юстиции
Ф. В. РАСЛАМБЕКОВ

СОЕДИНЕНИЕ ДЕЛ СПОСОБСТВОВАЛО ПОЛНОМУ РАЗОБЛАЧЕНИЮ ШАЙКИ ГРАБИТЕЛЕЙ

В ночь на 26 ноября 1960 г. из Иркутской исправительно-трудовой колонии бежал рецидивист Анатолий Зубарев.

Вслед за этим в ряде городов Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири стали совершаться дерзкие преступления.

В ночь побега Зубарева в Иркутске неизвестный преступник напал на местного жителя Муромцева. Бандит ударил Муромцева по голове, снял с него пальто, шапку, перчатки, отобрал паспорт, военный билет и другие документы.

В ночь на 8 декабря 1960 г. в Чите в филиал № 2 универмага проникли воры и украли товаров на сумму 1395 руб. На месте происшествия осталась мужская кожаная перчатка, которую впоследствии опознал Муромцев как отобранную у него бандитом, ограбившим его в ночь на 26 ноября.

В ночь на 30 декабря в Чите опять совершили кражу со взломом из магазина № 4 Военторга. Украли товаров на 2830 руб. Среди похищенного было двухствольное ружье марки «Белка» и несколько пачек патронов к нему. В магазине остался паспорт этого ружья под номером II-2775 ИЖ-56-I. Украли также большое количество дамских часов.

Через три дня, в ночь на 3 января 1961 г., было совершено вооруженное нападение на сторожа того же магазина № 4 Военторга Четырина. Произошло это при следующих обстоятельствах. Под утро к магазину № 4 Военторга подошел сторож соседнего магазина «Гастроном» Кинюшин. Увидев возле магазина какого-то муж-

чину, Кинюшин принял его за Четырина и приблизился к нему. Вдруг незнакомец обернулся, наставил на Кинюшина обрез, вырвал у него из рук ружье, приказал молчать и зайти за угол магазина. Кинюшину удалось убежать. В это время сторож Четырин вышел из находящейся неподалеку сторожки и направился в обход магазина. Четырин услышал окрик «стой». Преступник, ранее пытавшийся задержать Кинюшина, приказал Четырину вернуться во двор магазина, угрожая убийством. Так как Четырин не повиновался и продолжал двигаться по улице навстречу незнакомому, тот выстрелил в него два раза, но не попал. Видя, что Четырин продолжает подходить к нему, неизвестный бросился бежать. Когда Четырин, преследуя его, пробегал мимо витрины охраняемого им магазина, оттуда выскочил второй неизвестный. Четырин не успел выстрелить, и тот скрылся.

При осмотре места происшествия в магазине на подоконнике нашли узел, в котором было несколько драповых и габардиновых пальто, а также рулон ткани размером 31 м 40 см. Установили, что из магазина украдено одно габардиновое мужское пальто и шерстяной пуловер — всего на сумму 233 руб.

В ночь на 21 января 1961 г. магазин № 4 Военторга обокрали в третий раз. Преступники разбили витрину и похитили с нее несколько пар обуви на сумму 47 руб., в том числе дамские модельные туфли коричневого цвета и детские ботиночки.

По перечисленным выше четырем кражам возбудили уголовные дела, расследование которых затем приостановили за неустановлением лиц, совершивших преступление.

Вслед за этим было совершено еще несколько краж товаров (габардиновых пальто, костюмов и т. п.) из магазинов в г. Чесноковке Алтайского края, в Хабаровске, Новосибирске, Улан-Удэ. Целый ряд признаков позволял прийти к выводу, что во всех этих преступлениях участвовал Зубарев.

Так, в магазине Крайрыболовпотребсоюза Хабаровска, откуда преступники украли товары на сумму 3485 руб., при осмотре места происшествия изъяли осколки стекла со следами пальцев рук. Проверка в НТО краевой милиции показала, что один след оставлен большим пальцем правой руки Зубарева.

В Новосибирске через несколько дней после совершения там кражи в скупочном магазине задержали мужчину, сдававшего несколько габардиновых пальто. Сотрудники милиции потребовали у него документы. Он предъявил паспорт и военный билет на имя Муромцева. Пока сотрудники милиции рассматривали документы, мужчина сумел убежать, оставив документы и чемодан в руках задержавших его милиционеров. Выяснилось, что на обоих документах были приклеены фотокарточки Зубарева, печати подделаны. Среди документов находилась квитанция камеры хранения Новосибирского вокзала. В камере хранения оказались драповые и габардиновые пальто. Между ними в чемодане лежал обрез ружья «Белка», на котором оказался тот же номер, что и на паспорте ружья, украденного в Чите из магазина № 4 Военторга.

Вскоре после совершения кражи в Улан-Удэ в городской бане нашли паспорт некоего Кулагина с читинской пропиской. На паспорте с поддельными печатями была наклеена фотокарточка Зубарева.

В середине марта в Омске при сдаче вещей в скупочный магазин был задержан неизвестный, который по требованию сотрудника милиции предъявил паспорт на имя Кузнецова. По пути в отделение милиции неизвестный сбежал. В паспорте с поддельными печатями опять была наклеена фотокарточка Зубарева и значилась читинская прописка. В нем оказались также квитанции камеры хранения вокзала. Работники милиции изъяли оттуда четыре места ручного багажа, сданного по паспорту на имя Кузнецова. В багаже находились новые габардиновые пальто, рулоны костюмного трико и другие товары. Когда обнаруженные вещи предъявили для опознания продавцам протомарного магазина № 26 г. Улан-Удэ, они опознали их как украденные в ночь на 13 марта 1961 г. из их магазина и предъявили сохранившиеся в магазине образцы костюмного трико, которые по качеству совпали с трико в рулонах, изъятых из багажа преступника.

В ночь на 24 марта 1961 г. в Новосибирске было совершено вооруженное нападение на сторожа магазина № 19 Горпротмторга Кузовлева. Около 2 час. ночи к магазину подошли трое неизвестных. Один из них наставил на сторожа пистолет. Двое других, угрожая

Кузовлеву убийством, завели его в подъезд дома, отобрали ружье, сняли с него плащ, связали и положили на пол. Из магазина в ту ночь были похищены товары на сумму 7455 руб., в том числе габардиновое пальто и костюмы.

Днем 24 марта конюхи конного парка случайно обнаружили спрятанные в стое сена два чемодана. В них находились габардиновые пальто и костюмы. Они стали следить, кто явится за чемоданами. Когда за ними пришел незнакомый человек, конюхи попытались его задержать, но тот, угрожая пистолетом, убежал. Чемоданы с вещами остались. Пальто и костюмы были предъявлены для опознания продавцам магазина № 19 Новосибирского горпромторга, которые их опознали как похищенные из этого магазина.

В начале апреля 1961 года по подозрению в совершении этой последней кражи работники милиции задержали ранее судившихся за кражи Черникова и Степанова. При обыске у них обнаружили и изъяли два новых габардиновых пальто и один мужской костюм. После недолгого запирательства Черников и Степанов сознались в ограблении магазина № 19. Они рассказали, что в двадцатых числах марта 1961 года к Черникову в Омск приехал его знакомый по местам заключения Зубарев и предложил ему и Степанову принять участие в ограблении какого-либо промтоварного магазина в Новосибирске. Они согласились и поездом отправились в Новосибирск. В день прибытия они выбрали объект для кражи, а около 2 час. ночи Зубарев, Черников и Степанов подошли к магазину № 19. Зубарев был вооружен пистолетом. У магазина ходил сторож с ружьем. Зубарев подошел к нему, наставил на него пистолет. К ним подбежали Черников и Степанов. Зубарев и Степанов, держа сторожа за руки и угрожая убийством, завели его в подвальный этаж одного из подъездов дома. У сторожа они отняли ружье, сняли с него плащ и, связав его по рукам и ногам, положили на пол и приказали не шевелиться. Степанов надел на себя плащ сторожа, взял его ружье и стал ходить около магазина. В это время Зубарев и Черников, разбив стекло, проникли в торговое помещение и украли много габардиновых и драповых пальто, костюмов и других товаров. Похищенные товары они затащили на чердак

одного из строящихся домов и там спрятали. На этом чердаке все трое переоделись в новые костюмы и пальто, оставили там свою старую верхнюю одежду и уехали в центр города. После открытия магазинов, купив чемоданы и багажные тюки, Зубарев, Черников и Степанов упаковали туда вещи. Чемоданы спрятали в сене. За ними ходил Зубарев, но чуть не попал в засаду.

2 апреля 1961 г. вблизи г. Чесноковки задержали Зубарева. Он сразу сознался в побеге из Иркутской исправительно-трудовой колонии, в разбойном нападении на Муромцева в Иркутске, в краже со взломом из магазина № 25 в г. Чесноковке в ночь на 26 января. На допросе у следователя Чесноковской городской прокуратуры Зубарев признался и в том, что занимался кражами в Чите и других городах. Очевидно, не желая обременять себя проверкой показаний обвиняемого о совершенных им кражах. Дело было закончено за 15 дней, и 26 апреля 1961 г. Зубарева за те несколько преступлений, которые он совершил в Иркутске и Чесноковке приговорили к 15 годам лишения свободы.

Об аресте Зубарева стало известно работникам милиции Новосибирска, Улан-Удэ и Читы, которые выехали в г. Чесноковку для допроса Зубарева по поводу краж, совершенных в этих городах. Работнику милиции из Читы Зубарев отказался давать какие бы то ни было показания, а милицейским работникам Новосибирска и Улан-Удэ он сознался в нападении на сторожа магазина № 19 Новосибирска и в краже товаров из магазина № 26 Улан-Удэ. При этом Зубарев утверждал, что обе кражи он совершил один, без соучастников. Однако из обстоятельств совершения этих преступлений, показаний Черникова и Степанова было известно, что Зубарев действовал не один.

Уже после задержания Зубарева, в ночь на 5 апреля 1961 г. из магазина № 7 Читинского Горпромторга была совершена кража: преступники проникли в магазин, выбив стекло в оконной раме. Были похищены товары на сумму 6216 руб., в том числе габардиновые пальто и платья. В тот же день в одном из дворов по соседству с

магазином нашли спрятанные между забором и штабелем досок 11 новых габардиновых пальто и 15 новых платьев. Продавцы магазина № 7 опознали их как часть похищенных из магазина товаров.

По подозрению в причастности к этой краже работники Читинской городской милиции задержали трех местных жителей — Кузнецова, Кулагина и Герасимова. Кулагин и Герасимов были братьями по матери. Герасимов до этого неоднократно судился за кражи. У всех троих произвели обыски. У Кузнецова нашли новое дамское габардиновое пальто; у Герасимова — почти новое мужское демисезонное пальто, новый мужской костюм из темно-зеленого трико, женские наручные часы, женские модельные туфли коричневого цвета, новые детские ботиночки; у Кулагина — женские наручные часы и новое дамское драповое пальто. У матери Герасимова — двое новых наручных часов в коробочках. Появление у них обнаруженных вещей все объясняли примерно одинаково — купили на рынке.

К этому времени в Читинскую милицию из Новосибирска и Улан-Удэ прибыли паспорта Кузнецова и Кулагина, на которых были приклеены фотокарточки Зубарева. Это явно указывало на связь между всеми этими лицами.

По-видимому, кражи и ограбления, имевшие место за последние месяцы в разных городах, являлись делом рук одной и той же шайки грабителей, в которую входили Зубарев, Кузнецов, Кулагин, Черников, Степанов. Но расследовать эти дела с максимальной полнотой, с использованием всех доказательств, добытых в процессе предварительного следствия по каждому из них, можно было только в случае соединения всех этих дел в одно производство. Такое указание и было дано Прокуратурой РСФСР. Вести следствие по объединенному делу поручили прокуратуре Читинской области, а прокураторам Хабаровского края, Бурятской АССР, Новосибирской и Омской областей предложили выслать в Читу все уголовные дела, возбужденные против Зубарева.

Дело Зубарева я принял к своему производству 18 мая 1961 г. В помощь мне выделили опытного оперативного работника уголовного розыска старшего оперуполномоченного Хитрова, который очень много сделал для

получения оперативным путем необходимой дополнительной информации и тем самым способствовал раскрытию преступной деятельности шайки грабителей.

Зубарев в это время содержался под стражей в Новосибирске. Согласно вынесенному постановлению, его этапировали в Читу.

При расследовании по делу важно было установить, в каких именно кражах участвовал Зубарев. На допросах в прокуратуре г. Чесноковки он признался в совершении нескольких краж. К сожалению, его показания не были детализированы. В совершении ряда преступлений его изобличили и вещи, с которыми он дважды задерживался в скупочных магазинах с документами на чужие фамилии.

Требовалось установить всех соучастников Зубарева в кражах, лиц, через которых он, возможно, сбывал похищенное.

О всех подробностях этого трудоемкого дела рассказать в статье невозможно. Следует отметить, что большую роль в собирании необходимых для изобличения преступников сведений, в выявлении связей между участниками краж, в отыскании украденных вещей сыграли работники милиции.

Значительная часть работы по делу заключалась в предъявлении обнаруженных при обысках вещей для опознания работникам магазинов, из которых совершались кражи. Результаты этих опознаний не только изобличали тех или иных лиц в совершении кражи, но и позволяли нам устанавливать всех участников каждого преступления. Безусловно, что эта работа могла принести определенный успех только в условиях объединения всех дел в одно производство.

Ниже описаны лишь некоторые эпизоды расследования данного дела.

Первыми следственными действиями после объединения дела были допросы Кузнецова и Герасимова. Важно было установить их связь с Зубаревым. После предъявления собранных против Кузнецова и Герасимова улик они признались в том, что знают Зубарева. Герасимов объяснил, что вместе с Зубаревым он отбывал наказание в местах лишения свободы. Месяца четыре тому назад Зубарев несколько дней жил у него дома, но ничего краденного в дом якобы не приносил.

Кузнецов рассказал, что познакомился с Зубаревым в доме Герасимова в начале декабря 1960 года и помогал ему сбывать краденые вещи. Сначала Кузнецов утверждал, что сам никакого участия в кражах не принимал, но в дальнейшем показал, что сопровождал Зубарева в его поездках в Новосибирск, Омск и другие города, где оба сбывали краденые вещи. Признал Кузнецов и то, что дал Зубареву свой паспорт, который тот подделал, приклеив свою фотокарточку. Далее Кузнецов сообщил, что помог Зубареву переделать в обрез двухствольное пуледробовое ружье марки «Белка». Кузнецов сознался также и в том, что в ночь на 3 января 1961 г. он с Зубаревым участвовал в ограблении магазина № 4 Военторга в Чите. По показаниям Кузнецова, он тогда проник в магазин и готовил товары к выносу, а Зубарев, вооруженный обрезом, стоял на страже возле магазина. Пока Кузнецов находился в магазине, Зубарев обезоружил одного сторожа и стрелял из обреза в другого, после чего Кузнецов выпрыгнул из окна магазина и оба они скрылись, оставив на месте приготовленный узел с вещами. Кузнецов сумел унести только одно габардиновое пальто, которое одел в магазине на себя. Ружье, отнятое у сторожа, они принесли на квартиру Герасимова.

Затем допросили Кулагина. Он утверждал, что ничего не знает о преступных действиях Зубарева. Я обратил внимание на то, что Кулагин одет в костюм из темно-зеленого трико. Такой же костюм был изъят в доме у Герасимова, и тот утверждал, что он купил его на базаре у неизвестного лица. В материалах дела о краже в ночь на 8 декабря 1960 г. товаров из филиала № 2 Читинского универмага отмечалось, что оттуда похитили более 50 м материала именно такого цвета и качества.

Я решил использовать эту улику при допросе Кулагина. На вопрос, где он взял материал на костюм, Кулагин ответил, что купил его на базаре у неизвестного мужчины. Я предъявил Кулагину костюм, изъятый при обыске у Герасимова, и предложил сравнить со своим костюмом. Материал был один и тот же. Теперь Кулагин рассказал, что отрез материала на костюм он купил в конце 1960 года у Герасимова за 20 руб. Судя по низкой цене, материал был краденый. У Герасимова Кулагин

видел еще один отрез, из которого тот сшил себе костюм. Такой же костюм он видел на соседе Герасимова — Яковлеве. Кулагин заявил, что купил отрез в присутствии жены Герасимова, уплатив ей деньги. По словам Кулагина, в этот момент к Герасимовым пришел в гости Николай Цыганцов — кладовщик молочного завода, где Герасимов работал кочегаром.

При обыске у Яковлевых обнаружили мужской костюм и дамский жакет из костюмного трико темно-зеленого цвета. Яковлев объяснил, что купил у Герасимова 5 м темно-зеленого трико по 15 руб. за метр. Жена Яковлева, кроме того, сообщила, что Герасимов и его жена предлагали ей купить новое дамское габардиновое, а также новое дамское драповое пальто.

Решили задержать Герасимову. На очной ставке с Яковлевой она призналась в том, что продала последней 5 м темно-зеленого костюмного трико. По ее словам, этот материал ее муж купил на базаре, но поскольку им нужны были деньги, она перепродала материал Яковлевым.

Цыганцов на допросе сообщил, что в начале марта 1961 года он был в гостях у Герасимовых, которые предложили ему купить новое дамское драповое пальто за 50 руб. Он купил его для своей жены. В начале мая 1961 года к нему на склад пришел Герасимов, принес мешок с какими-то бещами и попросил временно оставить его в складе на хранение. Когда вскоре после этого Герасимова арестовали, Цыганцов проверил содержимое мешка и обнаружил в нем два новых габардиновых пальто. Эти пальто, а также пальто, купленное женой, он отнес на квартиру своей матери.

Цыганцова задержали. В его квартире произвели обыск, но ничего не нашли. В тот же день мы поехали к матери Цыганцова и предложили выдать вещи, которые принес ее сын. Она ответила, что у нее ничего не было и нет. Но когда мы ей объяснили, что из-за этих вещей ее сын задержан и сам рассказал о них, она согласилась выдать вещи. Цыганцова повела нас к своим знакомым, где были спрятаны одно драповое и два габардиновых дамских пальто.

Снова допросили Герасимова, который сначала отрицал продажу одного и передачу двух пальто Цыганцову. Когда же ему предъявили изъятые пальто, он подтвер-

длil показания Цыганцова и заявил, что пальто ему принес для продажи Зубарев.

В тот вечер, когда я допрашивал Цыганцова, мне сообщили, что Зубарев снова попытался совершить побег, но был задержан конвоем.

На следующий же день я начал допрашивать Зубарева. Он признался в совершении еще ряда краж: в Чите в ночь на 8 декабря 1960 г. из филиала № 2 универмага; в ночь на 30 декабря из магазина № 4 Военторга; в ночь на 3 января 1961 г. из того же магазина; в ночь на 26 января из магазина № 25 в г. Чесноковке; в ночь на 8 февраля и в ночь на 10 февраля из двух магазинов в Хабаровске; в Улан-Удэ из магазина № 26 в ночь на 13 марта; в Новосибирске из магазина № 19 в ночь на 24 марта. Но Зубарев продолжал утверждать, что все эти кражи он совершил один, без соучастников. Он категорически отказался сообщить, у кого жил все это время, кто ему помогал сбывать краденое, и т. п.

Зубарев отрицал также свое участие в кражах в Чите из магазина № 4 Военторга в ночь на 21 января 1961 г. и из магазина № 7 в ночь на 4 марта 1961 г. Этому можно было поверить, поскольку Зубарев сознался в нескольких даже более серьезных кражах и отрицать эти две кражи ему не было смысла.

В ходе расследования были выяснены все эти вопросы. Кроме упоминавшихся выше соучастников Зубарева — Черникова и Степанова, одним из наиболее активных участников шайки грабителей был Герасимов. Он предоставил Зубареву свою квартиру в качестве убежища, снабжал его документами, разрабатывал планы совершения краж, прятал и сбывал похищенное. Другими участниками воровской шайки являлись установленные в ходе расследования Кулагин, Кузнецов, Савин, Роговой и некоторые другие лица. Под руководством Герасимова они совершили несколько краж без участия Зубарева. В их числе были кражи, совершенные 21 января, 4 марта и 5 апреля из магазинов Читы.

Всего по этому делу было арестовано 11 человек, участвовавших с декабря 1960 года по апрель 1961 года в 10 кражах и вооруженных ограблениях магазинов и причинивших ущерб государству на сумму более 36 000 руб. У преступников изъяли похищенные ценности

на сумму 17 500 руб. и в целях возмещения ущерба описали имущество на сумму 1225 руб.

С 9 по 20 апреля 1962 г. дело рассматривалось Читинским областным судом. В суде все обвиняемые полностью или частично признали себя виновными. Зубарев и Герасимов приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, остальных подсудимых — к длительным срокам лишения свободы. Приговор приведен в исполнение.

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА О НАРУШЕНИИ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ ТРУДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья 138 действующего УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность должностных лиц за умышленное, существенное нарушение законодательства о труде.

Методика расследования этих дел еще не сложилась, так как они пока редко возникают в следственной практике. Но представляется, что чем активнее и глубже органы прокуратуры будут в порядке общего надзора производить проверки исполнения трудового законодательства, тем чаще могут выявляться имеющие место его нарушения.

Особенно недопустимы факты нарушения трудового законодательства в отношении несовершеннолетних. К сожалению, еще имеются предприятия, где грубо попираются охраняемые законом трудовые права подростков. Во многих случаях неосведомленность несовершеннолетних о законодательстве, регулирующем их труд, и недостаточный контроль местных профсоюзных органов приводят к тому, что должностные лица длительное время безнаказанно нарушают законы об охране труда несовершеннолетних.

Именно так сложились обстоятельства в Куйбышевской оптовой базе по реализации возвратной тары. В результате проверки, произведенной прокуратурой Куйбышевского района, выяснилось, что в нарушение закона на базе постоянно работают подростки в возрасте от 10 до 15 лет.

По материалам этой проверки прокурор Куйбышевской области возбудил уголовное дело, расследование которого поручил мне.

Изучив имевшиеся в деле материалы, я разработал план расследования, в котором заметил конкретные действия по выяснению вопросов о выполнении руководством базы действующего законодательства об охране труда несовершеннолетних, и решил привлечь себе в помощь активиста-общественника т. Масесова. Он охотно, на общественных началах помогал работе отдела по делам несовершеннолетних областной прокуратуры. Выбор мною именно этой кандидатуры не был случаен. Тов. Масесов, член КПСС с 1917 года, хорошо знаком с хозяйственно-финансовой деятельностью предприятия и с трудовым законодательством. Я поручил ему проверить на тарной базе соблюдение требований постановления Совета Министров СССР от 26 мая 1956 г., регламентирующего порядок оплаты труда несовершеннолетних.

Одновременно с этим с помощью инспекции по технике безопасности и охране труда Куйбышевского облпрофсовета началась проверка выполнения требований ст. ст. 139 и 145 КЗоТ РСФСР, обязывающих руководителей предприятий заботиться о надлежащем оборудовании рабочих мест и содержании их в должном санитарно-гигиеническом состоянии.

Параллельно с указанной работой мы организовали внезапное посещение основных производственных объектов базы. Это мероприятие позволило выявить факты грубейшего нарушения требований Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1956 г. и от 13 декабря 1956 г., устанавливающих шестичасовой рабочий день для 15-летних подростков, которых администрация предприятий вправе принимать на работу только в порядке исключения и только с согласия профсоюза.

Осматривая рабочие места, мы сфотографировали за работой подростков в возрасте от 13 до 15 лет. Очень убедительными в этом отношении были снимки, на которых удалось запечатлеть условия работы подростков в летнее время: открытые площадки ничем не защищались ни от палящего солнца, ни от дождя, ребята работали без верстаков, просто на земле или на приподнятых ими же ящиках.

Там же на месте мы допросили подростков о том, как их принимали на работу. Они рассказали, что директор базы Персиянцев при приеме на работу требо-

вал только заявление, возрастом не интересовался, свидетельства о рождении не спрашивал, на врачебный осмотр не направлял. На заявлениях подростков Персиянцев писал резолюции, согласно которым по базе издавался приказ о зачислении на работу. Работали подростки сдельно, часто более шести часов в день. По нашей просьбе ребята называли адреса других подростков, ранее работавших на базе.

Вслед за рабочими местами мы осмотрели и изъяли книги приказов, журналы учета рабочих, направления комиссии по делам несовершеннолетних при Куйбышевском райисполкоме о трудоустройстве подростков.

Эти документы позволили нам установить, что в 1961 году Персиянцев без ведома профсоюза принял на тарную базу на постоянную работу 226 несовершеннолетних, в том числе 142 подростка в возрасте до 15 лет. В первом полугодии 1962 года Персиянцев принял еще 143 подростка, 108 из которых не достигли 15 лет.

В ходе расследования я допросил мастеров, нормировщика и самих подростков. Выяснилось, что ребята в 1961 и в 1962 году работали сдельно. Фактически они трудились полный рабочий день. Не выполнялось Персиянцевым и требование об обязательном врачебном освидетельствовании рабочих-подростков, предусмотренное декретом СНК РСФСР от 13 октября 1922 г. и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1955 г.

Акт, представленный инспектором облпрофсовета, свидетельствовал о том, что Персиянцев грубо нарушал ст. ст. 139 и 145 КЗоТ РСФСР. Саран, в которых и в зимнее время работали подростки, были опечатаны инспектором как не соответствующие элементарным санитарно-гигиеническим нормам и правилам. Отдел по технике безопасности и охране труда облпрофсовета направил в прокуратуру заключение, подтверждающее имевшие место нарушения законодательства, охраняющего труд подростков.

Наш активист-общественник Масесов тщательно проверил и изучил рабочие наряды несовершеннолетних и документы об оплате их труда. При этом вскрылись грубые нарушения постановления Совета Министров СССР от 26 мая 1956 г., регулирующего порядок оплаты труда подростков. В этих нарушениях были повинны

как директор базы Персиянцев, так и главный бухгалтер Шигалевский.

По материалам, собранным Масесовым, ревизионной группе областной конторы «Лесстройторга», которой подчинялась оптовая база, было поручено проверить все наряды, выписанные подростками, и правильность оплаты выполненных ими работ.

В результате выяснилось, что на базе, вопреки требованиям указанного выше постановления Совета Министров СССР, подросткам неправильно оплачивались так называемые льготные часы. Согласно постановлению труд подростков за сокращенный рабочий день должен оплачиваться как полный рабочий день взрослых рабочих. На базе же, с ведома Персиянцева и Шигалевского, сложилась порочная практика, в результате которой подросткам систематически недоплачивали заработную плату. По установившемуся порядку льготные часы оплачивались лишь подросткам, выполнявшим дневные нормы. Это уже само по себе являлось нарушением упомянутого постановления. Далее, такую ответственную работу, как нормирование труда подростков, Персиянцев возложил на сотрудника Михайлина, не имевшего для ее выполнения соответствующей квалификации. Тот же Михайлин занимался оформлением рабочих нарядов несовершеннолетних. Он определял дневные нормы неправильно, нередко их завышал. Многие подростки их не выполняли, а поэтому лишались льготной доплаты. Персиянцев, зная о недостаточной квалификации Михайлина, без какой-либо проверки утверждал к оплате наряды на работы, выполненные подростками.

Выяснилось, что главный бухгалтер Шигалевский, хорошо осведомленный о работе на базе подростков, принимая от Михайлина наряды, также не проверял их и передавал бухгалтеру расчетного стола Тихоновой. В результате преступно-халатного отношения Персиянцева и Шигалевского к исполнению своих обязанностей подросткам в 1961 году было недоплачено за льготные часы около 3000 руб., а за шесть месяцев 1962 года более 2000 руб.

На основании собранных данных Персиянцеву предъявили обвинение по ст. ст. 138 и 172 УК РСФСР, а Шигалевскому — по ст. 172 УК РСФСР.

Обвиняемые признали полностью свою вину. Перси-

янцев объяснил, что принимал детей на работу, хотя и знал, что поступает незаконно.

В ходе расследования выяснились причины, способствовавшие совершению данного преступления. В результате было установлено, что в Куйбышевской областной конторе «Лесстройторга», которой подчинялась Куйбышевская оптовая база, начальник планово-экономического отдела Зернова и бухгалтер-ревизор конторы Матросов не знали действующего законодательства об оплате труда подростков и поэтому не вскрывали имевших место нарушений. Тов. Масесов, также участвовавший в этой работе, выяснил, что профсоюзная организация не осуществляла контроль за исполнением законов об охране труда подростков. В местном комитете Куйбышевской оптовой базы вообще не было работника, ответственного за охрану труда и соблюдение правил техники безопасности. Примерно в таком же положении находился этот участок работы и в объединенном комитете профсоюза при областной конторе «Лесстройторга», с той лишь разницей, что этот комитет избрал комиссию по технике безопасности и охране труда в составе двух человек. Однако на допросе председатель этой комиссии Будаев объяснил, что он не знает, кто является вторым членом комиссии. Она ни разу не собиралась и никакой работы не проводила.

Знакомясь в ходе расследования с документами по оформлению приема на работу подростков на оптовую базу, я обнаружил, что некоторые из ребят были направлены сюда комиссией по делам несовершеннолетних при Куйбышевском райисполкоме. Дальнейшая проверка показала, что в результате безответственного отношения председателя комиссии Башкаргина работа по трудоустройству подростков была перепоручена лицам, не имеющим никакого отношения к комиссии и не знающим законодательства об охране труда несовершеннолетних. Вследствие этого было выписано 42 направления в адрес директора Куйбышевской оптовой базы о трудоустройстве подростков в возрасте от 10 до 15 лет. Выяснилось, что направления на базу выписывались механически, поскольку дирекция базы охотно принимала подростков, не интересуясь их возрастом.

Несмотря на большое количество проведенных следственных действий, расследование дела удалось закон-

чить в 15 дней. Персиянцев и Шигалевский были осуждены к исправительным работам.

По материалам данного дела прокуратура Куйбышевской области внесла представления в горком КПСС, горисполком, обком КПСС, обком ВЛКСМ и облпрофсовет. В качестве приложений к этим представлениям были приобщены фотоальбомы, иллюстрирующие условия труда подростков на Куйбышевской оптовой базе. Все наши представления рассмотрены и по ним приняты конкретные меры.

Мотив убийства — КРОВНАЯ МЕСТЬ

В селе Саакен Сухумского района строилась автомобильная дорога. Руководил строительством молодой инженер Владимир Гулбани. В день окончания строительства рабочие собрались на участке, чтобы отметить это событие. В полдень все сели за стол. Вдруг раздался выстрел. Сидевший за столом Владимир Гулбани, вскрикнув: «Я-то здесь при чем?», упал замертво. Обернувшиеся на выстрел увидели, что стрелявший мужчина быстро спустился с обрыва и скрылся. Догнать его не смогли. Двое рабочих узнали в убийце Ислама Чхетиани — жителя села Саакен, расположенного рядом со стройкой.

Вскоре на место происшествия прибыли работники милиции и следователь прокуратуры Шанава, который и принял дело к своему производству. При осмотре места происшествия обнаружили гильзу от пистолета «парабеллум». Труп Гулбани после наружного осмотра отправили в морг для вскрытия.

Недалеко расположенный дом Ислама Чхетиани оказался закрытым на замок. Узнавшие о случившемся соседи показали, что после выстрела Ислам домой не заходил. С Исламом жила мать, но за несколько дней до происшествия он отправил ее в другое село к брату.

В присутствии понятых вскрыли замок и открыли дверь. Дом обыскали, но ничего, имеющего отношение к делу, не обнаружили. Проведенные оперативно-розыскные мероприятия результатов не дали. Ислам скрылся, и в отношении его объявили розыск.

Следователь приступил к выяснению всех предшествовавших убийству обстоятельств и его мотивов.

Из показаний свидетелей — жителей села Генцвиши, откуда был родом убитый Владимир Гулбани, и свидетелей из села Саакен следовало, что Ислам и Владимир

давно знали друг друга, находились в товарищеских отношениях. Непосредственно перед убийством никакого столкновения между ними не было. Все произошло неожиданно.

Следователь решил проверить взаимоотношения между семьями Гулбани и Чхетиани, выяснить, не было ли между ними каких-либо ссор, которые могли по кое-где сохранившимся обычаям прошлого повлечь за собой кровную месть. Слова убитого «я-то здесь при чем» давали основание предполагать, что он знал о возможности кровной мести, хотя и не считал себя виноватым.

Свидетели показали, что несколько лет тому назад по инициативе председателя колхоза Шота Гулбани, брата убитого, из села Саакен был выслен как тунеядец Сепе Чхетиани, брат убийцы. Тогда Шота Гулбани на общем собрании колхозников резко критиковал Сепе Чхетиани, как тунеядца, не выработавшего ни одного трудодня, не желавшего работать в колхозе, и требовал его выселения. По решению общего собрания колхозников, утвержденному исполкомом, Сепе Чхетиани выслали.

После этого семья высланного, особенно его братья Коций и Ислам, стали считать председателя колхоза Шоту Гулбани своим врагом, затаив против него и его семьи злобу.

Спустя несколько лет во время полевых работ председатель колхоза Шота Гулбани вместе с агрономом колхоза приехал в село Саакен для организации посадки табака и инвентаризации скота. Они остановились недалеко от дома Ислама Чхетиани. Сюда же собрались руководители колхозных бригад. Вскоре к ним подошел Ислам Чхетиани, которому предложили пригнать на инвентаризацию весь рабочий скот.

Как только бригадиры отошли от председателя колхоза, Ислам Чхетиани выхватил из-под пиджака короткую металлическую палку и с силой нанес Шоту Гулбани удар по голове. Удар пришелся по фуражке, что смягчило его силу. Гулбани отскочил на несколько шагов в сторону и, защищаясь от следующих ударов, выстрелом из револьвера ранил в живот Чхетиани.

Оба были доставлены в больницу. Произошедшее усугубило и без того ненормальные взаимоотношения между семьями Чхетиани и Гулбани.

Против Чхетиани было возбуждено уголовное дело за нападение на Гулбани. В отношении же последнего дело не возбуждалось, поскольку он действовал в состоянии необходимой обороны. В связи с тем, что Ислам Чхетиани находился на излечении, дело в отношении его производством приостановили.

Несколько свидетелей показали, что Владимир Гулбани часто навещал Ислама в больнице, приносил ему лекарства. Он принимал все меры к примирению обеих семей. Между семьями Гулбани и Чхетиани начались переговоры о примирении. Односельчане Гулбани и Чхетиани также старались примирить враждующих.

Ислам Чхетиани в конце концов как будто бы согласился на примирение. Неоднократно назначались дни, когда обе враждующие семьи должны были поехать в другой район, где по «закону гор» Шота Гулбани должен был дать клятву, что он не повинен перед семьей Чхетиани и не питает никакого зла к Исламу. Как ни неприятна для Гулбани была эта процедура, он согласился ее провести. Однако Ислам Чхетиани и его родственники каждый раз срывали примирение, не являясь в назначаемые дни. Чувствовалось, что они не хотят примирения и будут продолжать мстить.

Вскоре после этого был убит Владимир Гулбани. Так, на основании собранных материалов следователь Шанава и автор статьи как прокурор, наблюдавший за следствием, а затем поддерживавший обвинение в суде, пришли к выводу, что убийство Владимира совершено на почве кровной мести.

Разыскать преступника нам не удавалось. Но затем он сам явился в органы следствия, сдав имевшийся у него пистолет.

Ислам не отрицал, что убил Владимира Гулбани, но мотивом убийства, по его словам, была не кровная месть. Ислам Чхетиани объяснил, что в день убийства он на попутной автомашине собирался ехать в больницу и садился в машину. Из-за болей в животе, которые он постоянно испытывал после полученного от Шота Гулбани ранения, он, Ислам, не мог влезть в кузов машины. Неожиданно он увидел стоящего за деревом Владимира Гулбани. Тот смеялся над ним и вынимал из кармана пистолет. Возмущенный этим и полагая, что

Владимир хочет убить его, Ислам выхватил пистолет и выстрелил.

Показания Чхетиани были явно неправдоподобны. При осмотре трупа Владимира Гулбани пистолета не нашли. Очевидцы происшедшего говорили, что Владимир Гулбани сидел вместе с другими рабочими за столом.

Суд согласился с выводами следствия о том, что в данном случае имело место убийство на почве кровной мести, и приговорил Чхетиани к расстрелу. Президиум Верховного Совета Грузинской ССР счел целесообразным заменить в порядке помилования расстрел лишением свободы.

Необходимо сказать и об ошибках, которые мы допустили при расследовании дела о покушении на Шота Гулбани. Поведение членов семьи Чхетиани, уклонявшихся от примирения, свидетельствовало, что они намерены осуществить кровную месть. Следовательно, работникам прокуратуры и милиции необходимо было проявить максимум оперативности при расследовании дела в отношении Ислама Чхетиани за нанесение удара Шота Гулбани. Это могло бы предотвратить убийство Владимира Гулбани.

Далее, на месте убийства была найдена стреляная гильза. Явившись с повинной, Чхетиани сдал пистолет. И тем не менее, для выяснения вопроса о том, является ли эта гильза частью патрона, выстреленного из данного пистолета, следовало назначить криминалистическую экспертизу.

Работникам прокуратуры нужно было также более активно воздействовать на исполком и сельский совет, чтобы совместными усилиями предотвратить кровную месть.

Дружинник помог раскрыть кражи вещей из посылок

В прокуратуру Пучежского района поступило заявление от гражданина Захарова, в котором он указывал, что в посылке, полученной им 15 декабря 1961 г. в Лужинковском почтовом отделении, не оказалось двух отрезков штапеля. При проверке этого сигнала выявились еще четыре случая, когда в почтовых посылках получатели обнаруживали недостатки. Эти посылки поступали в различные почтовые отделения Пучежской районной конторы связи. Об этом в свое время работники почтовых отделений связи составляли акты, по ним проводилось служебное расследование, однако никаких результатов это не давало.

Материалы проверки явились основанием для возбуждения уголовного дела, расследование которого поручили мне.

Я установил, что иногородние посылки доставлялись в районную контору связи на специальной автомашине. Затем посылки развозились по почтовым отделениям на автомашине типа грузового такси. Подробное ознакомление со всеми обстоятельствами, связанными с доставкой посылок, из которых исчезла часть вещей, показало, что во всех случаях сопровождающей почту была сотрудница районной конторы связи Морева. Это наводило на мысль, что Морева либо сама совершает хищения, либо участвует в преступлении, создавая определенные условия для совершения хищений другим лицам. Конкретных фактов, указывающих на причастность Моревой к совершенным хищениям, пока не было, и, очевидно, потребовалось бы значительное время для ее разоблачения. Помог случай.

6 января 1962 г. дружинник Лукичев добирался на попутной автомашине из г. Пучежа в свой колхоз. На десятом километре от города машина, на которой ехал Лукичев, сворачивала в сторону, и ему пришлось сойти. До дома оставалось еще 5 км. Лукичев дошел до развилки дорог и остановился у автобусной остановки, где в ожидании автобуса стояло несколько человек.

Появилась почтовая машина. Она ехала в нужном Лукичеву направлении. Среди ожидающих автобуса граждан шофер автомашины Широков заметил своего знакомого и остановил машину. Немного поговорив с ним, Широков двинулся дальше. Воспользовавшись остановкой автомашины, Лукичев, не спрашивая разрешения, вскочил сзади в кузов. Там он увидел женщину. Это была Морева. Она стояла спиной и не обратила внимания на появление в машине Лукичева. Вдруг он увидел, что Морева, продолжая стоять к нему спиной, отогнула с помощью отвертки угол фанерного ящика одной из посылок и через образовавшуюся щель стала вытаскивать оттуда какие-то вещи. Что именно она вытаскивала, Лукичев не разглядел. Он подошел сзади к Моревой, схватил ее за руки и спросил, зачем она вскрыла ящик. Вначале Морева растерялась и ничего не могла сказать. Однако, придя в себя, она сама перешла в наступление и потребовала, чтобы Лукичев немедленно покинул автомашину, и в случае неподчинения угрожала применить оружие. В кабину шофера они стали стучать одновременно. Широков остановил автомашину и вышел из кабины. Лукичев, не выходя из кузова, стал рассказывать Широкову, как он увидел Мореву, вскрывавшую посылки. При этом он показал отобранную у Моревой отвертку.

Морева, перебивая Лукичева, кричала, что тот якобы сам вскочил в машину на ходу и пытался совершить ограбление. Морева при этом заявила, что если Широков не прикажет Лукичеву сойти с машины, она будет вынуждена применить оружие.

Не разобравшись, в чем дело, Широков посадил Лукичева по его просьбе в кабину и поехал дальше к Затеихинскому почтовому отделению.

Когда они приехали, Лукичев рассказал о случившемся начальнику отделения. Последний немедленно сообщил обо всем в прокуратуру. Согласно полученному

оттуда указанию, машина вместе с Моревой и со всеми посылками вернулась в Пучеж, в прокуратуру. Начальник отделения сопровождал Мореву.

Я вместе с оперативными работниками милиции встретил автомашину и тотчас опросил Мореву. Она заявила, что Лукичев ее оговаривает. Однако произведенный осмотр посылок свидетельствовал о другом. На некоторых ящиках концы фанеры были прикрыты неплотно, на торцах имелись характерные следы отжимов.

Вслед за этим произвели личный обыск Моревой. В карманах ее одежды нашли и изъяли сухие дрожжи и конфеты сортов «Золотой улей», «Мичуринские» и «Юбилейные». При обыске почтовой автомашины за обшивкой бортов обнаружили несколько конфет тех же сортов, а также обрывки писем и целлофановый пакет.

Допрошенная Морева и после обыска продолжала отрицать хищение ценностей из посылок. Она утверждала, что конфеты и сухие дрожжи принадлежат лично ей, а каким образом такие же конфеты оказались в автомашине, она не знает.

В тот же день произвели обыск на квартире у Моревой. Предварительно мы еще раз ознакомились с составленными работниками почтовых отделений актами о недостатках вложений с тем, чтобы уточнить, какие именно вещи исчезли из посылок. Это помогло нам сравнительно быстро найти у Моревой среди других вещей пропавшие: зеленый шерстяной свитер, женскую кофту и другие вещи.

После этого Морева признала, что обнаруженные вещи украдены ею из посылок.

Необходимо было выяснить, не похищала ли Морева из посылок еще какие-нибудь вещи. Сама она на допросе это категорически отрицала.

Было принято решение обратиться за помощью в выявлении новых фактов краж к работникам почтовых отделений и, главным образом, к почтальонам, которые ежедневно общаются с жителями района. С этой целью во все почтовые отделения по телефону передали информацию о вскрытых кражах из посылок. Почтальонам предлагалось выяснить у жителей, не было ли других случаев недостатков вложений в посылках, о которых получатели не заявляли.

Проведенное мероприятие дало положительные результаты. Уже 8 января нам сообщили еще о 10 кражах. При допросах получателей посылок подробно выяснилось, какие именно вещи исчезли из их посылок. Затем у Моревой произвели повторный обыск и изъяли 9 м штапельного полотна, 6 м фланели, шерстяную кофту, рейтузы, головной платок и некоторые другие вещи, похищенные Моревой из посылок.

Следует отметить, что во время допросов некоторые получатели посылок передавали мне этикетки и товарные чеки. Часть из них оставалась в посылках, другие были присланы отправителями. Это значительно облегчило нам розыск похищенных вещей. Позже они предъявлялись для опознания отправителям посылок.

Все посылки, перевозку которых Морева сопровождала 6 января, были вскрыты в присутствии получателей. Выяснилось, что конфеты таких же сортов, которые были изъяты при личном обыске у Моревой, оказались в посылке Сизовой, а дрожжи — в посылке Котовщицкой.

Таким образом, благодаря инициативе и решительности дружинника Лукичева, а также активной помощи работников почтовых отделений было установлено, что Морева в период с 5 сентября 1961 г. по 6 января 1962 г. совершила 19 краж из почтовых посылок, присвоив ценностей на 139 р. 41 к.

Допрошенная в качестве обвиняемой Морева полностью признала свою вину и рассказала, что, сопровождая на автомашине посылки, она отверткой отжимала угол фанерной крышки ящика, доставала через образовавшуюся щель те или иные вещи, а затем вновь заколачивала ящики. Обвязывающая посылку веревка и печать оставались неповрежденными. Заметить Мореву в момент совершения краж никто не мог, так как она находилась в кузове автомашины одна.

По представлению прокуратуры дружинник Лукичев за помощь, оказанную при расследовании уголовного дела по обвинению Моревой, награжден почетной грамотой Пучежского РК КПСС и исполкома райсовета депутатов трудящихся. Кроме того, начальник районной конторы связи выдал Лукичеву денежную премию.

ОТ ОТДЕЛЬНОГО СИГНАЛА — К УСТАНОВЛЕНИЮ ХИЩЕНИЯ

Участковому уполномоченному Страшенского РОМ сообщили, что 10 февраля какие-то мужчины на автомашине привезли гр-ке Вальковой несколько бочек с вином. При проверке этого сигнала у Вальковой в сарае обнаружили четыре бочки вина. Валькова объяснила, что вино принадлежит неизвестной ей женщине, попросившей разрешения оставить его на временное хранение. Бочки с вином привезли на машине мужчины, которых она не знает.

На днищах бочек стояли надписи мелом: «Т-405», «Т-75», «Т-57», «Т-52». На стенках бочек раньше, по-видимому, имелись тоже какие-то надписи, выполненные масляной краской, но они были старательно соскоблены. Наличие этих надписей, невразумительные объяснения Вальковой позволили предположить, что бочки с вином похищены с государственного предприятия. Возбудили уголовное дело.

Расследование началось с изучения личности Вальковой и установления лиц, которые привезли к ней вино. Односельчане характеризовали Валькову отрицательно. Во всем и всегда она искала личную выгоду, нередко привозила из города дефицитные товары и спекулировала ими. Не исключалось, что и вино она приобрела для спекуляции.

Как показали соседи Вальковой, 3 февраля к ней несколько раз заходила односельчанка Гажа Мария Ивановна, муж которой, Филипп Иванович, работал заведующим магазином. Соседи Гажа, в свою очередь, видели, как 3 февраля к их дому тоже подъезжала автомашинка. Решено было проверить, а нет ли бочек с вином и в доме Гажа. Так оно и оказалось. В доме Гажа обнару-

¹ В период расследования данного дела т. Кушнир Л. А. работал следователем прокуратуры Страшенского р-на Молдавской ССР.

жили бочку с вином, на днище которой имелся написанный мелом трафарет «Т-88». Гажа показал, что найденную у него бочку с вином привез Мамалыга — продавец колхозного ларька, расположенного в поселке Быковец.

Мамалыга сообщил, что шесть бочек вина на автомашине привезла Гажа Мария Николаевна (жена брата Филиппа Гажи). Он купил себе одну бочку, а потом поехал на этой машине к Филиппу Гаже. Последний тоже купил одну бочку. Остальные бочки продали Вальковой.

М. Н. Гажа, избившая показаниями Мамалыги и Ф. И. Гажи в продаже вина, рассказала об источнике его приобретения. У нее на квартире проживал Ройтман — сторож перевалочной базы винодельческого совхоза «Шишканы». В начале февраля он привез шесть бочек вина и попросил его реализовать, обещая за это заплатить. Гажа выполнила его просьбу. Деньги, вырученные за вино, она передала Ройтману, который заплатил ей за «услугу» 30 руб.

Теперь предстояло установить, откуда же взял вино Ройтман. Похитил ли он его с перевалочной базы винодельческого совхоза или где-то в другом месте? Были ли у него соучастники? Кто перевозил вино?

После очной ставки с М. Н. Гажа Ройтман понял, что избивал в продаже вина, и стал давать показания. Он тоже лишь оказал «дружескую услугу» своему знакомому — экспедитору винодельческого совхоза «Шишканы» Горбунову, который попросил его продать шесть бочек вина. Откуда взял вино Горбунов, Ройтман якобы не знал.

Итак, цепочка потянулась дальше. На первом же допросе Горбунов показал, что по записке начальника отдела снабжения совхоза Фуксмана ему отпустил шесть бочек вина заведующий винным пунктом Фрунзе. Вино Горбунов получил в первых числах февраля, вывозил его на автомашине, шофером которой был Зайка. Фуксман поручил ему реализовать это вино.

В подтверждение своих показаний Горбунов предъявил записку, написанную Фуксманом: «Куркуль, посылаю Лению и Гулу¹. Дай то, о чем договорились с тобой,

¹ Как пояснил Горбунов, прозвище «Куркуль» дали Фрунзе из-за его чрезмерной полноты, Ленья — имя Горбунова, а Гула — имя шофера Зайки.

и грузы на завод сухое вино». В конце записки имелась неразборчивая подпись. Горбунов, а позже и Заика сообщили, что для вывоза вина Фрунзе дал им спецификацию за № 71, которую Заика сжег после реализации вина. Накладную и пропуск на вывоз вина не выписывали. Машину с территории винпункта охранник пропустил по указанию Фрунзе. Продать вино Горбунов попросил своего знакомого Ройтмана.

Вальковой, Гажа М. И., Мамалыге, Гаже Ф. И. предъявили в числе других лиц Заика. Все сразу узнали в нем шофера, привозившего им вино.

На допрос были вызваны Фрунзе и Фуксман. Они категорически отрицали показания Горбунова и Заики. Ничего не изменили и очные ставки. Фуксман признал, что писал записку Горбунову, но она, якобы, относилась совсем к другой операции.

Передо мной встала задача проверить, действительно ли эти шесть бочек вина были вывезены с винного пункта совхоза «Шишканы».

С этой целью бочки, обнаруженные у Вальковой и Гажи Ф. И., предъявили в числе других для опознания рабочим винного пункта, в обязанности которых входило писать трафареты на бочках. По словам свидетелей, трафареты «Т-88», «Т-75», «Т-57», «Т-405» и «Т-52» на бочках написаны ими. Кроме того, они опознали две бочки по имевшимся на них жестяной и резиновой латкам.

Поскольку на некоторых бочках были следы соскоба надписей, выполненных масляной краской, я назначил криминалистическую экспертизу, поручив эксперту установить содержание соскобленных надписей.

Эксперт смог восстановить надписи на двух бочках: «2 отд. № 33,266 п. 57» и «2 отд. № 35... 306... 52». Рабочие винного пункта показали, что они наносили на бочки и такие обозначения.

Таким образом, удалось установить, что все шесть бочек находились раньше во 2-ом отделении совхоза.

Произведенным химическим анализом подтвердилось, что вино, находящееся в бочках, обнаруженных у Вальковой и Гажи Ф. И., могло быть изготовлено в совхозе «Шишканы».

Однако Фрунзе и Фуксман продолжали отрицать свое участие в хищении. Ссылаясь на существующий порядок отпуска вина, они заявляли, что без накладной и

пропуска его невозможно вывезти с территории винного пункта.

И действительно, существующий порядок оформления отпуска вина, казалось, исключал возможность хищения. На каждую машину с вином выписывались накладные и пропуска. Пропуск и накладная являются бланками строгой отчетности и имеют типографский номер. Помимо этого, на отправляемое вино выписывается спецификация (бланки для ее заполнения не являются бланками строгой отчетности). Накладные, спецификации и пропуска на отгружаемое вино выписывала бухгалтер 2-го отделения совхоза Соколова. Кроме указанных документов, лаборатория совхоза выписывает на всю партию отправляемого в один адрес вина сертификат — качественное удостоверение.

При ознакомлении с документами, выписанными 3 февраля на отправку вина из отделения совхоза, было установлено, что в тот день этот порядок нарушили.

По графику дежурств установили и охранника, дежурившего 3 февраля. Как сообщил охранник, действительно был случай, когда по указанию заведующего винпунктом Фрунзе он пропустил одну автомашину без пропуска по предъявленной шофером спецификации, номер которой не запомнил. Фрунзе обещал впоследствии оформить пропуск на эту автомашину. Охранник затруднялся точно назвать дату, когда это было, но хорошо помнил, что за рулем автомашины находился шофер Заика, а рядом с ним сидел Горбунов.

3 февраля с винпункта 2-го отделения совхоза отгружалось вино Кишиневскому винному заводу № 2. На отправку вина были выписаны следующие документы: пять накладных об отпуске 29 бочек вина, пять пропусков на их вывоз на пяти автомашинах и пять спецификаций за № 66, 67, 68, 69, 70. На эту партию вина лаборатория выписала один сертификат на 29 бочек. Ознакомление с документами на винпункте показало, что в этот же день на отправку тому же винному заводу № 2 были выписаны еще одна накладная за № 020253 на шесть бочек вина, пропуск № 422378, спецификация № 71 и отдельный сертификат.

Два обстоятельства ставили под сомнение эти документы: между порядковым номером последней накладной и номерами остальных накладных, выписанных в

этот же день, был значительный разрыв. Накладные с померами, близкими к померу накладной на шесть бочек вина, начали выписывать только с 11 февраля. То же самое было и с пропуском. Далее, вызвало сомнение, почему на партию вина, отправляемую в один и тот же адрес, в нарушение существующего правила выписали два сертификата. Данные обстоятельства давали основание предполагать, что накладная № 020253, пропуск № 422378 и спецификация № 71 были выписаны не 3 февраля, а позднее, скорее всего когда оформлялись накладные за № 020250, 020251 и 020252, т. е. 11 февраля.

Все документы на отгружаемое вино оформлялись бухгалтером 2-го отделения совхоза Соколовой. Я спросил ее по поводу документов, выписанных на отправку вина 3 февраля.

Соколова вспомнила обстоятельства их оформления. Она пояснила, что 3 февраля подготовили к отправке шесть автомашин с вином. Но заведующий винным пунктом Фрунзе дал ей указание оформить документы только на пять автомашин. На одну автомашину, на которой находились шесть бочек вина, Фрунзе сам выписал спецификацию за № 71. Сославшись на необходимость немедленной отправки груза, он сказал, что остальные документы на эту партию вина можно оформить позднее.

11 февраля Фрунзе попросил ее, Соколову, оформить документы на автомашину с вином, вывезенным 3 февраля. Предполагая, что имеются в виду документы на вино, вывезенное 3 февраля на шестой автомашине, Соколова исполнила просьбу Фрунзе, не обратив особого внимания на повторность выписки спецификации за № 71.

Так, показания Соколовой и охранника изобличали Фуксмана и Фрунзе в вывозе 3 февраля шести бочек вина с винного пункта 2-го отделения совхоза «Шишканы» без документов.

По-видимому, 11 февраля Фуксман и Фрунзе узнали о вызове в милицию Вальковой и других покупателей похищенного вина, о проведенных у них обысках и, помня, что в документах отделения совхоза отсутствует спецификация № 71, уничтоженная после перевозки похищенного вина, решили тотчас ликвидировать эту улику. Поэтому на очередную партию вина, вывезенного 11 фе-

враля, они выписали задним числом (3 февраля) необходимые документы, в том числе и спецификацию № 71.

Изобличенный собранными документами Фрунзе признал себя виновным в совершении указанного хищения. Сделать это, по словам заведующего винным пунктом, его уговорил Фуксман. Для того чтобы в пути не задержали машину с шестью бочками похищенного вина, он выписал на это вино спецификацию; остальные документы не выписывались. Охраннику, он дал команду пропустить машину без документов. Когда вино продали, спецификацию уничтожили. Но через несколько дней Фуксман сказал, чтобы он, Фрунзе, срочно выписал еще одну спецификацию с тем же номером 71.

Несмотря на такие показания своего соучастника, Фуксман по-прежнему отрицал причастность к хищению, утверждая, что его оговорили.

Расследование рассматриваемого эпизода можно было считать законченным. Но был ли он единственным? Для выявления возможно имевших место других эпизодов преступной деятельности обвиняемых в ходе расследования выяснялся их образ жизни, проводились оперативные мероприятия, подробно допрашивались свидетели и обвиняемые.

Оценивая поведение обвиняемых в ходе расследования, я пришел к выводу, что скорее всего о других фактах хищений, если они имели место, может знать шофер Зайка.

Мои предположения оправдались. На мой вопрос об известных ему других фактах хищения вина шофер рассказал о преступной операции, имевшей место 7 февраля. Как показал Зайка, 7 февраля винному заводу № 2 с винпункта 2-го отделения совхоза «Шишканы» на его машине было отправлено шесть бочек вина, общим количеством 1793 л. Ему выдали спецификацию № 77, накладную и пропуск, номера которых он не запомнил.

Вино на заводе не приняли якобы из-за отсутствия мест для складирования. Тогда он, Зайка, поехал на расположенную в Кишиневе перевалочную базу совхоза, которой заведовал Фуксман. Последний уговорил его похитить и продать вино в селе Кертосы через своего знакомого, заведующего магазином № 15 Дубина. Зайка согласился, отвез вино в магазин № 15 и сдал его Дуби-

на, получив от заведующего 30 руб. Документы, выписанные в совхозе на эти шесть бочек вина, он передал Фуксману.

Так стало известно о новом факте хищения вина. Показания Заики нуждались в тщательной проверке.

Допрос Фуксмана ничего не дал. Он, как и в первом случае, категорически отрицал свою причастность к хищению. Устраивать очную ставку между Заикой и Фуксманом на данном этапе следствия я считал нецелесообразным.

Расследование нового эпизода проводилось в двух направлениях: а) выяснялось, имеется ли у заведующего магазином № 15 Дубина похищенное вино, и б) проверялось по документам движение шести бочек вина, отгруженных 7 февраля с винпункта по спецификации № 77 на винный завод.

При осмотре помещения магазина № 15 обнаружили 20 бочек с вином, 6 из них имели маркировку 2-го отделения совхоза; на них стояли номера с 45 по 50.

Согласно приходным документам, в магазин № 15 вино поступало только из Сынжарского винпункта Бульбоковского винзавода. Приглашенный представитель этого винпункта, осмотрев предъявленные ему 20 бочек вина, опознал среди них по маркировке лишь 14, как принадлежащие Сынжарскому винпункту. Рабочие винпункта 2-го отделения совхоза «Шишканы» по маркировке «2 отд.» и номерам, указанным на бочках, опознали остальные шесть бочек, как принадлежащие их совхозу.

Химический анализ вина из этих шести бочек показал, что данное вино могло быть изготовлено в совхозе «Шишканы».

Дубина после предъявления ему собранных доказательств и проведения очной ставки с Заикой признал себя виновным в покупке похищенного вина. С Фуксманом он был знаком еще с 1953 года. Когда в начале февраля он встретился с Фуксманом в Кишиневе, тот предложил ему, Дубина, при случае прислать в его магазин для продажи вино. Дубина согласился. И через несколько дней Заика действительно привез ему от Фуксмана вино.

Осмотр документов за 7 февраля во 2-м отделении совхоза и на винзаводе № 2 позволил установить, что партия в шесть бочек вина действительно не поступила на завод.

В отделении совхоза документы на отпуск этого вина были оформлены, казалось бы, правильно. В накладной № 020193 значилось, что винзаводу № 2 отпущено 1793 л вина. К накладной прилагалась спецификация № 77. На вывоз вина был выписан пропуск за № 422374, а в спецификации — указаны номера бочек с 45 по 50, т. е. те самые, которые обнаружили в магазине № 15. На заводе в книге присма груза также имелась запись весовщика о поступлении в винный цех № 1 именно этих бочек с вином с 45 по 50 номер. В акте количественной приемки вина, составленном начальником цеха № 1 Григорьевым, также значились поступившими по спецификации № 77 шесть бочек с вином в количестве 1793 л. Казалось бы, вино действительно поступило на завод. Но мы решили осмотреть и другие документы, где должна отражаться каждая такая операция.

Когда машина с вином прибывает на винзавод № 2, ее взвешивают на автомобильных весах. Вес автомашины, вина и тары записывают в книгу регистрации поступающих грузов. Здесь указывается и номер автомашины. При выходе машины с завода ее вновь взвешивают и в этой же книге еще раз указывается вес автомашины.

При осмотре книги регистрации оказалось, что ни 7 ни 8 февраля в ней не было записи о взвешивании автомашины № PH-89-47 (т. е. той, которой управлял Заика и на которой 7 февраля вывезли с винпункта 2-го отделения 1793 л вина).

Далее, от каждой партии поступившего на завод вина берется проба для микробиологического анализа, о чем в лаборатории завода делается запись в специальном журнале. Кроме того, в винном цехе, в свою очередь ведется журнал химических анализов. В нем указывается, от какой партии вина и из какого числа бочек брались пробы для анализов. Осмотрели и эти журналы. В цеховом журнале химических анализов мы обнаружили исправления количества бочек (из которых брались пробы) с 44 на 50. В лабораторном же журнале микробиологического анализа значилось, что пробы были взяты только из 44 бочек.

Как показал на допросе весовщик винного цеха № 1, запись в книге приема груза о поступлении 1793 л вина он сделал на основании накладной № 020193 и специфи-

кации № 77, которые ему передал Григорьев, сказав, что это вино он принял сам.

Изобличенный показаниями всовщика и результатами осмотра документов, Григорьев признал себя виновным в хищении 1793 л вина, совершенном совместно с Фуксманом.

В процессе расследования проводились документальные ревизии деятельности всех тех организаций, которые так или иначе были причастны к описанным преступлениям: винпункта 2-го отделения и перевалочной базы совхоза «Шншканы», винного цеха № 1 винзавода, магазина № 15, ларька, где работал Мамалыга.

Ревизии показали следующие результаты: недостача товарно-материальных ценностей, находящихся под отчетом у Фуксмана, составила 2252 руб., у Фрунзе — 57 001 руб., у Григорьева — 20 484 руб., у Дубина — 2332 руб., у Мамалыги — 640 руб.

В процессе дальнейшего расследования выяснились причины образования этих недостач. Помимо описанных выше фактов хищений, недостачи, как правило, были следствием беззастенчивого разбазаривания вина и других материальных ценностей.

Фуксман, Горбунов, Дубина, Григорьев и некоторые другие участники преступления были осуждены за хищение. Ройтман — за соучастие в этом преступлении.

Прокурор следственного отдела
прокуратуры Ровенской области
младший советник юстиции

А. Д. ТЕНЕНБАУМ

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В РАССЛЕДОВАНИИ ДЕТОУБИЙСТВ

Следователь Здолбуновского района юрист 3-го класса С. М. Гайдай на протяжении пяти месяцев 1962 года расследовал три уголовных дела о детоубийствах¹. В раскрытии этих преступлений ему большую помощь оказала общественность — население сел и деревень, в которые следователь выезжал в связи с расследованием.

Первое дело было возбуждено при следующих обстоятельствах. 28 января 1962 г. дежурному Здолбуновского районного отдела милиции сообщили по телефону о том, что в селе Здолбица в недостроенной части помещения кирпичного завода колхоза «Украина» обнаружены обильные пятна крови. Возникло подозрение, что в этом месте совершено преступление. В село Здолбица выехали работники милиции и судебно-медицинский эксперт.

Кирпичный завод находился на поле, в 150 м от жилых домов села. В январе 1962 года завод не работал и поэтому никем не охранялся. При осмотре недостроенного помещения завода работники милиции обнаружили испачканный кровью труп мертвой новорожденной девочки. В 4 м от места его обнаружения в противоположном углу помещения заметны были большие пятна крови, тут же было найдено детское место. По-видимому, здесь происходили роды, после которых новорожденная девочка была убита. Расследование этого дела поручили следователю Гайдаю.

Судебно-медицинское исследование трупа ребенка показало, что девочка родилась живой, доношенной,

¹ За раскрытие и умелое расследование этих преступлений следователь С. М. Гайдай поощрен прокурором области.

жизнеспособной. На ее лице имелись телесные повреждения. Смерть ребенка наступила от удушения сразу же после родов, примерно за 8—9 дней до обнаружения трупа.

Возникло предположение, что девочка была убита матерью, которая, желая скрыть появление ребенка, специально родила его в безлюдном месте. Скорее всего эта женщина жила в селе Здолбица, недалеко от здания завода. Однако казалось странным то, что труп ребенка не был спрятан.

В местных родильных домах следователь проверил списки состоящих там на учете беременных женщин. Эта работа результатов не дала.

Следователь и работавшие с ним сотрудники милиции, продолжая проводить розыскную работу, решили одновременно обратиться за помощью к населению района.

Уже на следующий день в районной газете было помещено сообщение т. Гайдая об убийстве новорожденной девочки в селе Здолбица. Тут же содержалась просьба к гражданам, которым что-либо известно о преступлении, сообщить об этом в районную прокуратуру или милицию.

На обращение откликнулись в тот же день. Вечером 29 января участковому уполномоченному милиции в селе Здолбица Макарелково сообщили, что преступление могла совершить жительница села, колхозница Денищук Галина Дорофеевна, 1927 года рождения.

Денищук вызвали на допрос. Она держалась очень замкнуто, отвечала односложно: беременной не была, ребенка не рожала.

Следователь направил Денищук на медицинское освидетельствование¹. Выяснилось, что она родила ребенка 8—10 дней тому назад.

Следующий допрос Денищук проводился в присутствии судебномедицинского эксперта, проводившего освидетельствование. Допрашиваемая призналась в том, что родила ребенка на территории недостроенного кирпичного завода и сразу же задушила его. Следователь предъя-

¹ В подобных случаях, согласно ст. ст. 75 и 193 УПК УССР, следует проводить не освидетельствование, а судебномедицинскую экспертизу с постановкой перед экспертом конкретных вопросов (прим. редакции).

вил Денищук обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 96 УК УССР.

Поведение Денищук как во время совершения преступления, так и в ходе расследования казалось странным. Убив ребенка, она не пыталась спрятать его труп, каких-либо мотивов для совершения этого преступления у нее, как показало расследование, не было. Следователь направил Денищук на стационарную судебнопсихиатрическую экспертизу.

Эксперты признали Денищук невменяемой, «страдающей олигофренией в степени глубокой дебильности». По определению суда, она была направлена в психо-неврологическую больницу для принудительного лечения.

После опубликования в газете сообщения следователя Гайдая в прокуратуру района поступило анонимное письмо, в котором говорилось, что жительница села Залесье Здолбуновского района Влащук Любовь Ивановна в начале 1962 года родила ребенка, но он куда-то исчез.

Следователь Гайдай начал проверку и этого сигнала. Вместе с судебномедицинским экспертом и работниками уголовного розыска он выехал в село Залесье. Как выяснилось на месте, Влащук имеет трехлетнюю дочь, живет у своей бабушки, работает в колхозе. Односельчане характеризовали ее как женщину легкомысленную, дурного поведения.

Проведенное 19 февраля медицинское освидетельствование показало, что Влащук родила ребенка за три-четыре недели до освидетельствования. На допросе Влащук рассказала, что действительно родила у себя дома мальчика, но он родился мертвым, и она похоронила его на сельском кладбище. Место захоронения из-за наличия большого слоя снега она показать не может.

10 марта в районный отдел милиции поступило новое сообщение. На берегу реки Устье около села Здолбица рабочий Сахнюк обнаружил труп девочки грудного возраста. После осмотра места происшествия труп девочки доставили в морг. На ней были надеты платье и распашонка. Волосы на голове ребенка были светлые. В морге труп сфотографировали. В связи с этим фактом возбудили уголовное дело, которое также принял к своему производству следователь Гайдай.

По заключению эксперта, смерть девочки наступила

от механической асфиксии в результате утопления в воде. Данные исследования позволили сделать вывод, что девочка прожила около двух месяцев.

Получив это заключение, следователь поручил работникам милиции выяснить, у кого в близлежащих селах исчез ребенок — девочка. Для проверки версии о том, что ребенка мог бросить в реку кто-либо из жителей соседних районов, в соответствующие районные отделы милиции направили запросы. Проверялась также и версия о том, что убитого ребенка родила Влашук.

Как следовало из показаний нескольких свидетелей по этому делу, ребенок Влашук после рождения жил больше месяца. Правда, этому противоречили показания допрошенной бабушки Влашук, которая хотя и говорила, что роды действительно были, но ребенка она якобы так и не видела. Кроме того, сама Влашук показала, что родила мальчика. Но не исключался и такой вариант: Влашук, зная об обнаружении на берегу реки трупа девочки, умышленно не говорила правды, стараясь уйти от ответственности за совершенное преступление.

В квартире Влашук произвели обыск с целью обнаружения ткани, из которой было сшито платье и распашонка, одетые на труп девочки. Найти такую ткань не удалось. Влашук снова предложила показать место на кладбище, где она похоронила мертвого ребенка. В присутствии понятых она показала это место. Произвели раскопки, однако трупа ребенка здесь не оказалось. Влашук объяснила, что, очевидно, забыла, где закопала ребенка. Тогда в присутствии Влашук осмотрели все кладбище. Ее внимание обратили на то, что на всей территории кладбища, за исключением огороженных могил, нигде не нарушен хорошо сохранившийся верхний слой почвы, поросший прошлогодней травой. Если бы она хоронила ребенка на этом кладбище зимой 1962 года, то в месте захоронения был бы нарушен верхний слой земли, поросший травой.

Неубедительность объяснений Влашук стала очевидной. На следующем допросе она рассказала, что через некоторое время после родов она положила ребенка в хозяйственную сумку, отнесла в село Лидово и там бросила в реку. Ей предложили показать это место в присутствии понятых. Влашук привела в село Лидово, к берегу реки Устье.

С этого места труп ребенка мог быть занесен течением реки в село Здолбицу, где его обнаружил Сахнюк.

Влашук допросили о том, в чем был одет ее ребенок и как он выглядел. По словам допрашиваемой, она заматывала его только в простыню, другой одежды на нем не было. Волосы на голове ее ребенка были черные. Эти показания снова опровергали версию о том, что найденная на берегу реки девочка — ребенок Влашук.

Наконец, Влашук заявила, что раньше говорила неправду. Она действительно родила 15 января 1962 г. живого мальчика. Роды проходили в недостроенной части дома ее бабушки. Не желая иметь этого ребенка, Влашук после родов два раза обмотала шею мальчика лентой и туго ее завязала. Потом, тут же, в недостроенной части дома, она закопала труп в землю. Влашук показала это место. Труп ребенка был найден и эксгумирован. На шее мальчика сохранилась туго перевязанная лента. Экспертиза пришла к заключению, что смерть ребенка наступила от механической асфиксии путем удушения петлей.

Влашук предъявили обвинение по ст. 96 УК УССР. Суд осудил ее к трем годам лишения свободы.

Оставалось нераскрытым убийство девочки, найденной 10 марта у реки Устье. Следователь Гайдай продолжал работу по раскрытию этого преступления. Он несколько раз выступил на собраниях колхозников, рассказывал о двух раскрытых детоубийствах и просил помочь найти еще одного преступника.

В апреле к нему поступило сообщение из соседнего Гошанского района о том, что жители села Посягва этого района Гульчук Леонид и Полишук Анна имеют дочь. Она родилась в начале 1962 года. Через некоторое время после рождения ребенка они уехали с дочерью из села, а вернулись без девочки. На расспросы людей о судьбе дочери Гульчук и Полишук отвечали, что их дочь умерла в дороге, когда они ездили в Коми АССР.

Сигнал необходимо было проверить. Вызванные на допрос Гульчук и Полишук показали, что они состоят в незарегистрированном браке, имеют сына в возрасте одного года. В начале 1962 года у них родилась дочка, которую называли Валентиной. Она часто болела. В феврале они с дочкой и сыном поехали в Коми АССР, где раньше работали по вербовке и еще не получили расчета. По до-

роге, в поезде недалеко от Ленинграда больная девочка умерла. Вместе с работником милиции и медсестрой они сошли на ближайшей станции и передали тело девочки в медицинское учреждение для похорон. Никаких документов о смерти ребенка им не дали.

Для проверки показаний допрашиваемых разослали телеграммы во все линейные отделы милиции Литовской, Латвийской и Октябрьской железных дорог. Вскоре начали поступать ответы. Показания Гульчука и Полищук не подтвердились.

После рассылки телеграмм следователь Гайдай выехал вместе с работниками уголовного розыска в село Посягва, где жили родители Полищук. Обыск в их доме не дал никаких результатов.

Об обстоятельствах выезда Леонида Гульчука и Анны Полищук из села Посягва допросили мать Полищук, Марию Антоновну. Она показала, что Гульчук и Анна уезжали в Коми АССР без Валентины. Анна перед отъездом сказала ей, что они оставили Валентину у родителей Леонида, к которым ездили в гости.

М. А. Полищук предъявили для опознания в числе другой детской одежды платье и распашонку с трупа девочки, обнаруженного 10 марта у реки Устье. Сильно взволнованная, М. А. Полищук, показав на платье, снятое с трупа девочки, сказала, что оно похоже на платье ее внучки Вали.

Путем допроса работников больницы и других свидетелей — соседей Гульчука и Анны Полищук — следователь установил, что их дочь развивалась нормально, не болела.

Полищук Анну и Гульчука свидетели характеризовали отрицательно. Они долгое время нигде не работали, часто пьянствовали. Гульчук ранее был судим за хулиганство.

Собранные данные были умело использованы во время очередного допроса Гульчука. Ему предъявили телеграммы линейных отделений милиции трех железных дорог, которые свидетельствовали о лживости его заявления о смерти и похоронах дочери под Ленинградом. Затем его ознакомили с результатами опознания М. А. Полищук одежды с найденного трупа ребенка и с показаниями свидетелей. Гульчук понял, что он изобличен, и рассказал, как была убита Валентина. В конце февраля

они с Анной, поехав в село к своим родственникам, взяли с собой сына и дочь. Из города Здолбуново в село они шли пешком по шоссе через село Лидово. Гульчук нес на руках сына, Анна — Валентину. В селе Лидово Гульчук и Анна решили бросить дочь в реку. В качестве мотива преступления Гульчук сослался на якобы очень плохое здоровье Валентины, которая, как он считал, все равно не выжила бы.

Гульчук и Анна Полищук были арестованы.

В присутствии понятых Гульчук опознал одежду Валентины среди других детских вещей. Анна Полищук тоже опознала платье и распашонку своей дочери. На допросе она дала такие же показания, как и Гульчук.

При предъявлении фотоснимка трупа девочки, обнаруженного на берегу реки Устье, Гульчук и Полищук опознали свою двухмесячную дочь Валентину. Гульчук и Полищук предложили показать место, где они бросили девочку в воду. Сначала Полищук, а через некоторое время и Гульчук показали одно и то же место, где они бросили в речку дочь.

О совершенном Гульчуком и Полищуком преступлении следователь доложил собранию общественности села Посягва. Присутствующие выделили общественного обвинителя и просили его требовать строгого осуждения преступников.

Леониду Гульчуку и Анне Полищук предъявили обвинение в совершении умышленного убийства, предусмотренного ст. 94 УК УССР.

В ходе дальнейшего расследования обвиняемые заявили, что якобы они бросили в реку мертвого ребенка. Но эти показания полностью опроверглись заключением судебно-медицинской экспертизы. Полнокровие внутренних органов трупа ребенка, разлитые кровоизлияния под плеврой, черный ил в дыхательных путях, наличие пены в просвете трахей — все это давало полное основание эксперту заключить, что смерть ребенка наступила от механической асфиксии в результате утопления в воде.

Дело по обвинению Полищук и Гульчук рассматривалось выездной сессией суда с участием общественного обвинителя. Суд приговорил подсудимых к 13 годам лишения свободы каждого.

Следователь прокуратуры
Канашского района
Чувашской АССР
юрист 1-го класса

С. П. ПАВЛОВ

Помощник прокурора
Канашского района
юрист 2-го класса

Ю. Н. БОРОВКОВ

ДЕРЗКИЕ РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ РАСКРЫТЫ

18 декабря вечером уборщица столовой № 4 Канашторга Кузьмина сообщила по телефону дежурному городского отдела милиции, что на ул. Ленина, напротив столовой лежит раненый мужчина. Туда немедленно выехал оперативный работник милиции, который отправил пострадавшего в больницу. На месте происшествия чего-либо имеющего значение для дела не обнаружили, так как шел сильный снег и следы замело. Вскоре установили, что потерпевший — сторож школы Александров. Допросить его не удалось, так как на следующий день он скончался в больнице.

Получив сведения о происшедшем, следователь (один из авторов статьи) возбудил уголовное дело и начал расследование¹. Судебно-медицинское исследование трупа показало, что смерть Александрова наступила в результате нанесения ему двух проникающих ранений в грудную полость.

Как рассказала на допросе Кузьмина, она после работы задержалась в столовой. Неожиданно с улицы раздался крик. Она вышла на улицу выяснить, в чем дело. Напротив крыльца лежал на снегу пожилой мужчина. Он стонал и просил о помощи. На вопрос Кузьминой: мужчина ответил, что его ударили ножом. Действительно, снег рядом с ним был пропитан кровью.

¹ За успешное расследование по данному делу т. Павлов С. П. отмечен приказом Прокурора РСФСР и награжден ценным подарком.

Кузьмина побежала в столовую позвонить по телефону. По пути ей встретилась группа молодых людей. Рассмотреть их она не успела.

Следователь допросил жену и дочь Александрова. Они сообщили, что, узнав о случившемся, тотчас поехали в больницу. Перед смертью Александров сказал им: на ул. Ленина его догнали два парня и неожиданно ударили ножом в спину. Когда он упал, парни обшарили его карманы. Кто это был, Александров не знал и никаких примет нападавших не заметил.

Можно было предположить, что убийство совершено с целью ограбления. Однако это казалось маловероятным, так как Александров был одет плохо и ценностей при себе не имел. Убийство могло быть совершено из мести, но лица, знавшие Александрова, характеризовали его как человека скромного, тихого. Последние три года он работал сторожем в школе, ни с кем не ссорился.

С учетом этих обстоятельств наиболее вероятным казалось предположение о том, что убийство совершено из хулиганских побуждений. Обращало на себя внимание и то, что нападение произошло на одной из самых оживленных улиц города, поблизости от кинотеатра «Мир» и отделения милиции.

20 декабря стало известно, что на Комсомольской улице в тот же вечер, когда ранили Александрова, в 100 м от места нападения на него неизвестные лица нанесли ножевые ранения гр-ну Лаптину. Потерпевший не разглядел нападавших и сообщить о них ничего не мог. Вслед за этим поступили сведения о разбойном нападении на гр-на Султанова, которое произошло в ночь на 19 декабря. Преступники настигли Султанова на ул. Пушкина, нанесли ему ножевые ранения в спину и отобрали ручные часы. Султанова доставили в тяжелом состоянии в больницу. На третий день его допросили, но он знал лишь то, что нападавшие были молодые ребята. Осмотр мест этих двух происшествий также не дал никаких результатов.

Возникло предположение, что перечисленные преступления совершены одной и той же группой лиц. Все нападения совершены в одном микрорайоне, характер действий во всех случаях был одинаков — преступники нападали сзади, ударяли потерпевшего ножом в спину, и когда тот уже не мог сопротивляться — грабили.

В ночь на 21 декабря патруль милиции на ул. Пушкина заметил компанию ребят подозрительного вида. Когда к ним приблизился работник милиции, один из парней вытащил из кармана пальто нож и замахнулся им, но работник милиции выбил нож из рук парня. Тот бросился бежать. Он не останавливался, несмотря на окрики и предупредительные выстрелы. Бросившиеся в погоню сотрудники милиции задержали его. Остальных догнать не удалось.

Доставленный в отделение милиции парень категорически отказался назвать свою фамилию, документов при нем никаких не было. Однако личность задержанного была все же установлена. Выяснилось, что он дважды судился за хранение без соответствующего разрешения холодного оружия, но к расследуемым преступлениям он был непричастен.

Поздно вечером 24 декабря следователю сообщили из милиции о новом происшествии. В районе Соцгорода неизвестные лица избили и ограбили гр-на Митрофанова. Следователь вместе с работниками милиции выехал на место происшествия. Хотя потерпевший не смог хорошо рассмотреть нападавших, но ему показалось, как он заявил, что среди них был его сосед по дому — Станислав Кисляков. Следователь дал задание работникам милиции сразу же произвести обыск на квартире Кислякова, а его самого задержать. При осмотре места происшествия обнаружили одежду и документы потерпевшего, очевидно, брошенные преступниками после нападения.

При обыске в квартире Кислякова нашли финский нож. Самого Кислякова доставили в городской отдел милиции. По дороге он сообщил, что вечер провел вместе с Равилем Ахтямовым. Сразу же установили адрес Ахтямова. Работникам милиции было поручено задержать его и произвести на квартире обыск.

Тем временем следователь начал допрос Кислякова. Ошеломленный столь быстрым задержанием, он признался в только что совершенном разбойном нападении и назвал своих соучастников — Равиля Ахтямова и Владимира Михайлова. Судя по показаниям Кислякова, он думал, что его узнал потерпевший.

Действия Кислякова и Ахтямова во время нападения на Митрофанова напоминали действия преступников

при нападении на Александрова, Султанова и Лаптина. Учитывалось и то обстоятельство, что при обыске у Кислякова был обнаружен финский нож.

Следователь стал подробно выяснять у Кислякова, как тот проводил время в последние дни. Разумеется, основная задача допроса состояла в том, чтобы выяснить, чем занимался Кисляков вечером 18 декабря, когда преступники совершили три разбойных нападения. Вместе с тем нельзя было сразу же дать понять Кислякову, что следствие интересуется именно этот день. 18 декабря было воскресенье, проходили выборы судей. Это позволило задавать допрашиваемому более детальные вопросы, касающиеся 18 декабря, не боясь насторожить Кислякова.

Допрашиваемый рассказал, что 18 декабря, в пять часов вечера он вместе с Ахтямовым смотрел в кинотеатре «Мир» фильм «Северная повесть». Затем они пошли в Соцгород, купили там две бутылки вина и выпили их в подвале дома, где живет Кисляков, а потом вернулись к кинотеатру «Мир». Хотели попасть на девятичасовой сеанс, но опоздали и пошли обратно домой.

Этот путь, протяженностью более 2 км в одном направлении, проходил по тем местам, где был убит Александров, тяжело ранен и ограблен Султанов, ранен Лаптин. Время также совпадало со временем нападения на перечисленных выше лиц. Обращало на себя внимание и то, что Кисляков и Ахтямов поздно вечером ходили в Соцгород и обратно пешком, хотя это расстояние они могли проехать на автобусе. Подозрения в причастности Кислякова и Ахтямова к убийству и грабежам усиливались.

Выждав удобный момент, следователь неожиданно для Кислякова спросил: «За что же вы избили мужчину на улице Пушкина?». Кисляков растерялся и машинально ответил: «По пьянке». После этого, быть может, случайно вырвавшегося признания он вынужден был дать подробные показания об ограблении неизвестного ему гражданина на ул. Пушкина. Выяснилось, что они оба били ножами в спину потерпевшего, а часы с его руки снимал Ахтямов. Записав показания Кислякова по этому эпизоду, следователь, как бы между прочим, сказал: «Все балуетесь, а старика-то обидели зря». Кисляков спросил, о ком идет речь. Следователь объяс-

нил, что имеет в виду нападение на пожилого мужчину возле столовой. Кисляков ответил: «Это не я ударил старика, а Равель. Когда старик упал, я только ощупал карманы его фуфайки; там ничего не было. Старик закричал, и мы побежали через переезд. На Комсомольской улице Равель ударил еще одного гражданина». Следователь предположил, что это был Лаптин.

Затем начался допрос Ахтямова. Он вел себя осторожно. Вначале Ахтямов вообще отказался отвечать на вопросы. Тогда в кабинет привели Кислякова, который по предложению следователя сообщил об обстоятельствах нападения на Митрофанова. Убедившись, что Кисляков дал показания по этому эпизоду, Ахтямов также признался в совершении данного преступления. Тогда следователь предложил Ахтямову самому рассказать об остальных случаях ограблений граждан. Ахтямов снова замолчал. Вновь ввели Кислякова, и он рассказал о нападении на Лаптина. После этого Ахтямов признался в этом преступлении. И опять, как только Кислякова увели, Ахтямов отказался рассказывать о других совершенных им преступлениях¹. Он явно придерживался тактики — признавать только то, что уже известно следствию. Задача же следователя состояла в получении полных показаний от Ахтямова о всех эпизодах их преступной деятельности. Наконец, когда Кисляков в присутствии Ахтямова рассказал и о нападении на Султанова, Ахтямов начал давать подробные показания.

Прежде всего Ахтямов согласился показать место, где он спрятал часы, снятые с руки Султанова. Во время проведенного в связи с этим обыска на квартире Ахтямова он извлек из устроенного им на чердаке тайника часы и передал их следователю. Впоследствии Султанов опознал эти часы, как принадлежащие ему. Ахтямову был предъявлен в числе других финский нож, изъятый при обыске на квартире у Кислякова. Допрашиваемый опознал его, заявив, что нож принадлежит ему и что он передал этот нож на временное хранение Кислякову. Свой нож Кисляков потерял.

¹ Следует отметить, что следователь Павлов фактически проводил в данном случае очные ставки между Кисляковым и Ахтямовым. Однако эти следственные действия он не оформил протоколами очных ставок, что является нарушением ст. ст. 102, 162 — 163 УПК РСФСР (прим. редакции).

Ахтямов рассказал также и о новых неизвестных еще следствию эпизодах их совместной с Кисляковым преступной деятельности. Так, вечером 7 ноября 1960 г. он вместе с Кисляковым около магазина «Гастроном» на ул. Карла Маркса заметил пьяного гражданина. Кисляков предложил его ограбить. Ахтямов согласился. Подойдя к пьяному сзади, Кисляков сильно ударил его по голове. Потерпевший упал. Воспользовавшись беспомощным состоянием пьяного, Кисляков срезал у него с руки часы, вытащил из кармана 8 руб. и снял с шеи кашне. Ахтямов стоял в это время в стороне, чтобы предупредить Кислякова в случае возникновения опасности.

20 ноября они напали на какого-то пьяного гражданина у дворца культуры. Избив потерпевшего, преступники свалили его на землю и сняли с руки часы марки «Победа».

Далее Ахтямов показал, что 4 декабря они с Кисляковым ограбили пьяного на Московской улице, срезав у него с руки часы и вытащив из кармана 39 руб. Ахтямов рассказал и еще о пяти разбойных нападениях на граждан, которые он совершил вместе с Кисляковым. Когда последний узнал от следователя об этих показаниях Ахтямова, он также подтвердил их.

Теперь перед следователем возникла новая трудность. Необходимо было отыскать объективные данные, подтверждающие сведения, сообщенные обвиняемыми. Дело в том, что Ахтямов и Кисляков рассказали на допросах о 12 случаях нападения на граждан, а следствие знало лишь четырех потерпевших. Предстояло разыскать остальных.

Оперативным работникам милиции поручили выявить граждан, подвергшихся нападению. В городской газете напечатали статью, кратко сообщавшую о совершенных Кисляковым и Ахтямовым преступлениях. В конце статьи содержалась просьба к населению оказать содействие прокуратуре в выявлении потерпевших, а также лиц, что-либо знающих об указанных разбойных нападениях. Благодаря этим мерам удалось установить нескольких потерпевших. Так, прочитав в газете статью, в прокуратуру явились граждане Каюров и Никитин. Выяснилось, что именно Каюрова Ахтямов и Кисляков ограбили 7 ноября у магазина «Гастроном». А 4 декабря на Московской улице было совершено нападение на Ни-

китина. Лишь по двум эпизодам потерпевших так и не удалось разыскать.

К сожалению, никто из лиц, подвергшихся нападению, не смог опознать обвиняемых, так как преступники во всех случаях нападали сзади и, кроме того, потерпевшие чаще всего были пьяными. Поэтому имевшиеся в распоряжении следствия показания обвиняемых и потерпевших нуждались в тщательной проверке с тем, чтобы полностью исключить возможность необоснованного обвинения. Для этого каждому обвиняемому было предложено в присутствии понятых показать места совершения преступлений. Потерпевшие также показали, где на них совершались нападения. Во всех случаях указанные обвиняемыми и потерпевшими места совершения преступлений совпадали. Это давало основание признать показания обвиняемых достоверными.

Судебная коллегия по уголовным делам Чувашской АССР, рассматривавшая дело, признала, что проверка показаний обвиняемых и потерпевших на месте дала важнейшие доказательства.

По делу провели также криминалистическую экспертизу. Эксперту направили одежду Александрова и Султанова, а также нож, принадлежащий Ахтямову. Нужно было установить, этим или другим ножом произведены порезы на одежде потерпевших. Эксперт, сравнив размеры ножа и порезов и определив углы наклонов ножа во время ударов, пришел к выводу, что порезы на одежде Александрова и Султанова могли быть произведены ножом Ахтямова или другим ножом с такой же шириной клинка.

Как уже было сказано, на первом допросе Кисляков показал, что в нападении на Митрофанова, кроме Ахтямова, принимал участие еще и Михайлов. Последний вскоре был задержан и почти сразу признался в совершении этого преступления. В процессе следствия было выяснено, что Михайлов участвовал еще в двух разбойных нападениях. Вина Михайлова и по этим эпизодам была установлена.

Приговором Судебной коллегии Верховного Суда Чувашской АССР обвиняемые осуждены к длительным срокам лишения свободы. Верховный Суд РСФСР оставил приговор без изменения.

Прокурор следственного отдела
прокуратуры Казахской ССР
советник юстиции

М. О. ПРУСЛИН

ГРУБАЯ ОШИБКА

В первом часу ночи 15 мая 1961 г. у выхода из клуба центральной усадьбы Бурминского совхоза убили шофера этого совхоза Малетина К. В.

Старший оперуполномоченный Жана-Аркинского РОМ Карагандинской области Абылкасымов возбудил уголовное дело. В первый же день с санкции исполняющего обязанности прокурора района Писаченко арестовали рабочих Бурминского совхоза Коняева и Соколова. Не осмотрев места происшествия и не выполнив других неотложных действий, оперуполномоченный Абылкасымов передал дело в прокуратуру для дальнейшего расследования.

28 мая дело принял к производству помощник прокурора Жана-Аркинского района Писаченко.

Вскоре Коняеву предъявили обвинение в том, что он из хулиганских побуждений нанес выходящему из клуба Малетину ножевое ранение в живот. Коняев ударил ножом Малетина в присутствии нескольких очевидцев, его тут же задержали с окровавленным ножом в руке. Обвинение его в убийстве Малетина никакого сомнения не вызывало.

Соколов обвинялся в том, что он, оставшись около упавшего на землю раненого Малетина, также из хулиганских побуждений нанес ему несколько ударов твердым тупым предметом по голове. Основанием для обвинения Соколова послужили показания сторожа совхоза Чаплинского, который издала видел, как Соколов бил по голове Малетина.

Из материалов дела следовало, что Малетина после нанесения ему ранения доставили в Бурминскую больницу. Согласно истории болезни, потерпевшему при поступлении в больницу поставили диагноз: «кровоизлияние в мозг, свежая резаная рана в нижней полости

живота, повреждение кишечника, брыжейки, кровеносных сосудов, кровоизлияние в брюшную полость и острая кровопотеря». Главный врач больницы Францко сделал Малетину операцию, но тот, не придя в сознание, скончался.

Несмотря на то, что Францко не являлся судебно-медицинским экспертом, помощник прокурора Писаченко поручил вскрытие и исследование трупа Малетина именно ему¹. В заключении Францко повторил свои выводы, записанные им в истории болезни, добавив к этому, что телесные повреждения в области головы Малетина нанесены твердым тупым предметом, от которых последовало кровоизлияние в мозг. Эти повреждения, безусловно, смертельны. Что касается нанесенного Малетину ножевого ранения в живот, то он мог с этим ранением самостоятельно передвигаться и даже бежать.

Выводы врача Францко нуждались в тщательной проверке, так как они противоречили показаниям Соколова и свидетелей Злоедова, Кошевого и Злоешко. Все они на допросах показали, что Малетин после нанесенного ему Коняевым ножевого ранения упал около клуба, потерял сознание и больше не поднимался. В таком состоянии они его доставили в больницу.

В показаниях свидетеля Чаплинского, уличавшего Соколова, также имелись существенные противоречия. На допросе в милиции Чаплинский показал, что он, охраняя контору центральной усадьбы совхоза, видел, как Малетин догнал троих молодых ребят и между ними завязалась драка. Малетин пытался убежать с места драки, но его догнал и ударил по голове парень в белой куртке. Малетин упал и больше не поднимался. Чаплинский опознал Соколова как того парня, который ударил Малетина.

На допросе же у помощника прокурора Писаченко Чаплинский показывал, что Соколов ударил по голове Малетина, когда тот лежал на земле. Позже, во время допроса прокурором-криминалистом Ширяевым, Чаплинский показал, что вначале он увидел вблизи клуба группу барахтающихся людей, затем услышал крик «порезали». Потом он увидел, как Соколов подошел к

лежащему на земле Малетину и, размахнувшись, ударил его рукой по правой стороне головы.

Соколов категорически отрицал показания Чаплинского. Как и другие рабочие совхоза, по словам Соколова, он был очевидцем ранения Малетина Коняевым. Видя, что Малетин после удара Коняева упал на землю и нуждается в срочной медицинской помощи, он, Соколов, вместе с подростками Злоедовым и Кошевым, понесли Малетина в больницу. По дороге Кошевой от них ушел. Нести Малетина вдвоем было тяжело. Тогда Соколов послал находившегося поблизости Злоешко за врачом, а сам вместе со Злоедовым остался возле раненого.

Эти показания Соколова свидетели Злоешко, Кошевой и Злоедов подтвердили. Между Соколовым и Малетиным неприязненных отношений не было. Установили, что Соколов первым проявил инициативу и понес Малетина в больницу. Все это ставило под сомнение противоречивые показания Чаплинского.

Дело принял к своему производству старший следователь прокуратуры Карагандинской области Калишев. Он ничего не сделал для проверки показаний Соколова, отклонил все его ходатайства. Опраничившись тремя допросами второстепенных свидетелей, он 29 августа 1961 г. предъявил Коняеву и Соколову обвинение в в умышленном убийстве Малетина и в тот же день составил обвинительное заключение. Заместитель прокурора Карагандинской области Грачков его утвердил.

Карагандинский областной суд под председательством члена областного суда Ющенко возвратил дело на доследование для составления схемы места происшествия (этот досадный пробел органов дознания не был выполнен ни помощником прокурора Писаченко, ни старшим следователем Калишевым). Суд предложил также приобщить к делу вещественное доказательство — изъятый у Коняева нож, истребовать историю болезни Малетина и назначить дополнительную судебно-медицинскую экспертизу для выяснения последовательности нанесения ударов Малетину и возможности для него самостоятельно передвигаться с полученной в живот раной.

12 октября дело принял к производству прокурор-криминалист прокуратуры Карагандинской области

¹ Следует отметить, что назначение в качестве судебно-медицинского эксперта врача, оперировавшего потерпевшего, является нежелательным (прим. редакции).

Шириев. Он не только не устранил ошибки, допущенные до него, а наоборот, их усугубил.

Производство дополнительной судебно-медицинской экспертизы Шириев вновь поручил все тому же врачу Францко, который, не производя эксгумации трупа, подтвердил ранее данное им заключение: смерть Малетина наступила в результате нанесения удара по голове; после ножевого ранения в живот Малетин мог самостоятельно передвигаться и даже бежать, характер повреждений в области головы свойствен отпечатку двух ударов свинцовой перчаткой. Ознакомление с новыми материалами дела показывало, что последний вывод эксперта удивительно точно согласовывался с показаниями свидетельницы Ениной, которая рассказала, что она, бывая на танцах в клубе, видела у Соколова свинцовую перчатку.

Прокурор-криминалист Шириев, поняв, наконец, что врач Францко не является специалистом в области судебной медицины, назначил новую судебно-медицинскую экспертизу, проведение которой поручил начальнику Карагандинского областного бюро Куриннову.

Эксперт Куриннов тоже не эксгумировал труп Малетина. Давая свое заключение, он основывался на истории болезни и данных исследования трупа, зафиксированных врачом Францко. Не удивительно поэтому, что он подтвердил выводы первой экспертизы. Согласно заключению Куриннова смерть Малетина наступила от ушиба (контузии) головного мозга в сочетании с очаговым кровоизлиянием травматического характера в вещество головного мозга и в его мягкие оболочки. Проникающее ранение живота с повреждением кишечника и брыжейки представляет собой тяжелую травму, которая «не могла быть безразличной в наступлении смерти Малетина».

Получив такое заключение судебно-медицинского эксперта, Шириев составил новое обвинительное заключение. Заместитель областного прокурора Грачков его утвердил и дело вновь направил в Карагандинский областной суд.

Карагандинский областной суд под председательством члена областного суда Гелеверя признал Коняева и Соколова виновными в умышленном убийстве Малетина

и приговорил их к расстрелу. Обвинение в суде поддерживал помощник прокурора Жана-Аркинского района Писаченко, который еще в начале расследования санкционировал арест Соколова. Он просил суд о применении к Соколову высшей меры наказания — расстрела.

Вынося обвинительный приговор в отношении Соколова, суд сослался на показания свидетеля Чаплинского и на заключение судебно-медицинских экспертов Францко и Куриннова. Других доказательств, указывающих на виновность Соколова, в деле не было.

По кассационной жалобе Соколова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР отменила приговор суда и возвратила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В определении указывалось на необходимость выяснения противоречий в показаниях свидетеля Чаплинского и проверки выводов судебно-медицинского эксперта о том, что ножевое ранение в живот только способствовало наступлению смерти Малетина.

Дело изучили в следственном отделе прокуратуры Казахской ССР. Назначили комиссионную судебно-медицинскую экспертизу и наконец-то эксгумировали труп Малетина.

Комиссия экспертов в составе Главного судебно-медицинского эксперта Министерства здравоохранения Казахской ССР проф. Сидорова и экспертов Молотова и Маркаряна пришла к выводу, что смерть Малетина наступила от ножевого проникающего ранения брюшной полости с повреждением сосудов брыжейки. На голове трупа Малетина эксперты обнаружили ссадины только в затылочной области. По своему характеру они относились к разряду легких и могли явиться результатом падения или удара о твердые тупые предметы. Заключение врача Францко и судебно-медицинского эксперта Куриннова о том, что непосредственной причиной смерти Малетина явилась черепно-мозговая травма, экспертная комиссия признала ошибочным.

Заключение комиссионной экспертизы дало основание прекратить дело по обвинению Соколова в убийстве Малетина. В соответствующем постановлении указывалось, что показания свидетеля Чаплинского противоречивы и неправдоподобны. Соколов состоял с Малети-

ным в нормальных взаимоотношениях. Он по своей инициативе принимал меры к его спасению, нес его в больницу и посылал подростка Злоешко за врачом, чтобы как можно быстрее оказали пострадавшему медицинскую помощь.

Карагандинский областной суд признал Коняева виновным в умышленном убийстве Малетина и осудил его к расстрелу. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР приговор оставлен в силе. Президиум Верховного Совета Казахской ССР в порядке помилования заменил расстрел 15 годами лишения свободы.

Итак, производство по делу об убийстве Малетина закончено. Убийца наказан. Но расследование длилось непросто долго, были допущены грубейшие ошибки, которые едва не привели к необоснованному осуждению Соколова. Хотя эти ошибки видны уже из сказанного выше, целесообразно еще раз проанализировать важнейшие из них.

Старший оперуполномоченный Жана-Аркинское РОМ Абылкасымов и помощник прокурора района Писаченко, начинавшие расследование дела, не произвели осмотра места происшествия, не составили ни его плана, ни схемы. Это затрудняло выяснение обстановки происшедшего события при дальнейшем ведении расследования.

Помощник прокурора района Писаченко, зная о том, что главный врач Бурминской больницы Францко не является специалистом в области судебной медицины, назначил его судебно-медицинским экспертом по делу. Это было одной из главных ошибок расследования.

Получив заключение Францко о причинах смерти Малетина, которое находилось в явном противоречии с показаниями очевидцев происшедшего: Злоедова, Кошевого и Злоешко,—помощник прокурора Писаченко слепо доверился заключению эксперта, игнорировал имевшиеся противоречия и продолжал собирать данные, подтверждающие только одну версию—об участии Соколова в убийстве Малетина. Он оставил без проверки путаные и противоречивые показания свидетеля Чаплинского о том, что Малетин после нанесенного ему ножового ранения поднялся с земли и побежал в сторону, но его догнал Соколов и нанес удар по

голове. Показания допрошенной работниками милиции свидетельницы Ениной, которая сказала, что однажды увидела у Соколова свинцовую перчатку, оказались наихудшей для такого расследования. Вскоре от назначенного по делу экспертом врача Францко было получено дополнительное заключение о том, что «характер повреждений в области головы Малетина свойствен отпечатку двух ударов свинцовой перчаткой».

Старший следователь прокуратуры Карагандинской области Калишев, а затем и прокурор-криминалист Ширяев, принявшие дело к своему производству после возвращения его областным судом на дополнительное расследование, не сумели разобраться в допущенных ошибках и нарушениях уголовно-процессуального кодекса. Проверка версии об участии Соколова в убийстве Малетина снова проводилась пристрастно. Показания свидетелей Злоедова, Кошевого, Злоешко и других об обстановке в момент убийства и о нормальных взаимоотношениях между Соколовым и Малетиным игнорировались; схема места происшествия, необходимая для проверки показаний свидетеля Чаплинского, не составлялась, труп Малетина эксгумирован не был.

Все это привело к тому, что необъективно расследованное дело вторично направили в суд и Соколова необоснованно приговорили к расстрелу.

Только новое расследование, проведение квалифицированной судебно-медицинской экспертизы, сопровождавшейся эксгумацией и исследованием трупа Малетина, объективная оценка всех имеющихся в деле доказательств позволили вынести по делу справедливый приговор.

Ошибки, допущенные при расследовании дела, обсуждались на оперативном совещании при прокуроре Карагандинской области. Было признано, что они явились результатом недостаточного опыта и знаний методов расследования убийств у работников прокуратуры, в производстве которых находилось данное дело, а также слабым прокурорским надзором за его расследованием.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ НЕУЧЕТНОЙ ПРОДУКЦИИ

Практика работы следователей прокуратуры Львовской области показывает, что наиболее крупные хищения социалистической собственности на предприятиях некоторых отраслей легкой промышленности совершаются путем изготовления и сбыта неучтенной продукции организованными группами преступников с участием должностных лиц. Трудность расследования подобных хищений заключается в том, что похищается имущество, не учитываемое ни при выработке изделий, ни при их реализации. Для успешного расследования таких преступлений каждому следователю нужно знать методы выявления хищений неучтенной продукции и изобличения расхитителей.

В настоящей статье я хочу рассказать об опыте расследования хищений неучтенной продукции следователями нашей области, остановиться на признаках, указывающих на такой способ хищений, на методах установления источников создания неучтенных излишков сырья, изготовления и сбыта неучтенной продукции¹.

К признакам, указывающим на совершение хищений неучтенной продукции, могут быть отнесены:

- 1) наличие излишков сырья, полуфабрикатов, готовой продукции в цехах и складах;
- 2) обнаружение неоприходованных по документам товаров в торгующих организациях;
- 3) транспортировка сырья или готовой продукции без соответствующих сопроводительных документов (накладных, счетов-фактур и т. д.) или в большем количестве, чем указано в них;

¹ Подробно о методике расследования хищений неучтенной продукции см. методическое пособие В. Г. Танасевича, З. Т. Барановой «Расследование хищений неучтенной продукции», М., 1961.

4) списание на единицу изделия сырья не в соответствии с фактическим расходом, а в большем количестве, часто по завышенным нормам;

5) нарушение технологического процесса, в результате которого за счет ухудшения качества продукции расходуется меньшее количество сырья;

6) нарушение порядка учета сырья, готовой продукции, выполнения рабочими производственных заданий;

7) приобретение должностными лицами предприятия сырья и оборудования за наличные деньги или за взятки.

Указанные признаки могут содержаться в оперативных материалах органов милиции, актах ревизий, проверок, проведенных прокурором в порядке общего надзора, в заявлениях граждан и т. д.

Так, например, при проведении внезапной инвентаризации в магазине № 9 райпищеторга Железнодорожного района г. Львова обнаружили 148 кг сметаны, на которую не оказалось документов. Возбудили уголовное дело.

В магазине № 9 молочные продукты доставлялись всегда из Сокальского маслозавода. Поэтому выдвинули предположение, что и эта партия сметаны доставлена с данного завода, где, по-видимому, изготавливаются неучтенные молочные продукты. В этом направлении и проводилось расследование.

В результате было установлено, что мастер цеха Платонов по договоренности с технологом Соломко и директором маслозавода Кукуруза при приемке молока, поступающего от колхоза, занижал его жирность. Из созданных таким путем излишков изготавливали неучтенную сметану, которую сбывали через торговые предприятия.

В другом случае основанием к возбуждению уголовного дела о хищении неучтенной продукции явились материалы ревизии магазина № 49 Ленинского райпищеторга, проведенной по требованию следственных органов. В отношении работников этого магазина имелись сигналы, что они реализуют «левые» товары.

Ревизоры обнаружили в магазине неоприходованные 48 кг конфет «ирис», 75 кг конфет «барбарис», 28,8 кг какао. Все эти конфеты и какао, судя по маркировке на таре, были изготовлены горпищекombинатом № 2. В то же

время магазин № 49 раньше не получал продукцию данного комбината. Выдвинули предположение, что в горпищекомбинате № 2 вырабатывается неучтенная продукция. Предположение подтвердилось. В ходе расследования выяснилось, что начальник карамельного цеха горпищекомбината № 2 Циленюк и начальник цеха по выработке приса изготавливали неучтенную продукцию и сбывали ее через работников магазина № 49 Сапельникову и Стельмах.

Как показывает следственная практика, по делам данной категории исследуются три группы обстоятельств, относящихся:

а) к установлению источника получения сырья для изготовления неучтенной продукции;

б) к исследованию обстоятельств изготовления неучтенной продукции;

в) к установлению сбыта неучтенной продукции.

Перед тем, как остановиться на методах, с помощью которых можно выяснить указанные обстоятельства, надо отметить, что следователю необходимо ознакомиться с деятельностью предприятия, на котором (как предполагается) изготавливается неучтенная продукция. Ему важно знать особенности производства, технологического процесса изготовления продукции, техническую и бухгалтерскую документацию, организацию снабжения предприятия сырьем и порядок сбыта продукции, расположение складов и цехов предприятия.

Знание всех этих данных поможет следователю правильно дать задание ревизорам, поставить нужные вопросы перед экспертами-бухгалтерами и технологами, определить круг снабженческих и торговых предприятий, с которыми могли быть связаны расхитители при выпуске неучтенной продукции, предположить, в каких звеньях предприятия находятся неучтенное сырье, полуфабрикаты и готовая продукция, знать, где следует изъять то или иное имущество или документы.

Если к началу расследования следователю известны и торгующие организации, сбывающие неучтенную продукцию, и предприятия, поставляющие неучтенное сырье, следует ознакомиться и с их деятельностью.

Приведенные выше вопросы можно выяснить при посещении другого аналогичного предприятия путем личного ознакомления с условиями деятельности про-

веряемого предприятия, изучения актов проводившихся на нем ревизий, стандартов и технических условий по выпуску продукции, интересующей следователя, и т. п.¹

Как показывает опыт расследования уголовных дел рассматриваемой категории следователями Львовской области, основными источниками сырья для изготовления неучтенной продукции являются:

1) приобретение на других предприятиях похищенного сырья;

2) создание неучтенных излишков сырья в процессе производства за счет списания сырья на производство по завышенным нормам расхода, недовложения сырья по сравнению с утвержденными нормами, вследствие чего выпускается нестандартная продукция, списания сырья на выработку продукции больших размеров, ростов и т. п., чем фактически изготавливается; неосновательного списания сырья в брак или отходы; использования для изготовления продукции малоценного сырья, отходов и списания в расход полноценного высококачественного сырья;

3) создание неучтенных излишков сырья на складе предприятия, например за счет занижения в приходных документах количественных и качественных показателей сырья при приеме его от поставщиков.

Каким же путем следователь может выявить наличие на предприятиях излишков сырья, предназначенного для изготовления неучтенной продукции?

Неучтенные излишки сырья, само сырье, поступившее без документов, могут быть обнаружены при проведении внезапной инвентаризации, обысков на складе и в цехах предприятия.

Осмотр упаковки сырья, его маркировки и сопоставление полученных таким путем сведений с данными приходных документов может помочь выявить неправильное оприходование сырья, поступившего от поставщика, например занижение его качества или количества. Факты неправильного оприходования сырья могут быть

¹ Ознакомление по возможности следует проводить так, чтобы о нем или во всяком случае о его цели не узнали заподозренные. Если следователь обращается в вышестоящую организацию, нужно помнить, что среди ее работников могут оказаться лица, заинтересованные в информации заподозренных о деятельности следователя.

установлены путем изучения документов на его поступление. Так, сопоставление данных о количестве и качестве сырья, отпущенного поставщиком и полученного предприятием, в различных документах (накладных, пропусках, карточках складского учета, путевых листах, журналах лабораторного анализа, актах приемки) позволяет в некоторых случаях обнаружить несоответствия, свидетельствующие о неполном оприходовании поступившего сырья.

Осмотр с участием специалистов сырья, поступившего без документов, его исследование экспертами дает возможность в ряде случаев определить предприятие, где оно могло быть приобретено. Исследование готовой продукции техническим экспертом, анализ документов на списание сырья в расход, как правило, позволяют выявить обстоятельства, связанные с созданием неучтенных излишков сырья (недовложение сырья, замену одних компонентов другими и т. д.). На основании данных технической экспертизы бухгалтер-эксперт может определить количество «сэкономленного» сырья и изготовленной из него продукции.

Например, при расследовании уголовного дела об изготовлении неучтенной продукции в цехе сшивного кровельного железа Красноградского райпромкомбината Львовской области следователь с участием специалиста осмотрел сырье (им служили отходы металла, поступившие с металлообрабатывающих предприятий) и готовую продукцию. При этом была определена толщина поступавшего металла и его категория. Полученные сведения следователь сопоставил с документами о поступлении отходов. Оказалось, что в приемных документах завышалась толщина листов металла, а категория поступивших отходов занижалась. Это приводило к уменьшению полезной площади листа и созданию неучтенных излишков металла, которые и использовались на изготовление неучтенной продукции.

Технический эксперт установил среднюю толщину использованного металла и определил количество продукции, которое могло быть изготовлено из поступившего сырья. Бухгалтер-эксперт сопоставил эти сведения с документальными данными о количестве выпущенной райпромкомбинатом продукции и определил, что было

изготовлено без отражения в документах 13 641 лист сшивного кровельного железа и 1000 шт. черепицы на сумму 16 050 руб.

Документы на отпуск поставщиком сырья и его поступление на предприятие следует проверять не только с точки зрения правильности заполнения реквизитов, наличия подчисток, исправлений, но и с точки зрения реального осуществления указанных в документах операций.

Путем сопоставления сведений, содержащихся в документах о поступлении сырья, с транспортными документами можно проверить, соответствуют ли указанные сведения действительности. С этой же целью нужно допросить лиц, оформлявших документы, а также и тех, кто так или иначе соприкасался с операцией, если она действительно имела место (шоферов, экспедиторов, работников охраны, грузчиков, кладовщиков, весовщиков на железной дороге и т. д.). В ходе допроса нужно выяснять фактические обстоятельства составления проверяемых документов, а также перевозки и приемки сырья.

Так, при расследовании упомянутого хищения в Красноградском райпромкомбинате следователь решил проанализировать документы на поступление отходов металла. Наличие большого количества актов о недогрузке отходов металла в вагонах, прибывших с металлообрабатывающих предприятий Горького, показалось следователю странным. Эти документы проверили по существу.

Оказалось, что по транспортным документам — путевым листам — на перевозку отходов металла с железной дороги на комбинат было отправлено 40 т отходов металла, а оприходовано только 23 т. На 17 т отходов был составлен акт о недогрузке. Поставщик согласился с этим актом, так как при отправке вагон не взвешивался в связи с порчей весов. Лица, от имени которых были подписаны акты о недогрузке, показали, что они не принимали участия в проверке фактического количества поступивших отходов металла, а подписи от их имени в предъявленных документах подделаны. Это подтвердила и графическая экспертиза.

Для исследования следующей группы обстоятельств, связанных с изготовлением неучтенной продукции, осо-

бенно важно знать производственный процесс, а также порядок оплаты труда рабочих предприятия.

Для проверки предположения об изготовлении на данном предприятии неучтенной продукции надо сопоставить сведения о количестве оприходованных изделий с данными документов, отражающих выполнение различных производственных операций.

Для расчетов с рабочими на каждом предприятии ведется учет исполненных операций или изготовленных изделий. Эти сведения отражаются в таких документах, как рабочие листы, операционные карточки, наряды. Так как преступники вынуждены оплачивать рабочим за все выполненные ими операции или изготовленные изделия, в упомянутых документах, как правило, отражены все операции, выполненные рабочими. Поэтому сопоставление содержащихся в этих документах данных о количестве производственных операций, изготовленных изделий с данными документов, в которых фиксируется количество оприходованной по складу готовой продукции, может способствовать установлению фактов сокрытия от учета некоторого количества готовой продукции.

Для этой работы целесообразно привлечь ревизора. Ему можно поручить проанализировать начисление заработной платы за выполнение тех или иных операций в сочетании с данными о количестве оприходованной по складу готовой продукции и продукции, признанной браком.

Для оплаты рабочим предприятия, изготавливавшим неучтенную продукцию, преступники нередко включают в их наряды выполнение разного рода вспомогательных работ (уборка территории, перенесение груза и т. д.). Тем самым в этих документах скрывается работа по изготовлению неучтенной продукции, и в то же время она оплачивается за счет средств предприятия. Выявить такие факты, проверить правильность составления нарядов (рабочих листов и т. д.) и начисления на основании их заработной платы можно путем допроса рабочих с предъявлением им соответствующих документов.

Иногда рабочие ведут черновые записи о количестве изготовленной ими продукции. Поэтому при допросах рабочих следует поинтересоваться, нет ли у них таких записей.

Так, по тому же делу об изготовлении неучтенного сшивного кровельного железа рабочие показали, что руководители цеха неполностью учитывали выполненную ими работу. Рабочие Байер и Мельничук ежедневно вели записи о количестве изготовленной ими продукции. Свои записи свидетели предъявили при допросах. Осмотр этих записей показал, что со 2 по 28 января ими было изготовлено 9578 листов сшивного кровельного железа, а по нарядам, выписанным на имя Байера и Мельничук, значилось лишь 7556 листов. Следовательно, 2022 листа от учета скрыли.

Иногда оплата рабочим за изготовление неучтенной продукции производится наличными деньгами из личных средств расхитителей. Для выяснения этого вопроса большое значение имеют также показания рабочих предприятия.

Для выработки неучтенной продукции необходимы вспомогательные материалы (например, при выпуске пошивочных изделий — нитки, пуговицы и т. д.). Нередко участники преступления не принимают мер для сокрытия расходов таких вспомогательных материалов. Имея это в виду, целесообразно проверить, соответствует ли количество изготовленных по документам единиц готовой продукции расходу подсобных материалов, перерасход которых может свидетельствовать о выработке на предприятии неучтенной продукции.

Готовую продукцию предприятия сортируют и маркируют в отделе технического контроля. Если у расхитителей нет связей с работниками ОТК, в документах, отражающих маркировку продукции, может быть отражено больше изделий, чем списано в брак и сдано на склад готовой продукции. Поэтому сопоставление всех этих данных является одним из методов выявления наличия на предприятии неучтенной продукции.

В некоторых случаях расхитители привлекают для выработки неучтенной продукции лиц, не состоящих в штате предприятия. Поэтому при допросе рабочих следует выяснять, не работали ли в цехе лица, не численные в штат. При обнаружении таких фактов нужно проверить, оприходована ли выработанная этими людьми продукция.

По упомянутому делу следователь при допросе рабочих выяснил, что в цехе работали Побережник, Илькив

и другие лица, не зачисленные в штат райпромкомбината. Осмотр документов по изготовлению готовой продукции показал, что наряды на работу им не выписывались, готовая продукция от них не принималась.

Как показали Побережник и Илькив, заработную плату им платил лично Марковский или Лебединский (организаторы хищения). Такие же показания дали и другие лица, не оформленные на работу в официальном порядке.

В процессе расследования, как правило, бывает необходимо проверить, можно ли в производственных условиях конкретного предприятия изготовить определенное количество готовых изделий. С этой целью необходимо исследовать мощность оборудования, выяснить, какое количество электроэнергии расходуется для работы механизмов предприятия, возможно ли силами рабочих изготовить помимо учтенной и неучтенную продукцию.

При расследовании хищений неучтенной продукции следователю надлежит установить каналы, по которым эта продукция реализовывалась.

Реализация неучтенных изделий может производиться через торгующие организации и частных лиц. Чаще всего преступники сбывают неучтенные изделия через торгующие организации, реализующие продукцию этого предприятия в официальном порядке. Иногда для сбыта неучтенной продукции используются фирменные магазины, открываемые промышленными предприятиями.

Поскольку продукцию предприятия в ряде случаев реализовывает сравнительно большое число торгующих организаций, среди них нужно определить те, через которые могли сбываться неучтенные изделия.

Выяснение взаимоотношений подозреваемых из числа работников производственного предприятия с представителями торгующих организаций, выявление отступлений от обычного порядка отпуска продукции (вне очереди, во внеурочное время, при отсутствии надлежаще оформленных документов, отпуск изделий непосредственно из цеха, минуя склады и т. п.) позволяют следователю выдвинуть предположение о каналах сбыта похищенного.

Для обнаружения фактов сбыта неучтенных изделий в определенном магазине могут быть рекомендованы:

осмотр и обыск торгового и подсобного помещений; осмотр и опечатывание документов, отражающих поступление товаров, их реализацию; осмотр с участием специалиста готовой продукции, поступившей с предприятия, интересующего следователя; организация внезапных инвентаризаций и ревизий. При осмотре и обыске торгового и подсобного помещений могут быть обнаружены: не отраженные в официальном учете документы или иные записи, свидетельствующие о связях между расхитителями; крупные суммы неоприходованных денег, неофициальные записи о количестве товаров, переданных для реализации продавцам; черновые записи о выручке продавцов. Все это может способствовать установлению фактов реализации через магазин неучтенной продукции. Например, при сравнении записей продавцов о своей выручке с официальными данными могут быть выявлены случаи неполной сдачи выручки магазина в банк.

При осмотре товаров, являющихся продукцией предприятия, интересующего следователя, нужно обращать внимание и на разного рода «второстепенные» обстоятельства.

Например, при расследовании дела о хищении неучтенных кондитерских изделий следователь при осмотре в магазине товаров по маркировке на плитках шоколада установил дату его выпуска — 13 марта. В то же время, согласно приходным документам, шоколад в последний раз поступил в магазин 13 февраля. Можно было сделать вывод о поступлении неоприходованной партии плиток шоколада, выпущенных предприятием 13 марта.

Обнаружение в магазине немаркированных товаров также может свидетельствовать о сбыте неучтенных изделий, которые на предприятии-изготовителе из-за отсутствия в ОТК соучастников в преступлении были выпущены, минуя этот отдел. При проведении ревизии в магазине ревизорам следует рекомендовать метод контрольного сличения фактических остатков товаров магазина с данными предыдущей инвентаризации, поступлением и документированным расходом этих товаров¹.

¹ Подробно об этом методе исследования см. пособие В. Г. Тапассевича «Ревизия и бухгалтерская экспертиза», М., 1958 (прил. редакции).

Так, при расследовании уголовного дела о реализации неучтенной продукции директором магазина книго-торга Долгачевым ревизоры применили указанный метод контрольного сличения. Это позволило выявить излишек в 40 тыс. художественных открыток.

При осмотре документов в магазине нужно обращать внимание и на такие, например, факты, как наличие возвращенной представителем торгующей организации доверенности, которая им якобы не была использована.

По делу о хищении неучтенной продукции, изготовляемой в Красноградском райпромкомбинате, свидетель Чучмин на допросе рассказал о завозе заведующим магазином № 1 Бродовского лесоторгового склада Кременецким одной автомашины сшивного кровельного железа и металлической черепицы. Это было в феврале. Чучмин показал, что он лично помогал сгружать с автомашины этот товар у магазина.

Однако при осмотре приходных документов магазина № 1 выяснилось, что на протяжении февраля в него не поступала продукция Красноградского райпромкомбината. В документах бухгалтерии лесоторгового склада следователь обнаружил ряд доверенностей, возвращенных Кременецким как неиспользованных. Среди них имелась доверенность № 32 от 8 февраля на получение из Красноградского райпромкомбината кровельной черепицы. Кременецкий после проведения очной ставки с Чучминым и Тальяновым — шофером автомашины, доставлявшим в феврале из Красноградского райпромкомбината кровельный материал в магазин № 1 (этого свидетеля следователь установил с помощью рабочих цеха РПК), признал реализацию неучтенного железа и металлической черепицы.

Кременецкий показал, что он и его соучастники в райпромкомбинате опасались, что его машину могут задержать в пути. Поэтому на похищенную неучтенную продукцию выписали все необходимые документы. Доверенность на имя Кременецкого пока была оставлена на комбинате.

Положительные результаты могут дать допросы лиц, перевозивших товары. Их следует допросить о количестве перевезенных товаров, месте, где такие товары получались и сгружались. Восполнить показания указанных свидетелей и проверить правильность сведений

и накладных о количестве перевезенных товаров можно путем проведения следственного эксперимента.

Так, при расследовании дела о хищении прокуратурой Бебруйского района следователь, проверяя, отправлялись ли из райпромкомбината в магазин г. Станислава неучтенные багеты, провел следственный эксперимент. По транспортным документам железной дороги, по которой партия багетов была доставлена в г. Станислав, следователь установил количество мест в партии поступивших багетов. В ходе эксперимента следователь поручил рабочим мебельного цеха райпромкомбината, обычно отправлявшим готовые изделия, в том числе и багеты, упаковать багеты в стандартную гару в то количество мест, которое значилось в транспортных документах.

Следственный эксперимент подтвердил, что в количестве мест, отправленных в магазин г. Станислава, умещалось багетов на 138 шт. больше, чем значилось в накладной.

В заключение надо отметить, что для успешного расследования хищений неучтенной продукции необходимо проведение большого комплекса следственных действий, многие из которых, особенно в начальной стадии следствия, необходимо произвести одновременно и внезависимо для расхитителей. Поэтому целесообразно для расследования дел данной категории организовывать группы следователей и привлекать к расследованию работников органов дознания.

Изложенные в статье некоторые методические рекомендации по расследованию хищений неучтенной продукции не исчерпывают всех возможностей следователя по собиранию доказательств по каждому конкретному делу. Инициатива, личный опыт следователя дают ему возможность провести и другие следственные действия, направленные на раскрытие такого рода преступлений.

МАГНИТОФОННАЯ ЛЕНТА — ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

В последнее время на страницах юридической печати все чаще появляются статьи, посвященные применению магнитофона в следственной работе. Основное внимание в них уделяется фиксации показаний обвиняемых и свидетелей с помощью магнитофона в стадии предварительного расследования. Между тем практике известны случаи использования в качестве доказательств магнитофонных записей, произведенных вне связи с расследованием, до возбуждения уголовного дела. Характерны в этом отношении два дела, рассмотренные народными судами Ленинграда. Первое из них было возбуждено прокуратурой Колпинского района 9 марта 1957 г. в связи с заявлением гр-ки З. о том, что накануне ее изнасиловал работник клуба Дубасов¹.

По поводу обстоятельств совершения преступления З. показала, что 8 марта она находилась в клубе на вечере рабочих и служащих Ижорского завода. Около 24 час., когда большинство участников вечера разошлись, работник клуба Дубасов пригласил З. в помещение фотолaborатории, где стал ее фотографировать. Предложив З. записать ее голос на пленку, Дубасов включил имевшийся в лаборатории магнитофон. Спустя некоторое время он стал домогаться близости с З., а встретив сопротивление, изнасиловал ее.

Дубасов подтвердил свое знакомство с З., но категорически отрицал изнасилование. Он утверждал, что З. вообще не была в фотолaborатории 8 марта.

¹ См. архив народного суда Колпинского р-на Ленинграда, дело № 1-113.

В этой связи важное значение приобретали результаты осмотра места происшествия. Во время осмотра были обнаружены обрывки платя З., заряженный фотоаппарат «Зоркий» с отснятой наполовину пленкой, а также магнитофон «Эльфа-6», включенный на «запись». Тут же, в ходе осмотра, следователь в присутствии понятых переключил магнитофон на «воспроизведение» и прослушал пленку, на которой оказался записанным разговор между Дубасовым и З.

Несмотря на то, что запись на магнитофонной пленке не только опровергала утверждения Дубасова о том, что З. не была в лаборатории, но и позволила судить о характере состоявшегося между ними разговора, следователь не осмотрел ленту. Результаты прослушивания записи не нашли процессуального отражения. Лишь в протоколе осмотра места происшествия указывалось об изъятии магнитофонной ленты и приобщении ее к делу. Однако в дальнейшем, очевидно, полагая, что Дубасов достаточно изобличается в совершенном преступлении иными доказательствами, следователь не приобщил кассету с магнитофонной лентой к делу в качестве вещественного доказательства и вернул ее в фотолaborаторию клуба. Не использовалась магнитофонная запись и при рассмотрении дела в суде, который признал Дубасова виновным в изнасиловании З.

В кассационной жалобе осужденный просил Ленинградский городской суд отменить приговор и вернуть дело на новое рассмотрение для прослушивания записи его разговора с потерпевшей, содержание которого, по мнению Дубасова, свидетельствовало о том, что З. вступила с ним в половую связь добровольно. К жалобе прилагалось заявление работника клуба Гришина, которому уже после вынесения приговора была возвращена упомянутая Дубасовым магнитофонная лента.

Отменив приговор по вновь открывшимся обстоятельствам, Ленинградский городской суд направил дело по обвинению Дубасова на новое рассмотрение со стадии судебного следствия. При вторичном рассмотрении дела магнитофонная запись была прослушана, признана вещественным доказательством и приобщена к делу определением суда. Содержание разговора, состоявшегося 8 марта между Дубасовым и З., в протоколе судебного заседания не приводится, но текст записи в

дальнейшем был составлен, приобщен к протоколу и удостоверен подписью судьи и народных заседателей.

Суд не согласился с утверждением Дубасова о том, что интимный характер его разговора с З. опровергал правильность ее заявления об изнасиловании, и в приговоре указал: «Тот факт, что во время нахождения в фотолаборатории З. вела с Дубасовым разговор в игривом тоне, не дает оснований считать, что она была согласна вступить с ним в половую связь». Более того, магнитофонная запись была оценена судом как одно из доказательств вины подсудимого, поскольку состоявшийся между ними разговор подтверждал показания З. о том, что Дубасов все время приставал к ней, а она просила оставить ее в покое. Дубасов вновь был признан виновным.

Таким образом, несмотря на ошибки, допущенные следователем, суд легко восстановил пробелы предварительного следствия и смог использовать и оценить важное вещественное доказательство.

По другому делу, об убийстве Бондаренко¹, магнитофонная пленка была использована в качестве доказательства еще в стадии предварительного следствия. 15 марта 1960 г. в коридоре коммунальной квартиры возникла ссора между соседями, во время которой Саруханов убил Бондаренко ударом стамески в область сердца.

Во время осмотра места происшествия мать Саруханова заявила следователю, что разговор, происходивший во время ссоры, записывался на магнитофон. В связи с этим две кассеты с лентой были изъяты и опечатаны вместе с магнитофоном.

Саруханов показал, что Бондаренко систематически устраивал скандалы и издевался над его матерью. Однако привлечению к ответственности Бондаренко препятствовало отсутствие при ссоре свидетелей. Сарухановы решили при очередном скандале включить магнитофон с тем, чтобы предъявить в суд магнитофонную запись.

15 марта, включив магнитофон, Саруханов вышел в коридор, чтобы, как он объяснил, «сказать Бондаренко

о его недостойном поведении». Возникла ссора, во время которой Бондаренко был убит. Саруханов утверждал, что Бондаренко душил его, поэтому, защищаясь, он нанес ему удар стамеской.

В присутствии понятых следователь воспроизвел текст на том же магнитофоне «Эльфа». Был составлен протокол осмотра пленки, в котором приводилось содержание записи. С учетом этого содержания следователь признал магнитофонную ленту вещественным доказательством и приобщил ее к делу. В обвинительном заключении указывалось, что вина Саруханова подтверждается, в частности, содержанием записи на магнитофонной ленте. Народный суд Ждановского района, куда поступило дело по обвинению Саруханова, вынес специальное определение «о прослушивании магнитофонной записи, являющейся вещественным доказательством». Ее текст полностью приведен в протоколе судебного заседания. С тем чтобы определить, кем из участников ссоры произнесены отдельные фразы, запись воспроизводилась свидетелям, каждый из которых дал по этому поводу показания. Таким образом, было произведено по существу опознание по голосу.

Содержание записи подробно проанализировано как в приговоре районного суда, признавшего Саруханова виновным в умышленном убийстве, так и в определении городского суда, которым приговор оставлен в силе. В приговоре указывается, что Саруханов, включив магнитофон на запись, умышленно затеял ссору, а его показания о нападении Бондаренко опровергаются содержанием этой записи.

Как по делу Дубасова, так и по делу Саруханова никем не оспаривалась подлинность записи. Не возникло споров и по поводу того, кем произнесен тот или иной текст.

¹ См. архив народного суда Ждановского р-на Ленинграда, дело № 1-36.

КАК СУДЕБНОМЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОМОГЛА РАЗРЕШИТЬ СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ, ИНТЕРЕСОВАВШИЕ СЛЕДСТВИЕ

27 мая 1961 г. в 10 час. вечера в 5—6 км от села Загорное Яковлевского района Приморского края возле озера Полукруглое Гринев, Казарцев и Малышенко поссорились между собой из-за сетей, которыми они ловили рыбу. Поссорившиеся произвели несколько выстрелов, одним из которых был убит Гринев. В этот момент Казарцев держал в руках охотничье ружье 32-го калибра, а Малышенко — винтовку с нарезным стволом. Первый стрелял из своего ружья самодельными свинцовыми пулями, второй — боевыми патронами.

В начале следствия Малышенко и Казарцев давали путанные показания. Позже Казарцев признал, что он стрелял по направлению к костру, где стоял Гринев, но не видел, чтобы тот упал именно после его выстрела. На месте происшествия каких-либо пыжей от охотничьего ружья не обнаружили. Малышенко тоже признал, что и он стрелял в Гринева. На расстоянии 26 м от трупа Гринева нашли гильзу от винтовочного патрона. Как показал свидетель Гринев М. П. — отец убитого, он слышал один выстрел, а свидетели Вакулин, Ильиных и Верицкий утверждали, что во время драки стреляли три раза.

Судебно-медицинское исследование трупа Гринева показало, что в мягких тканях лобной, теменной и затылочной области головы имеется обширная рваная рана, расположенная спереди назад и несколько косо слева направо. Кости свода и основания черепа раздроблены на множество обломков, часть костей свода черепа отсутствует. Вещество мозга разможено. Обширный участок кожи лба слева и левой скуловой области лица окрашен в синевато-черный цвет с множеством то-

чечных ранок. Других повреждений на теле убитого не было.

Необходимо было определить, из какого оружия убит Гринев — из охотничьего ружья или винтовки. На этот вопрос первый судебно-медицинский эксперт, к которому обратился следователь, ответить не смог. Не ответили на него и сотрудники Хабаровской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы. Была назначена повторная судебно-медицинская экспертиза. В числе других перед ней поставили следующие вопросы:

1. С какого расстояния произведен выстрел, причинивший ранение Гриневу.

2. Каков калибр оружия, которым нанесено данное огнестрельное ранение.

3. Из какого вида оружия произведен выстрел, причинивший ранение.

4. Могло ли данное повреждение быть причинено при выстреле из ружья 32-го калибра, принадлежащего Казарцеву.

5. Могло ли данное повреждение быть причинено при выстреле из ружья с нарезным стволом, принадлежащего Малышенко.

6. Имеется ли на левой височной кости черепа Гринева пояска металлизации и не однороден ли его химический состав составу пуль 32-го калибра, изъятых при обыске в доме у Казарцева, или винтовочных пуль, изъятых при обыске в доме Малышенко.

С целью уточнения обстоятельств, при которых был убит Гринев, судебно-медицинский эксперт и прокурор Арсеньевской межрайонной прокуратуры В. Д. Куликов совместно с Казарцевым и Малышенко выехали на место происшествия. Со слов Казарцева мы установили, что тот стоял от Гринева на расстоянии 3 м. Следовательно, дульный срез охотничьего ружья, которое было в руках Казарцева, находился на расстоянии 1 м 85 см от головы Гринева. Малышенко тоже показал место, откуда он стрелял в Гринева. Расстояние между ними было около 20 м.

Были произведены экспериментальные выстрелы из винтовки с нарезным стволом и из охотничьего ружья 32-го калибра. Выстрелы производились теми же зарядами, которыми стреляли Казарцев и Малышенко. В

качестве мишеней использовались четыре тыквы, примерно одинакового размера. Длина тыкв была в пределах от 20 до 25 см, а окружность равнялась 68-75 см. Вначале произвели выстрелы из охотничьего ружья, заряженного патроном со свинцовой пулей.

Первый выстрел был произведен с расстояния 185 см. При этом оказалось, что входное отверстие имело округлую форму с неровными краями, его размеры составили 11×9 см. Выходное отверстие, также округлой формы, имело размеры 7,7×7,7 см. Вокруг входного отверстия были обнаружены единичные мелкие поверхностные повреждения, являвшиеся следами действия порошинок. От входного отверстия отходило множество трещин, которые располагались радиально. Одна большая трещина проходила через тыкву по всей окружности от входного до выходного отверстия и делила ее на две равные половины. По ходу огнестрельного канала содержимое тыквы было разможено и покрыто копотью.

Второй выстрел произвели в другую тыкву с расстояния 50 см из ружья того же калибра. Пуля раздробила тыкву на множество обломков различной формы и величины. При их осмотре оказалось, что в окружности входного отверстия на участке 10×10 см поверхность покрыта копотью. Здесь же имелось множество мелких поверхностных повреждений, причиненных порошинками.

Третий выстрел произвели из винтовки, заряженной боевым винтовочным патроном, с расстояния 185 см. В отличие от размера входного отверстия после первого экспериментального выстрела размер входного отверстия был всего 3×2 см. Отверстие имело округлую форму и неровные края. От него в радиальном направлении отходило множество небольших трещин. Выходное отверстие было также округлой формы размерами 12×10,5 см. Вокруг входного отверстия имелось несколько мелких поверхностных повреждений, причиненных порошинками.

Четвертый выстрел был произведен из этой же винтовки с расстояния 50 см. Входное отверстие размерами 3,5×3,5 см было округлой формы, с неровными краями. От отверстия радиально отходило множество трещин. На участке 18×16 см вокруг входного отверстия имелось множество мелких поверхностных поврежде-

ний — следы действия порошинок. Выходное отверстие, также округлой формы, имело размеры 12×11 см. Содержимое тыквы по ходу огнестрельного канала было разможено и покрыто копотью.

В ходе сравнительного исследования тщательно осмотрели обломок кости свода черепа Гринева, размером 7,5×4,5 см. В одном участке на краю обломка имелась полукруглая линия длиной 1,5 см. На наружной поверхности кости черепа линия на этом участке была ровная. На внутренней поверхности кость была отбита в радиусе 0,6 см. На наружной поверхности имелись небольшие пятнышки черного цвета. Указанные признаки позволили предположить, что это место является частью входного отверстия. При рентгенологическом исследовании этого обломка кости свода черепа следов кольца металлизации обнаружено не было.

В результате анализа повреждений, которые оказались в тыквах, и сопоставления их с повреждениями в голове погибшего удалось установить, что огнестрельная рана головы была причинена Гринева выстрелом из гладкоствольного оружия с близкого расстояния в пределах действия дополнительных факторов выстрела. Совместный выезд прокурора Куликова с судебно-медицинским экспертом на место происшествия с обоими подозреваемыми способствовал успешному проведению экспертизы.

Исходя из выводов судебно-медицинской экспертизы, расследование пришло к заключению, что убийство Гринева совершил Казарцев. Суд вынес по делу обвинительный приговор.

Весьма сложной и ответственной является судебно-медицинская экспертиза эксгумированного трупа. При проведении такой экспертизы особенно большое значение приобретает тесное сотрудничество следователя и судебно-медицинского эксперта.

4 сентября 1961 г. в морг бюро судебно-медицинской экспертизы был доставлен труп Леонида Балыкина 20 лет, который умер в больнице. Из истории его болезни следовало, что Балыкин поступил в хирургическое отделение больницы 1 сентября 1961 г. Он жаловался на сильную головную боль и отсутствие подвижности в

левой руке. Все это появилось после полученного им 29 августа удара по лицу. Состояние Балыкина ухудшалось и в 3 часа ночи 3 сентября он умер. В больнице поставили следующий диагноз: «Опухоль правой теменной доли с кровоизлиянием в вещество головного мозга. Отек мозга. Отек легких».

5 сентября произвели судебно-медицинское исследование трупа Балыкина. При этом было обнаружено кровоизлияние в затылочной области мягких тканей головы и трещина затылочной кости в задней черепной ямке. В заключении говорилось, что смерть Балыкина наступила от механической травмы головы. Трещина затылочной кости могла быть причинена как при ударе по голове твердым тупым предметом, так и при ударе головой о твердый предмет при падении.

Следователь прокуратуры Первореченского района Владивостока, в производстве которого находилось это дело, пришел к выводу, что Балыкин получил повреждение при падении. Это в какой-то степени подтверждалось материалами дела, в которых имелись данные, что Балыкин 29 августа, находясь дома, действительно упал.

Спустя два месяца после смерти Балыкина возникли сомнения в правильности вывода следователя. Расследование дела поручили следователю прокуратуры Первореченского района Тетерину. Как было установлено, вечером 29 августа между Балыкиным и его знакомым Путивцом произошла ссора, во время которой последний ударил Балыкина в нижнюю челюсть. По словам Путивца, он нанес удар кулаком. После этого Балыкин пришел домой, лег в постель и стал жаловаться на головную боль. Вызванный на дом врач направил Балыкина в больницу, где 3 сентября тот умер.

Следователь назначил повторную судебно-медицинскую экспертизу, на разрешение которой поставил следующие вопросы:

1. Сколько повреждений обнаружено на трупе Балыкина и каков механизм причинения этих телесных повреждений.

2. Имеются ли на трупе Балыкина следы, указывающие на удар в нижнюю челюсть.

3. Имеется ли причинная связь между ударом кулаком в нижнюю челюсть Балыкина и его смертью.

Труп Балыкина эксгумировали. Следователь Тетерин присутствовал при вскрытии трупа. Это, безусловно, помогло ему, наблюдавшему за ходом исследования, правильно оценить заключение эксперта и определить направление дальнейшего расследования.

Вскрытие и исследование эксгумированного трупа показало, что у Балыкина имелся перелом нижней челюсти справа, на уровне 8 зуба, и перелом основания черепа в области вершины пирамидки правой височной кости.

Важным новым обстоятельством, установленным при повторном вскрытии трупа Балыкина, явилось наличие в мягких тканях поясничной области трупа обширного кровоизлияния размерами 25×22 см.

Переломы нижней части челюсти и вершины пирамидки височной кости свидетельствовали о том, что Балыкину был нанесен по лицу очень сильный удар. Кровоизлияние в мягкие ткани поясничной области произошло от нанесенных ударов. Расположение повреждений указывало, что они причинены в то время, когда Балыкин лежал.

Данные вскрытия эксгумированного трупа Балыкина позволили судебно-медицинскому эксперту дать заключение о том, что между ударом в нижнюю челюсть и смертью Балыкина имеется прямая причинная связь.

Вскоре расследование было закончено и дело передано в суд. Путивец был осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

Эксперт ХНИИСЭ

Р. В. ДОРОФЕЕВ

Старший оперуполномоченный

З. И. ДРУЯН

Преподаватель Харьковского
юридического института
доцент

М. В. САЛТЕВСКИЙ

РОЗЫСК ПРЕСТУПНИКА ПО ПОРТРЕТУ, НАРИСОВАННОМУ СО СЛОВ ПОТЕРПЕВШИХ

Работникам милиции Харькова удалось разыскать преступника по портрету, нарисованному художником по показаниям потерпевших и очевидцев. Этот случай является достаточно редким.

Летом 1960 года в прокуратуры и районные отделы милиции Харькова стали поступать заявления о том, что какой-то мужчина вечерами в безлюдных местах встречает женщин и, угрожая ножом, принуждает их к вступлению в половую связь в извращенной форме. Однотипность действий насильника давала основания предполагать, что это один и тот же человек.

Первые попытки разыскать его не увенчались успехом. Сведения о внешности преступника носили несколько противоречивый характер. Вероятно, отдельные противоречия объяснялись особенностями субъективного восприятия примет преступника потерпевшими. Так, по словам невысокой девушки, преступник был высокого роста. Другой, более высокой женщине он показался среднего роста. Преступник рассказал ей, что его зовут Станиславом, что он очень ревнив и сидел в тюрьме.

Произошло еще несколько нападений на женщин. Каждая из потерпевших сообщала какие-то дополнительные сведения о внешности преступника. Так, стало известно, что он имеет темные длинные волосы, зачесанные направо, густые брови и широкий нос. По словам одной из потерпевших, у преступника «очень открытые

ноздри». Другая заметила, что у него большая («толстая») нижняя губа. Были отобраны наиболее характерные показания потерпевших о внешности преступника и составлен словесный портрет. Однако и теперь предпринятые меры для его розыска результатов не дали.

Слева — портрет, нарисованный художником;
Справа — фотография Бабича

Тогда решили нарисовать портрет преступника по имеющимся признакам словесного портрета и использовать этот портрет для розыска. Пригласили художника, сообщили ему все известные признаки внешности преступника и попросили по ним нарисовать портрет. Однако рисунок получился неудачным.

Большинство потерпевших и свидетелей, непосредственно видевших преступника, могут опознать его. Но, когда им предлагают описать словами признаки внешности виденного ими человека, они затрудняются сделать это. Если описываемое лицо не имеет каких-либо «броских» примет (бородавок, рубцов, родимых пятен и т.п.), свидетели обычно называют лишь два-три самых общих признака. Все это говорит о том, что даже если в памяти человека запечатлевается большое количество

во признаков, воспроизвести их полностью он часто не может.

Чтобы портрет более правильно отобразил черты внешности разыскиваемого преступника, были приглашены все потерпевшие, которые по очереди рассказывали о замеченных ими приметах лица преступника. В это время художник делал наброски. Каждая из потерпевших подходила, осматривала рисунок и делала свои замечания. В результате такой корректировки рисунок уточнялся, в портрет вносилось все больше и больше характерных деталей. Когда он был готов, все потерпевшие признали, что преступник на нем изображен очень похожим (см. рис.).

Рабстники милиции, снабженные этим портретом, разыскали и задержали гр-на Бабича. Потерпевшие опознали в нем нападавшего на них мужчину. Правда, прическа Бабича была несколько иной, чем описывали ее потерпевшие. Но и это различие получило свое объяснение. Выяснилось, что два месяца назад Бабич был осужден на 15 суток за мелкое хулиганство. Остриженные у него тогда волосы еще не успели отрасти и были по-другому причесаны.

Так по портретному рисунку, изготовленному художником со слов потерпевших, был разыскан и задержан преступник.

Описанный случай является примером применения своеобразной методики, открывающей новые возможности для розыска преступников по портретам, нарисованным со слов потерпевших и свидетелей-очевидцев.

В КАБИНЕТАХ КРИМИНАЛИСТИКИ

*Прокурор-криминалист
прокуратуры Кировоградской области
младший советник юстиции*

Я. Г. ЦЫПАРСКИЙ

ЭЛЕКТРОМАГНИТ ДЛЯ ПОИСКОВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ

При расследовании уголовных дел зачастую возникает необходимость искать в реках, прудах, колодцах и т. д. металлические предметы, которые служили орудием совершения преступлений или сохранили на себе следы преступления. Обычно для этого применяют магниты.

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте криминалистики Прокуратуры СССР было разработано специальное приспособление — магнитный искатель¹. Действие искателя основано на притяжении предметов, изготовленных из ферро-магнитных материалов (железо, сталь, чугун), к постоянному магниту. Магниты в приспособлении, предложенном ВНИИ криминалистики, изготавливаются из особых магнитных сплавов «альнико» или «магнико». Такие магниты, несмотря на их небольшие размеры, обладают значительной силой.

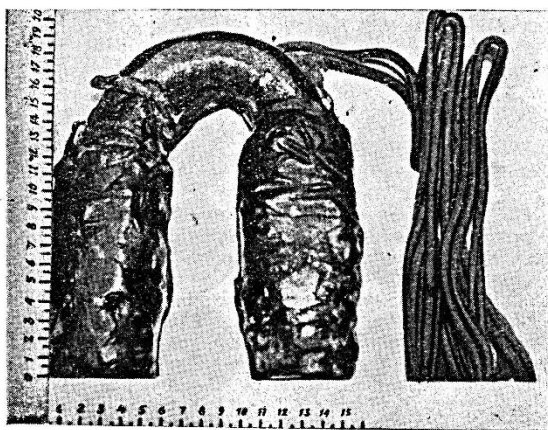
Однако указанное приспособление при всех его достоинствах не всегда позволяет вести эффективные поиски массивных металлических предметов, увязших, например в илистом дне водоема. Кроме того, как известно, подъемная сила постоянных магнитов с течением времени уменьшается вследствие естественного процесса размагничивания.

В кабинете криминалистики прокуратуры Кировоградской области была разработана схема и изготовлен

¹ См. Информационное письмо ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР № 9, а также статью С. К. Владимирова «Магнитный искатель» («Следственная практика», вып. 54, М., 1962).

электромагнит, который можно с успехом использовать для розыска находящихся в воде металлических предметов¹ (см. рис.).

Электромагнит изготовлен из сплошного металлического сердечника диаметром 40 мм подковообразной формы. На полюсах намотаны катушки, включенные последовательно. По полюсам катушки изолированы

Общий вид электромагнита

одним слоем изоляционной ленты и слоем смолы в 0,5—0,6 мм, которая наносилась на магнит в горячем виде. При этом нужно следить, чтобы торцы сердечника, образующие рабочие полюсы магнита, оставались чистыми.

Общий вес электромагнита 4800 г. Длина свободных концов провода 20 м. В качестве источника питания используется аккумулятор с автомашины ГАЗ-69. Если

¹ Активное участие в конструировании и изготовлении приспособления принял старший следователь прокуратуры Кировоградской области т. Лапенко Л. К.

позволяют условия, аккумулятор с машины можно не снимать и подключать электромагнит при работающем моторе. В тех случаях, когда автомашина не может подойти близко к месту поиска, аккумулятор с машины снимается. Мощность, потребляемая электромагнитом, 300 ватт при напряжении 12 вольт и силе тока 25 ампер.

О силе электромагнита свидетельствуют, например, следующие данные. Стальной предмет весом 1600 г подхватывается магнитом на расстоянии 30 мм (между магнитом и предметом) и удерживается настолько прочно, что отделить его от магнита руками без отключения электропитания невозможно. Предмет весом 2250 г подхватывается при расстоянии 20 мм. Предмет весом 4850 г, т. е. несколько большим, чем вес самого магнита, подхватывается с расстояния 15 мм.

Электромагнит опускается в воду на веревке. Благодаря значительному весу он хорошо утопает в воде и сильно натягивает веревку практически на любой глубине. Следовательно, находясь в лодке, у проруби или у сруба колодца, с помощью магнита, укрепленного на веревке, исследует поверхность дна водоема. Держа в руках натянутую веревку, следовательно чувствует прикосновение магнита к предметам в тот момент, когда он срабатывает. С помощью такого магнита одинаково хорошо прощупывается и каменистое и илистое дно.

Электромагнит предлагаемой конструкции прост в изготовлении и является достаточно эффективным.

В прокуратуре Кировоградской области таким электромагнитом разыскали финский нож, брошенный на дно отстойника Капитановского сахарного завода, отточенный металлический метр, служивший орудием убийства и брошенный преступником на дно заболоченного ручья со множеством корней прибрежного кустарника, а также и другие предметы. Магнитом были найдены и подняты со дна колодца глубиной 11 м со столбом воды 2,2 м обрез малокалиберной винтовки и чугуны кастет.

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ

Следователи прокуратуры Гомельской области расследовали ряд сложных уголовных дел, которые ранее были приостановлены или прекращены за необнаружением виновных. При расследовании этих дел, особенно дел об умышленных убийствах, было приложено много труда, проявлены мастерство и находчивость.

На учебно-методических семинарах следователей обычно проводится обсуждение таких дел, поскольку они представляют наибольший интерес с точки зрения методики расследования.

В связи с этим нам хотелось найти способ, который давал бы возможность более наглядно и полно показать работу следователя.

От идеи создания короткометражных фильмов и диафильмов нам пришлось отказаться, так как это сопряжено со значительной затратой денежных средств, времени, а также с рядом технических трудностей. Решили сопровождать занятия демонстрацией фотоснимков через эпидиаскоп.

Однако показ разрозненных фотоснимков оказался мало доходчивым и не давал достаточного представления о трудностях, с которыми столкнулся следователь при расследовании дела.

Тогда решили создать тематические звуковые фотофильмы, которые отличались бы простотой изготовления и не требовали больших материальных затрат. Осуществлению этого мероприятия помогло то, что в прокуратуре нашей области каждый следователь прокуратуры, применив при расследовании дела судебно-оперативную фотографию, высылает в следственный отдел негативы или дубликаты фотоснимков.

Первый фотофильм мы создали по делу Кузнецова, совершившего умышленное убийство. Были изготовлены

фотофильмы и по другим делам. Демонстрация этих фильмов на семинарах сделала занятия более наглядными и интересными.

Изготавливаются звуковые фотофильмы следующим образом.

В кабинете криминалистики с негативов, присланных следователями, печатаются фотоснимки. Размер каждого снимка не должен превышать предметного столика эпидиаскопа. Для того чтобы участники семинара могли составить более полное представление о работе следователя по изучаемому делу, таких снимков, отличающихся, разумеется, разнообразием, должно быть по возможности больше. Фотоснимки наклеиваются на полосу плотной бумаги длиной в несколько метров с интервалами в 5—6 см. Размещать фотоснимки надо в такой последовательности, чтобы создавалось наглядное представление о том, как следователь пришел к раскрытию преступления.

Дикторский текст должен содержать не простое объяснение того, что изображено на каждом фотоснимке, а представлять собой связный рассказ о методах, которые следователь успешно применил при расследовании.

Текст записывается на магнитофонную пленку. Для того чтобы пояснения совпадали с демонстрируемым изображением, фотоснимки, наклеенные на бумагу в определенной последовательности, проектируются на экран, и во время их демонстрации записывается дикторский текст. Смену кадров следует производить не торопясь, с таким расчетом, чтобы восприятие снимков и текста участниками занятия было максимально полным. Иногда запись приходится повторять, чтобы добиться наибольшей синхронности.

Во время демонстрации магнитофон устанавливается за экраном, включается воспроизводство записи, а на экран через эпидиаскоп проектируются фотоснимки. Демонстрацию такого фотофильма целесообразно производить после обстоятельного доклада дела следователем. Создание таких фильмов не требует значительных материальных затрат. Повседневный контакт со следователями дает возможность всегда иметь снимки и негативы, необходимые для изготовления подобных фотофильмов.

**РАБОТА ПРОКУРОРА-КРИМИНАЛИСТА
ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

В процессе применения криминалистической техники у прокуроров-криминалистов может возникнуть необходимость изменить, дополнить или усовершенствовать научно-технические средства, находящиеся в распоряжении следователя. Такие усовершенствования могут быть незначительными, но и они, по-видимому, будут представлять интерес для других прокуроров-криминалистов и следователей, активно использующих научно-технические средства при расследовании. В порядке обмена опытом я хотел бы рассказать о некоторых приспособлениях, изготовленных в кабинете криминалистики прокуратуры Азербайджанской ССР.

Как известно, во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР был разработан и прошел испытания прибор для отыскания закопанных трупов, основанный на анализе почвенных газов в местах вероятного захоронения трупа. Такой анализ позволяет обнаружить продукты распада животных тканей (например, сероводорода). Пользуясь описанием основных узлов этого прибора¹, я составил чертежи, по которым и была изготовлена рабочая модель.

Так же как и конструкция, предложенная ВНИИ криминалистики, изготовленный в кабинете криминалистики прибор состоит из трех основных узлов: а) индикаторная камера, в которой находится батистовая лента, пропитанная реактивом, меняющим свой цвет от воздействия продуктов распада животных тканей; б) насос, представляющий собой газозаборное устройство;

¹ См. Информационное письмо ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР № 10, а также статью А. Р. Ратинова, В. П. Власова, В. С. Сорокина «Прибор для отыскания закопанных трупов» («Следственная практика», вып. 54, М., 1962).

в) шуп, состоящий из трех полых трубок и острого наконечника.

В процессе отработки отдельных узлов прибора приходилось вносить некоторые изменения. В частности, применение шупа с острым наконечником в форме конуса, который обеспечивает вдавливание шупа в почву, как это предложено авторами прибора, не всегда удобно в условиях каменистой почвы некоторых районов Закавказья. Оказалось, что значительно удобнее пользоваться шупом с наконечником в форме сверла (см. рис. 1). Такой шуп ввинчивается в почву на значительную глубину в течение 10 — 15 сек. Экспериментальная проверка прибора дала положительные результаты.

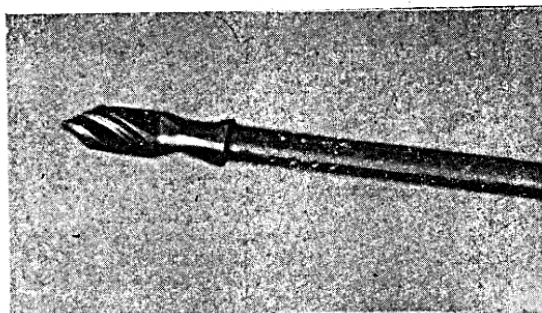

Рис. 1. Наконечник шупа в форме сверла

Следует отметить, что в условиях жаркого климата применение раствора уксусно-кислого свинца в качестве реактива, меняющего свой цвет под воздействием сероводорода, затрудняется тем, что реактив быстро испаряется. Мне кажется, что следовало бы разработать реактив, более удобный для использования в условиях Закавказья и Средней Азии.

В кабинете криминалистики были также изготовлены некоторые приспособления для фотографирования на месте происшествия и в стационарных условиях.

Оптическая промышленность выпускает очень хорошие телеобъективы, но они дорого стоят. Между тем телеобъектив иногда бывает необходим прокурору-криминалисту для фотографирования, например, пролома в стене или на крыше, фотографирования места пожара, отдельных участков местности. Оказалось, что в качестве телеобъектива может быть использован имеющийся у меня фотообъектив «Индустар-51» с фокусным расстоянием 210 мм и светосилой 1:4,5, применяемый обычно в павильонных фотоустановках и дающий достаточно резкое изображение.

Для того чтобы использовать «Индустар-51» в качестве телеобъектива, необходимо было рассчитать и сконструировать тубусы для соединения объектива с фотокамерой. Тубусы для самодельного телеобъектива были выточены из дюралюминиевых болванок с таким расчетом, чтобы они легко, но плотно входили один в другой. Внутренний тубус был изготовлен длиной 120 мм, а наружный — 108 мм. Диаметр наружного тубуса должен быть таким, чтобы в нем можно было укрепить объектив. Внутренний тубус должен ввинчиваться в объективное кольцо фотокамеры. Соединение обоих тубусов и возможность плавного выдвижения наружного тубуса до-

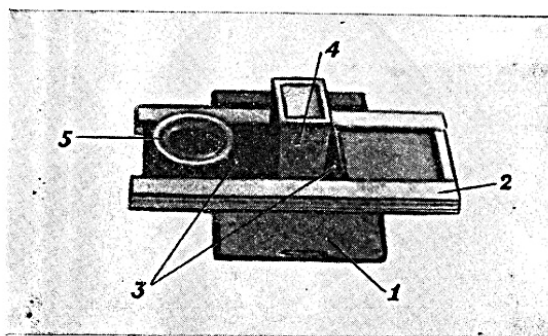

Рис. 2. Фотоприставка для аппарата «Фотокор»

стигается с помощью винтообразной прорези шириной 1,5 мм в средней части внутреннего тубуса и небольшого винта диаметром примерно 1,2—1,3 мм, который одним концом укреплен во внутренней части наружного тубуса, а другим — входит в прорезь внутреннего тубуса.

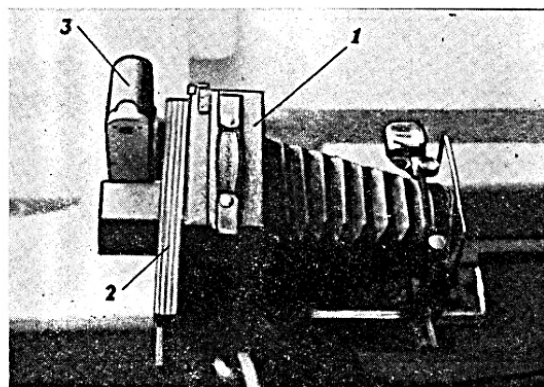

Рис. 3. Установка для репродукционной съемки
1 — «Фотокор», 2 — фотоприставка, 3 — «ФЭД»

Для репродукционной съемки в тех кабинетах криминалистики, где нет зеркального фотоаппарата типа «Зенит», но имеется фотоаппарат «Фотокор», можно сделать специальную фотоприставку. Приставка имеет несложную конструкцию (см. рис. 2) и состоит из кассеты для «Фотокора» (без крышки) (1), в средней части которой имеется отверстие размером 4×5 см. Поперек кассеты укреплена деревянная рамка (2). Во внутренней части рамки имеются пазы, вдоль которых перемещается дощечка (3) с кольцом (5) для крепления фотокамеры «ФЭД» и шахтой (4) с матовым стеклом. Приставка дает возможность делать репродукции с одновременным использованием фотоаппарата «Фотокор» и «ФЭД». Съемка производится на узкую пленку, вставленную в

фотоаппарат «ФЭД». Приставка соединяется с «Фотоко-
ром» при помощи детали, изготовленной из кассеты для
этого аппарата. Установив шахту с матовым стеклом
напротив указанного выше отверстия (4×5 см), произ-
водят наводку на резкость. Затем дощечка сдвигается
так, чтобы напротив отверстия оказался фотоаппарат
«ФЭД», и производится съемка. Описанная конструкция
обеспечивает получение изображения в крупном мас-
штабе. В рабочем состоянии фотоприставка изобра-
жена на рис. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Взаимодействие работников прокуратуры и милиции обеспечи- ло раскрытие опасных преступлений — А. П. ФОКИН, М. М. МАМЕДОВ	3
Документы внутреннего учета помогли изобличить расхитите- ля — Н. А. НЕКЛЮДОВ	13
Правильные выводы из результатов осмотра места происшеств- вия — И. В. РУДНИЦКИЙ, А. Н. ТИМЧУК	21
Деньги в кредит — Н. И. АЛФЕР	30
Расследование хищений и приписок к государственной отчет- ности в колхозах — В. И. ЗИМАРИН	37
Расследование дела об убийстве Чистяковой — В. С. ЛЕВ- ЧЕНКО	43
Соединение дел способствовало полному разоблачению шайки грабителей — Ф. В. РАСЛАМБЕКОВ	53
Расследование дела о нарушении законов об охране труда несовершеннолетних — Е. А. МЕЛЬНИКОВ	64
Мотив убийства — кровная месть — Б. И. БАРАМИЯ	70
Дружинник помог раскрыть кражи вещей из посылок — А. А. ЖАРКИН	74
От отдельного сигнала — к установлению хищения — Л. А. КУШНИР	78
Участие общественности в расследовании детоубийств — А. Д. ТЕНЕНБАУМ	87
Дерзкие разбойные нападения раскрыты — С. П. ПАВ- ЛОВ, Ю. И. БОРОВКОВ	94
Грубая ошибка — М. О. ПРУСЛИН	101
Некоторые вопросы расследования хищений неучтенной про- дукции — Л. О. ИОФФЕ	108
Магнитофонная лента — вещественное доказательство — В. С. ПОНОМАРЕВ, Л. Н. ГАВРИЛОВ	120
Как судебно-медицинская экспертиза помогла разрешить слож- ные вопросы, интересовавшие следствие — В. М. МАС- ЛОВ	124
Розыск преступника по портрету, нарисованному со слов потер- певших — Р. В. ДОРОФЕЕВ, З. И. ДРУЯН, М. В. САЛТЕВСКИЙ	130

В кабинетах криминалистики

Электромагнит для поисков металлических предметов — Я. Г. ЦЫПАРСКИЙ	133
Наглядное пособие для проведения занятий — С. К. СМОТРИЦКИЙ	136
Работа прокурора-криминалиста по усовершенствованию научно-технических средств — А. А. КУРБАНОВ	138

Коллектив авторов

«СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА»
выпуск 63

Редакторы Е. А. Лопатина, Е. В. Скакулин
Художественный редактор А. И. Заболотнов
Технический редактор Н. М. Тарасова
Корректор Л. И. Ушанова

Сдано в набор 10/VI-1963 г. Подписано в печать 9/X-1963 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 4,5; усл. печ. л. 7,38; учетно-изд. л. 7,03. Тираж 8000. Цена 21 коп. А—09361. Заказ № 2466.

Издательство «Юридическая литература» — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40.

Ивановская областная типография, г. Иваново, Типографская, 6.